

НА ГРАНИ ВОЙНЫ

СЕРИЯ «НА ГРАНИ КРАХА #5»

ҚАЙЛА СТОУН

Свобода не дается даром...

Спустя несколько недель после того, как ЭМИ-атака разрушила Соединенные Штаты, страна разваливается на части. Ханна, Лиам и остальные выжили в условиях сурового холода и жестоких противников, но опасность еще никогда не оказывалась столь велика.

Внутренние враги захватили контроль над городом — и то небольшое, что осталось от еды. Находясь на грани голода, в условиях продолжающейся свирепой зимы в Мичигане, горожане оказываются перед отчаянным выбором.

Чтобы обрести свободу, жителям Фолл-Крика, возможно, придется пожертвовать большим, чем они даже могли себе представить.

Когда страна погружается во тьму, обычные люди оказываются перед лицом крушения привычного им мира. Общество рушится на глазах, и героям придется рискнуть всем, чтобы защитить свой дом и людей, которых они любят.

Перевод: MonaBurumba

Вычитка: MonaBurumba

Русификация обложки: Хексаны

«В глубине зимы я наконец узнал, что во мне живет непобедимое лето».

Альбер Камю

Глава 1

Лиам

День сороковой

Вдалеке раздались выстрелы. Бум! Бум! Бум!

Призрак с яростным рычанием бросился к входной двери дома Молли, оскалившись. Кошки с шипением разбежались, ныряя под диван и убегая на кухню и в коридор.

Шестнадцатилетняя Квинн Райли вскочила на ноги.

— На Фолл-Крик напали!

Адреналин Лиам Коулмана зашкаливал. Он двинулся к входной двери, М4 наготове, все чувства настороже. Саманта Перес и Хосе Рейносо, оба полицейские, следовали прямо за ним.

Рация Рейносо снова затрещала.

— Противники захватили блокпост за мостом, — передал офицер Хейс, его голос прерывался из-за помех. — Двое ополченцев убиты, третий предупредил нас, ведя интенсивный огонь...

— Принято, — произнес Рейносо. — Уже выдвигаемся.

— Мы можем помочь. — Аттикус Бишоп повернулся со своего места у окна, держа в руках модифицированный АК-47, что Лиам дал ему. — Мы пойдем с вами.

Рейносо колебался.

— Шефу Шеридану это не понравится...

— Он пойдет на все, чтобы сохранить Фолл-Крик в безопасности. Вы слышали Хейса

Могут понадобиться все люди. Ополчению может не хватить сил. Нам нужно поторопиться!

Рейносо отрывисто кивнул.

— Хорошо.

Огонь потрескивал в камине, свечи мерцали на книжной полке. Уютная и гостеприимная гостиная Молли напоминала маяк среди жестокого холода, убежище от врагов, скрывающихся снаружи.

Лиам заглянул через стеклянное полотно двери. На улице пусто и тихо.

Он оглянулся на Ханну. Она стояла перед диваном, прижимая маленькую Шарлотту Роуз к плечу больной рукой, а правой уже тянулась к пистолету.

Хлоп! Хоп! Хлоп! Еще один шквал выстрелов раздался снаружи.

Аннет Кинг вздрогнула. Майк Дункан, владелец местной автозаправочной станции, огляделся по сторонам, словно в любую минуту на него мог выскочить нападающий. Его сын Джамал, учащийся колледжа, выглядел на грани паники.

Лиам обвел взглядом комнату. Полдюжины напряженных и испуганных лиц смотрели на него — Майк Дункан и его сын; Аннет Кинг, бывший директор средней школы, которая теперь управляла городским приютом; Дейв Фаррис, владелец гостиницы «Фолл-Крик» и любитель радиосвязи; Аттикус Бишоп, пастор; Рейносо и Перес, два офицера полиции Фолл-Крика.

Квинн, Ханна и Молли, бабушка Квинн, собрали эту группу, чтобы бросить вызов ополчению. Они хотели сражаться, но горожане совсем не готовы. Они не готовы воевать ни с ополчением, ни с кем-либо еще.

Ополченцы представляли опасность. Маттиас Саттер и суперинтендант города, Розамонд Синклер, оказались тиранами, скрывающимися за масками спасителей. Лиаму необходимо разобраться с ними, но сначала он должен справиться с непосредственной угрозой.

Лиам уже надел ботинки и куртку. Он пристегнул М4 к перевязи и надел перчатки, пока Бишоп и Рейносо застегивали свои куртки.

— Не высовывайтесь. Смотрите в оба и держите оружие наготове. Дождитесь отчёта с ситуации, прежде чем выглядывать в окна.

— Так и сделаем, — пообещал Дейв. — Спасибо за помощь. Мы ценим это.

Лиам слегка пожал плечами. Ему не очень нравились благодарности или комплименты. Он был человеком действия, а не слов. Он хотел выйти наружу, оценить угрозу и нейтрализовать ее.

Он поправил на груди защитный жилет, конфискованный у Десото, а также две осколочные гранаты, два свежих магазина, тактический нож «Гербер МК II» и «Глок 19».

Повернувшись, он обратился к Молли и Ханне.

— Охраняйте входы в дом. Стойте на страже, пока я не дам другого приказа. Призрак поможет. Никого не подпускайте близко, если не просвистит код.

Ханна кивнула.

— Я помню. «С днем рождения».

— Стреляйте во всех остальных.

Молли потянулась к «Моссбергу-500», прислоненному к дивану, морщинистыми, но твердыми руками.

— Никто не войдет в мой дом без приглашения. Только если они не хотят, чтобы в них проделали несколько дырок.

Квинн перекинула свой 22-й калибр через плечо. Она откинула синюю челку с глаз и посмотрела на Лиаму свирепым взглядом.

— Я хочу пойти с вами.

— Ни в коем случае, — отрезал Бишоп.

— Нет, — прорычал Лиам.

Квинн нахмурилась. Пирсинг в ее брови и губах сверкал в свете камина в гостиной.

— Я могу помочь!

— Ты нужна нам здесь, — вмешалась Ханна. — Ты можешь стоять на страже у двери кухни и прикрывать наши спины.

Квинн не выглядела довольной, но не стала спорить.

— Мама? — Майло стоял в коридоре. Во время встречи он рисовал в спальне Квинн. — Я слышал громкие звуки. Они походили на выстрелы.

— Все в порядке, — успокоила его Ханна. — С нами все будет в порядке.

Квинн протянула руку Майло.

— Пойдем, поможешь мне охранять кухню.

Снаружи снова раздались выстрелы.

Призрак залаял и прыгнул на дверь, сотрясая ее на петлях. Стоя на задних лапах, этот пиренейский горный пес не уступал Лиаму в росте.

— На этот раз ты должен остаться здесь, мальчик, — проговорила Ханна. — Твоя работа — защищать нас.

Лиам чувствовал напряжение. Ему не терпелось принять участие в бою, и еще больше хотелось остаться с Ханной.

Он ненавидел, что она живет в «Винтер Хейвене» с Ноа Шериданом, ее никчемным мужем. Он ненавидел, что не может защитить ее так, как хотел бы — так, как должен.

— Ты уверена, что с тобой здесь все будет в порядке? — спросил он хрипловато.

Ханна встретила его взгляд поверх маленькой головы Шарлотты. Ханна была стройной, черты лица тонкими, по щекам и носу рассыпаны веснушки. Но на самом деле она была гораздо сильнее, чем казалась.

Ее взгляд выражал решимость, а зеленые глаза смотрели так ясно и глубоко, что если он не проявит осторожность, то неминуемо пропадет.

Его сердце заколотилось сильнее. Лиам уже утонул в них. Выбраться нет никакой возможности, не для него.

— С нами все будет в порядке, — заверила Ханна. — Иди и разберись с этим.

Он кивнул, соглашаясь.

Шарлотта извивалась на руках Ханны и тихонько лепетала. Маленькая зелено-серая шапочка, которую он связал собственноручно, была натянута на ее шоколадно-коричневую макушку — пушистые волосы малышки имели тот же насыщенный оттенок, что и волосы ее матери.

Шарлотта такая маленькая, такая хрупкая. Волна тепла и привязанности волной окатила Лиаму. Он питал глубокую любовь к ребенку Ханны. И к Майло тоже. Мальчик вырос крепким, храбрым малышом с большим добрым сердцем своей матери.

Лиам должен защитить не только Ханну, но и всех жителей Фолл-Крика — маленького сельского городка, приютившегося в уголке юго-западного Мичигана.

Он только что пообещал этим людям, что будет сражаться вместе с ними, будет сражаться за них. Лиам намеревался сдержать свое обещание. При нем никто не причинит

им вреда.

Какие бы опасности ни таились за пределами Фолл-Крика, Лиам позаботится о том, чтобы они не проникли в город.

Глава 2

Лиам

День сороковой

Позднее полуденное солнце отбрасывало длинные тени на снег. Небо оставалось голубым и безоблачным, температура — около минус шести градусов. Снежные сугробы намело на дорожные знаки, брошенные автомобили, электрические столбы и витрины магазинов.

От дома Молли до центра Фолл-Крика, крошечного сельского городка с населением менее тысячи человек, расположенного в юго-западном углу штата Мичиган в округе Берриен, дорога заняла три минуты.

Они ехали на черном «Форде F150» с надписью: «Полиция Фолл-Крика» на боку. Рейносо вел машину, Перес села на пассажирское сиденье, а Лиам и Бишоп расположились на заднем сиденье, окна опущены, оружие наготове.

Никто не разговаривал. Двигатель урчал, дряхлый грузовик трясся по колеям и ухабам в снегу. Звуки беспорядочной стрельбы становились все громче.

Лиам наблюдал за зданиями и деревьями справа, Бишоп — слева. Напряженный и внимательный, он осматривал дверные проемы, окна и крыши, изучал тени между деревьями, фиксировал каждую деталь и откладывал ее в памяти.

Он стиснул зубы, когда они проезжали мимо нескольких брошенных машин, приткнувшихся к обочине дороги — вероятное место для засады. Никто не выскочил навстречу. Бой шел впереди.

— Все может оказаться весьма непросто. — Рейносо смотрел прямо перед собой. Бывший морской пехотинец сорока лет, он имел крепкое телосложение, невысокий, но плотный, как танк. Он отлично владел собой и своим оружием. Серьезный парень, настроенный по-деловому. — Саттер ведь хочет, чтобы вы оба погибли?

— Суперинтендант Синклер хочет, — уточнил Бишоп. — Она винит нас в смерти своих сыновей. Считает, что я убил Джулиана, хотя смерть Джулиана стала промыслом Божьим. Гэвин Пайк заслуживал смерти во сто крат больше. Хотя она никогда этого не признает. А Саттер полагает, что мы расправились с двумя его ополченцами, которых Джулиан послал убить нас.

Рана на ухе Лиамы все еще болела. Бывший правой рукой Саттера, Себастьян Десото отхватил кусок от мочки уха прямо перед тем, как Лиам вогнал карамбит Десото ему в горло.

Лиам сохранил этот клинок. Оружие отличное.

Рейносо тихонько присвистнул.

— Это, конечно, все усложняет. Получается, как в ситуации «враг моего врага — мой друг»?

— Мы еще не знаем, что это за ситуация, — мрачно отозвался Лиам. — Вот почему нам нужно смотреть в оба и быть очень, очень осторожными.

Бишоп поправил рукоятку АК-47 и провел рукой по своему афро. Он снял свою ярко-оранжевую парку и надел камуфляжную охотничью куртку поверх фиолетовой гавайской

рубашки.

Пастор церкви Кроссвей, Бишоп был крупным, мощным чернокожим мужчиной с эклектичным стилем. Он отличался приветливостью и неизменным позитивом — даже после того, как потерял жену и детей во время ужасной бойни в церкви.

С болью Лиам подумал о своем общительном брате-близнеце Линкольне. О своем мертвом брате, о своей мертвой невестке. Он моргнул и подавил прилив боли. Он не мог позволить себе думать о них сейчас.

— В первую очередь мы должны понять, кто нас атакует, — проговорил Бишоп.

— Думаешь, это не просто банда или группа головорезов? — спросила Саманта Перес.

Бывшая военная Национальной гвардии, она была полноватой и крепкой, с широкими плечами и мускулистыми руками. Ее черные волосы обрамляли линию челюсти. Все в ней излучало жесткость и дисциплину.

— Меня не покидает одна мысль. — Бишоп не стал уточнять.

Лиам сузил глаза, но продолжал смотреть на свою сторону дороги. Он не доверял ни Рейносо, ни Перес. Они оба служили в полиции Фолл-Крика, были коллегами Ноэ Шеридана и находились под командованием Розамонд Синклер и ополченцев.

И все же Молли пригласила их на встречу, чтобы обсудить угрозу, которую представляет собой ополчение. Оказалось, что они поддерживают решение вытеснить ополченцев из города, даже если это означает неповиновение начальству.

— Вам обоим лучше не высовываться, — посоветовал Рейносо. — Держитесь подальше от Саттера.

— Я не боюсь Саттера, — отмахнулся Лиам. — И не оставлю судьбу города в их руках.

Бишоп кивнул.

— Согласен.

— Мы прикроем вас, — отчеканила Перес. — Какую бы месть ни планировал Саттер, сегодня он ее не получит.

Рейносо свернул налево на центральную улицу у бензоколонки и направился на юг к мосту. Звуки боя становились все громче. Выстрелы смешивались с криками и воплями. В воздухе висел тяжелый дым.

Офицер Орен Труитт махнул им рукой за квартал до моста, ведущего из Фолл-Крика. Он примостился за задней частью ржавого зеленого пикапа, припаркованного на обочине у пиццерии.

Рейносо припарковался за пикапом и выпрыгнул из него. Лиам, Перес и Бишоп последовали за ним. Их ботинки хрустели по снегу. Они не высовывались, приседая, чтобы скрыться за грузовиком Труитта.

— Обрисуй ситуацию, — велела Перес.

Труитт тяжело дышал, густые белые струи вырывались из его потрескавшихся губ. Это был молодой парень лет двадцати пяти, один из резервных полицейских, перешедших на постоянную работу без зарплаты, без льгот и со всеми рисками.

Лиам чертовски его уважал.

Труитт одной рукой почесывал бороду, а другой сжимал ружье, выданное департаментом.

— Саттер держит десять человек на блокпосте у старой 31-й дороги в северной части города на случай, если нападающие попытаются подойти к нам с противоположной стороны. Они проехали на снегоуборочной машине прямо через блокпост с тремя

грузовиками за ней. Без предупреждения, просто бам! Перебрались через мост и пытаются продвинуться дальше в город.

Лиам опустил ствол своего М4 на капот F150. Он опустился на колени, заглянул через капот и осмотрел местность.

Мост через Фолл-Крик находился примерно в пятидесяти ярдах впереди. Два десятка ополченцев укрылись за заглохшими машинами и грузовиками по обеим сторонам дороги.

Пятеро засели за продуктовым магазином «Френдли» на западе. Другие зашли внутрь и стреляли из своих модифицированных полуавтоматов из окон, выходящих на юг.

Модифицированные полуавтоматы позволяли делать более одного выстрела при одном нажатии на спусковой крючок, используя энергию отдачи. В результате полуавтоматы стреляли как автоматические пулеметы, но с меньшей точностью.

Не менее дюжины мертвых и раненых мужчин и женщин лежали, разбросанные по дороге и вокруг окружающих зданий — несколько ополченцев, но большинство — нападавшие.

Из офисного здания на востоке поднимался дым, окна были разбиты. Возле моста горели две машины. Должно быть, ополченцы бросили несколько осколочных гранат.

Противники находились к югу, укрываясь за своими машинами и бетонными ограждениями моста. Несколько человек проникли на окраину главной улицы и укрылись внутри нескольких зданий. Основные силы затаились в семейной аптеке Винсона, расположенной напротив «Френдли».

Ополченцы имели больше людей и лучшую огневую мощь, но их боевая подготовка оставляла желать лучшего. Они вели себя слишком самоуверенно и, похоже, не видели трещин, которые оставляли в своей обороне.

— Они продолжают наступать на нас, — проговорил Труитт. — Они неумолимы. Еще две группы атакуют Хаммингберд-Лейн на юго-востоке и Лемон-Роуд на юго-западе. Это единственные входы в город с южной стороны. Дороги небольшие, лесистые с обеих сторон, и их труднее оборонять. У них скорее всего есть карта или они знают местность.

Страх сжал легкие Лиамы. Нападающие находились все еще в милях от Ханны. Но если они проникли в город...

— Кто они? — спросил Бишоп.

— Черт его знает. Саттер и шеф Шеридан тоже ничего не знают. Обычные люди. У них есть дробовики, пистолеты, несколько полуавтоматов.

— Может быть, они просто так проголодались, что объединились, чтобы напасть на другой город ради еды и припасов, — предположил Рейносо. — Это происходит все чаще и чаще.

Перес сплюнула в снег.

— Неважно, кто они. Они стреляют в меня, я стреляю в ответ.

— Где Ноа? — спросил Лиам. — Он главный? Или Саттер?

Труитт закатил глаза.

— А ты как думаешь, кто? Саттер здесь, руководит основной обороной. Его новый заместитель, Джеймс Лютер, держит группу на Лемон-Роуд. Саттер послал шефа Шеридана оттеснить меньшие силы из примерно пятнадцати нападавших на Хаммингберд.

— Где мы вам нужны? — спросила Перес.

Рация затрещала.

— Это Бета-команда два. Мы зажаты здесь! Просим немедленной помощи!

— Это команда Лютера, — уточнил Труитт.

Прежде чем он успел сказать что-то еще, по рации прозвучал голос Саттера:

— Команда Альфа-один вызывает Бета-два, вы сами по себе. Не отступайте. Повторяю, не дайте им пройти мимо вас!

— Принято, — отозвался Лютер, прежде чем закончить связь. Его голос звучал напряженно, испуганно.

— Лемон-Роуд выведет их прямо к приюту средней школы, — жестко произнес Лиам.

Двести безоружных гражданских лиц. Женщины и дети. Средняя школа, расположенная в том же кампусе, служила распределительным центром и содержала оставшиеся запасы продовольствия для всего города, которые раздавали ополченцы.

— Мы не можем позволить им зайти так далеко, — отчеканил Бишоп. — Это станет кровавой баней.

Лиам покачал головой в разочаровании. У них нет координации, нет запасного плана. Он не командовал, у него здесь нет никакого влияния.

Что бы ни случилось, он будет держаться между нападавшими и домом Молли. Если они приблизятся к Тэнгвуд-Драйв, он отступит, чтобы защитить Ханну. И точка. Она — его приоритет.

— Мы займемся Лемон-Роуд, — произнес он. — Усилим позиции ополченцев и не дадим врагам прорваться.

— Вы двое мне точно пригодитесь, — обратился Труитт к Рейносо и Перес. — Хейсу нужно, чтобы мы все трое добрались до аптеки Винсона как можно скорее.

Труитт покопался в кармане куртки и бросил брелок Бишопу, который выпустил свой пистолет достаточно, чтобы перехватить его.

— Мой двухместный «Поларис» я припарковал в двух кварталах позади автосервиса Ганди. Включите рации на третий канал.

Лиам жестом подозвал Бишопа, и они повернулись, изучая стратегию отхода. Они стояли на коленях бок о бок, напрягая слух и глаза, ища движение или любой признак того, что враги могли проскользнуть мимо блокады.

Остальная часть Фолл-Крика выглядела чистой. Казалось, что это город-призрак. Ни движения, ни жизни.

Образы Ханны, Шарлотты и Майло промелькнули у Лиамы в голове. Он загнал свок тревогу вглубь. Лучшее, что он мог сделать для них, это закончить эту битву.

Если враги захватят город, Ханна и все остальные окажутся в невероятной опасности. Отчаявшиеся люди, охваченные голодом и жаждой крови, способны на все.

Подняв карабин и прижав его к плечу, Лиам бросился за прачечную и обогнул здание. Он прижался спиной к стене. Бишоп последовал за ним, прикрывая. Каждую минуту они делали паузу, чтобы посмотреть и послушать.

Они без проблем добрались до «Полариса». Оба направились к водительскому сиденью. Бишоп фыркнул, переложил оружие и поднял брелок.

— Двадцать баксов на то, что я лучший водитель, а ты лучший стрелок.

Лиам не стал спорить.

— Наличные почти ничего не стоят.

— Но удовлетворение от победы длится вечно.

— Не знал, что пасторам разрешено играть в азартные игры.

Бишоп ухмыльнулся.

— Крайние обстоятельства требуют крайних мер.

Лиам кивнул в сторону машины.

— Она в твоём распоряжении.

Бишоп осмотрел окна автомастерской Ганди на другой стороне парковки.

— Каков план?

— Кепхарт идет параллельно Лемон. Сразу за перекрестком будет полмили по лесу. Мы должны обойти их с фланга, если не окружить.

Бишоп удивленно поднял брови.

— Верно.

— Я ходил по городу, изучал карты.

— Что ж, я впечатлен. — Бишоп забрался в машину, и Лиам последовал за ним. Они надели шлемы и подогнули снаряжение, продолжая наблюдать за окружающей обстановкой. — Давай покончим с этим.

В двух кварталах от них что-то взорвалось. Еще одна осколочная граната.

— Ты справишься? — спросил Лиам. — Если придется убивать?

Бишоп бывший военный, но сейчас он пастор. Человек веры, а не убийца.

Бишоп казался достаточно компетентным, и он умело обращался со своим оружием, но некоторые солдаты служили годами и никогда не убивали других людей. Джулиан Синклер умер, но не от руки Бишопа.

Они столкнулись с неприятностями, и Лиам должен знать, с кем имеет дело. Кризис совести в неподходящий момент может стать смертным приговором.

Здоровяк повернулся и оскалился в кривой ухмылке, под бородой сверкнули белые зубы. Сквозь визор шлема его взгляд был острым и сосредоточенным.

— Тебе не стоит беспокоиться обо мне, друг. Что бы ни случилось дальше, я прикрою тебя.

Глава 3

Лиам

День сороковой

Лиам постучал по нижней части заряженного магазина, чтобы убедиться, что он правильно вставлен, затем навел М4 на цель и снял оружие с предохранителя.

Лежа на животе, он увеличил прицел и осмотрел местность, вглядываясь между безлистных веток и сучьев в холм в направлении Лемон-Роуд в двадцати ярдах от себя. Бишоп спрятался в таком же укрытии в двадцати ярдах слева от Лиамы.

У Лиамы болела поясница, снег под его бедрами, ногами и грудью был ледяным и неудобным. Холодный воздух кусал его открытое лицо. Беспокойство за Ханну постоянно давило в груди и в глубине глаз.

Он отодвинул все это. Полностью сосредоточился на своей миссии.

Со своей позиции, вырытой в склоне холма, Лиам мог обозревать местность на востоке и западе. Дорога тянулась по дну неглубокого оврага, по обе стороны которого возвышались холмы. Изредка встречались дома, приютившиеся в лесу.

На востоке он заметил дюжину противников, сгрудившихся за тремя разными машинами — двумя тяжелыми грузовиками и еще одним большим снегоочистителем.

— Трое ополченцев за магазином рыболовных снастей на девять часов, — передал Бишоп по их частному радиоканалу.

— Принято. — Лиам повернулся влево и посмотрел в прицел. Он обнаружил группу Лютера в двадцати пяти ярдах к западу от пересечения Лемон-Роуд и Хинчман-Корт.

Трое ополченцев присели вдоль внешней стены рыболовного магазина, провисшую жестяную крышу которого покрывал снег. Между ними и лесом на другой стороне дороги стоял массивный мусорный контейнер.

Лиам видел их лишь мельком — первый из них сидел на заднице, раскинув ноги, кровь брызгала по бедрам. Значит, по крайней мере, один ранен. От второго ополченца он смог разглядеть только пару боевых ботинок и кусок камуфляжной формы. Третий опустил на колени, заведя винтовку за угол мусорного контейнера, чтобы выстрелить в сторону леса.

Выстрелы эхом отдавались в хрустящем воздухе. Пули отскакивали от мусорного контейнера. Третий бросился назад за укрытие. Лиам не мог разглядеть его лица, но он был высоким и худым, как Лютер.

Нападавшие прижали ополченцев основательно. Стрельба велась с востока и севера, со стороны дороги Лиама. Он осмотрел лес под собой, справа и слева.

Неясное движение. Блеск винтовочного ствола. Стрелки прятались среди деревьев.

Заросли вечнозеленых деревьев закрывали их от взгляда Лиама. Ему пришлось бы сместиться, чтобы сделать точный выстрел. Адреналин зашкаливал, он замедлил дыхание и сосредоточился на своих чувствах.

Не отрывая взгляда от теней в деревьях, он нажал на кнопку связи.

— Я насчитал четырех нападающих в лесу на восемь часов.

— Принято. Вижу их. Я прикрою тебя. Подходи так близко, как нужно.

Лиам поднялся, стараясь не задевать сосновые ветви, каждый шаг тщательно выверен и осторожен. Под ровный стук выстрелов он мог двигаться незамеченным даже в снегу.

Он подкрадывался к врагам сзади, следя за каждым из них периферийным зрением. Он не мог разглядеть их лица. Они были одеты в тяжелые куртки, охотничье снаряжение, зимние штаны и ботинки.

Когда до ближайшей цели оставалось десять ярдов, Лиам нашел небольшое укрытие за огромным дубом. Он проверил свою позицию для стрельбы и прижал карабин к плечу.

Ветра почти не ощущалось. Только деревья, между которыми можно целиться. Он определил первую цель, проследив за ней сквозь заросли, пробираясь по снегу. Он двигался на запад, огибая магазин рыболовных снастей в пределах линии деревьев, пытаясь обойти мусорный контейнер, чтобы сделать прицельный выстрел.

Лиам ждал, когда между стволами деревьев появится просвет, чтобы подстеречь нападавшего. Он прицелился, выдохнул и нажал на спусковой крючок.

Мужчина дернулся и крутанулся, выронив винтовку. Лиам снова выстрелил ему между глаз.

Он переместился и трижды выстрелил в тень, стоявшую на одиннадцати часах. Один выстрел пришелся в голову.

Лиам крутанулся, прицеливаясь в третьего противника, когда выстрелы ударили справа от него. Он бросился назад за ствол дерева, низко присел и выстрелил по ногам мужчины. Тот закричал и упал. Лиам прикончил его.

Он повернулся в направлении четвертого, сканируя пространство, чтобы найти свою цель. Враг заметил его и поднимал охотничье ружье в его сторону.

Раздался треск. Мужчина упал, не успев нажать на спусковой крючок.

Бишоп свистнул, чтобы предупредить Лиама о своем присутствии, и появился между

двумя березами. Лиам кивнул ему в знак благодарности.

Пуля проникла чуть ниже правого глаза бандита, пробила его мозг и вышла через заднюю часть черепа. Отличный выстрел.

На вид убитому примерно тридцать лет. В нем не было ничего особенного или привлекательного. Он выглядел исхудавшим, его скулы — единственные, оставшиеся целыми, — резко выступали. Даже мертвый, он казался голодным.

Бишоп смотрел вниз на тела, его рот двигался, но не издавал ни звука. Он закрыл глаза.

Лиам понятия не имел, что он делает.

Бишоп вновь привлек к себе внимание. Не говоря ни слова, он указал на восток, где первая группа нападавших продолжала обстреливать ополченцев, застрывших за рыболовным магазином.

Пуля впиалась в ельник в шести ярдах справа от них. Кора осыпала снег. Сосновые иголки посыпались вниз.

Им нужно срочно убираться из леса, пока союзники не приняли их за врагов. Они и были врагами — только не в данный момент.

Лиам эта мысль смущала, и она ему не нравилась. Он стиснул зубы и дал сигнал Бишопу двигаться.

Бишоп повернулся и затрусил обратно по хребту, возвращаясь по дороге, по которой они пришли, и направляясь на восток, чтобы обойти врагов, расположившихся лагерем за машинами.

Лиам последовал за ним, прикрывая их спины. Они оставили четыре трупа среди деревьев, и их наличие тяготило его совесть. Они будут преследовать его позже, когда он останется один в своей постели и будет сомневаться во всем.

Пока что он не чувствовал никакой вины. Он вообще ничего не чувствовал. Возможно, почувствует что-то позже, но в пылу битвы от него требовались только решительные действия.

Лиам скользил от дерева к дереву, стараясь держаться как можно более скрытно. В лесу пахло хвоей, мертвыми листьями и спящей землей, а еще порохом и дымом. Ветви деревьев поникли, придавленные снегом.

Он бросился к возвышающемуся дубу, обогнул ствол, проскочил пять футов до зарослей болиголова и двинулся туда, где деревья поредели. Скопление сосен заслонило ему видимость.

Обойдя стороной густую хвойную поросль, Лиам получив беспрепятственный обзор дороги внизу.

Позади заграждения из машин десять нападавших вели огонь по магазину рыболовных снастей. Два человека лежали — один убит, другой смертельно ранен.

У них были охотничьи ружья и дробовики. Один пожилой мужчина держал револьвер. На них были куртки и гражданская одежда, никакой униформы или военного снаряжения — обычные люди, доведенные до отчаяния голодом и жестоким холодом.

Лиам отбросил свои личные переживания. Он был солдатом. У него есть работа.

Он присел на корточки и укрепил карабин на развилке дерева. Прицелился, выдохнул, снял курок с предохранителя и приготовился стрелять.

— Подожди, — раздался голос Бишоп по рации.

Лиам нахмурился, но не двинулся с места. Он скучал по своему горловому микрофону, который остался в армии. Он вообще скучал по технологиям.

— Я узнал одного из них, — проговорил Бишоп.

Лиам выругался. Он поправил карабин и ответил.

— Что?

— Мик Селлерс. Он глава службы безопасности города Найлс. Я встречался с ним. Он помог нам, когда Майло и куча народу заболели.

— Сейчас он не помогает.

— Что-то здесь не так, Лиам.

Лиам не мог этого отрицать. И все же, эти люди напали на Фолл-Крик. У них не оставалось выбора, кроме как защищаться с помощью смертоносной силы.

— Ты прикроешь меня? — спросил Бишоп.

Лиам напрягся. Его охватила тревога. Ему это совсем не нравилось.

— Это не очень хорошая идея.

— Не стреляй на поражение, пока не придется. И не подвергай себя риску. Рисковать буду я.

— Бишоп...

— Я переключаюсь на основной канал.

Лиам нахмурился, но последовал его примеру.

Понизив голос, Бишоп объявил:

— Бета-команда два, это Аттикус Бишоп. Прекратите огонь. Вы стреляете в нас. Мы расчищаем дорогу. Повторяю, вы стреляете в друзей.

Из рации донеслось шипение помех. Затем:

— Бишоп? Пастор? Какого черта?

— Офицеры Хейс и Труитт послали нас по приказу Саттера. Вы же заметили, что мы уничтожили противника на вашем фланге? И с этими тоже разберемся. Но вы должны прекратить стрельбу. Укройтесь и ждите нас.

По рации послышались проклятия.

— Лютер, у тебя раненный и вы в меньшинстве. Мы нужны тебе.

Минута молчания, затем:

— Приказ Саттера — стрелять на поражение.

— И как это у вас получается? — уточнил Бишоп. — Дайте нам три минуты. Ждите.

— В таком случае вам лучше побыстрее разобраться с ними.

— Так и сделаем.

Еще одна пауза.

С обеих сторон раздались выстрелы. Мужчина средних лет азиатского происхождения, сгорбившийся за грузовиком, издал крик и упал назад, его бейсболка «Детройт Лайонз» слетела с головы. Кровь хлынула из его шеи.

Беспокойство скрутило внутренности Лиамы. Хитроумный план Бишопы не сработает. Ополченцы не отступят. Они слишком высокомерны, слишком одержимы властью и контролем...

— Бета-команда два отбой, — неохотно проговорил Лютер. — Конец связи.

Выстрелы с противоположной стороны стихли и прекратились.

Нападавшие продолжали стрелять. Их стрельба носила эпизодический характер и раздавалась все реже и реже. У них заканчивались патроны. Трое из атакующих уже не стреляли; они сгрудились за опорами двигателя, цепляясь за разряженное оружие, как за спасательный круг.

Лиам переключил канал.

— Бишоп, не делай глупостей...

Рация щелкнула в ответ. В десяти ярдах от них притаился Бишоп, укрывшись своим огромным телом за толстым красным дубом. В этом лесу не существовало дерева, которое могло бы закрыть Бишопу целиком.

— Мик Селлерс! — рокочущий голос Бишопу прозвучал над стрельбой из пистолета. — Прекратите огонь! Я хочу поговорить с Миком Селлерсом!

Полдюжины стволов взметнулись к линии деревьев.

— Опустите оружие! — крикнул Бишоп. — Вы окружены!

Лиам сделал несколько выстрелов над их головами. Группа застыла, растерянная и испуганная.

Рыжеволосый мужчина лет сорока с кустистой бородой до груди ответил. Несколько выстрелов разорвали ветви сосен в двадцати ярдах вверх по холму.

Лиам прицелился и быстро нажал на спусковой крючок. Пули прорезали борозды на земле в дюймах от сапог рыжего. В ужасе мужчина отпрыгнул назад, вскинув руки в знак капитуляции.

— Опустите оружие, друг. — Голос Бишопу звучал жестко и твердо. Ни уступки, ни сомнения. И никакого страха. — Нам нужно поговорить с Миком.

Рыжий нахмурился сквозь кустистую бороду, но повиновался, опустив охотничье ружье на землю.

Старик с револьвером стоял, кривясь, как будто у него дрожали колени и болела спина. Он щурился на деревья.

— Я Мик. Кто спрашивает?

— Вы все под прицелом, — заявил Бишоп. — Если кто-нибудь пошевелится и достанет оружие, вас без колебаний убьют. Это понятно?

Они переглянулись, но страх победил. Один за другим они опускали оружие.

Бишоп вышел из-за ствола дуба. Он не опустил АК-47, но держал его низко и не угрожающе.

Ошеломленный, Лиам смотрел, как пастор вышел на дорогу, прямо в центр разъяренных, вооруженных и опасных противников.

Глава 4

Лиам

День сороковой

Тревога пронзила Лиаму. Что, черт возьми, творит Бишоп? Лиам не сможет защитить его там, внизу. Пастор шел прямо в логово львов.

Лиам стиснул зубы и сосредоточился на прицеле. Он должен оставаться скрытым в деревьях, невидимой, но очень реальной угрозой. Если кто-то сделает шаг к Бишопу, он его уничтожит.

Он наблюдал за группой, ища скрытые взгляды, вспышки хитрости или ярости, внезапные движения рук.

Их лица осунулись, выражения были мрачными, ожесточенными от страданий и голода.

Рыжий все время поглядывал на холм, беспокойно переминаясь с ноги на ногу, словно ожидая, что в любую секунду его настигнет новый шквал выстрелов.

Хорошо. Пусть помучается.

Бишоп и Мик Селлерс стояли лицом друг к другу. Он был одет в зеленую куртку и такие же брюки. Старику на вид около семидесяти лет, но он все еще держался прямо, с военной выправкой.

Мик жестом указал двум своим людям.

— Следите за рыболовным магазином. Если кто-нибудь чихнет, стреляйте первыми. Остальным — не высовываться.

Неохотно они кивнули. Индианка перекинула ружье через плечо и встала рядом с ним. Она была маленькой и пухленькой, со светло-коричневой кожей и свирепыми глазами. Ее черные волосы вились из-под зимней шапки «Спартанцы Мичигана».

Рыжий стоял справа от Мика, его кустистые брови сведены, выражение лица яростное. Горячая голова, готовый вот-вот потерять самообладание и совершить какую-нибудь глупость.

Лиам погладил спусковой крючок. Он будет готов к этому.

Мик посмотрел на Бишопа.

— Ты священник Фолл-Крика.

— Пастор, — поправил Бишоп. — Аттикус Бишоп.

— Ах, да. Я помню. С тобой было двое полицейских.

— Если мне не изменяет память, у нас состоялась приятная встреча. Вы проводили нас через Найлс и дали несколько советов, где можно поискать капельницы для наших больных людей.

— Ну и как у вас все закончилось?

— Мы нашли то, что нам требовалось, и спасли наших людей. Я считал, что мы расстались в хороших отношениях, Мик.

— Я тоже, сынок.

Бишоп огляделся вокруг себя.

— Тогда что все это значит? Почему вы напали на нас?

— Потому что вы напали на нас первыми, тупой ссыкун! — выплюнул рыжий.

Выражение лица Бишопа не изменилось.

— Нет, не мы.

Рыжий с яростным рычанием бросился вперед, его мускулистые руки сжались в кулаки. Лиам прицелился в череп мужчины. Один шаг ближе к Бишопу, и он окажется на расстоянии удара ножом. Но Лиам не даст ему подойти так близко.

Бишоп не отступил и не сдался. Он стоял на своем.

— Я вам не враг.

Мужчина остановился, его лицо исказилось. Он ткнул пальцем в Бишопа.

— Вы убили мою жену, тупой ублюдок...

— Флинн! Хватит! — Голос Мика был жестким, как наждачная бумага, но властным. Он выбросил руку и заблокировал Флинна от нападения на Бишопа.

Флинн попытался оттолкнуть его руку, но старик оказался сильнее, чем выглядел.

— Они убийцы! — закричал Флинн. — Все они! Он заслуживает смерти!

— Может быть и так, — ровно ответил Мик. — Но если ты бросишься на него и будешь убит тем снайпером, то все будет напрасно.

— Мне все равно! — прорычал Флинн сквозь зубы.

— Некоторым из нас не все равно, — произнесла индианка. — Отойди.

Флинн выругался на них обоих.

Лиам ждал. Бишоп не двигался.

Флинн сыпал более красочными оскорблениями, его мощные плечи тряслись от гнева, но он отступил назад. Лиам не снимал палец со спускового крючка.

— Я прошу прощения за своего друга, — извинился Мик. — Рейдеры убили его жену несколько недель назад. У него не все в порядке с головой.

Бишоп напрягся при упоминании о мертвой жене этого парня. Вероятно, он подумал о своих собственных потерях, так же как Лиам думал о своих.

— Скажи мне, почему вы решили, что нападавшие из Фолл-Крика, — спросил Бишоп.

— Мы рассказывали вам о вооруженных людях, опустошающих близлежащие города, — объяснил Мик. — Как три недели назад они пришли и напали на Найлс.

— Рассказывали.

— Их было почти тридцать человек. Хорошо организованные и хорошо вооруженные. Они были одеты в черное и вымазали лица черной краской. Они приехали с оружием, на грузовиках и снегоходах, с автоматами AR и АК. Если им кто-нибудь давал отпор, они ничуть не колебались. Они стреляли в мужчин и женщин. Они действовали быстро, брали все, что хотели, и скрывались, прежде чем мы успевали организовать оборону. Они убили семерых наших людей.

— Я сожалею о вашей потере, — промолвил Бишоп. — Истинно так.

— Как мы и говорили вам тогда, мы не знали, кто это делает. Но парень, который занимается информационными технологиями в компании Вирпул, достал радиоприемник и несколько портативных радиостанций. Мы установили несколько ретрансляторов для увеличения радиуса действия и начали общаться с другими населенными пунктами в этом районе. Та же история, но другой день. Ни у кого из нас не хватало людей, чтобы защититься от группы такого размера, но вместе мы могли. Поэтому мы создали Альянс общин. Не слишком креативное название, я знаю, но как есть. Мы — пять местных городов, которые работают вместе, обязуясь защищать и оберегать друг друга.

— Я слушаю, продолжай, — сказал Бишоп.

— Шансов у нас практически не было. С небольшим количеством исправных машин и уменьшающимся запасом бензина, как мы вообще собирались добраться до осажденных городов до того, как нападающие оставят свой разрушительный след? Но мы должны были попытаться. На прошлой неделе звезды сошлись, и мы отбили нападение на Давагиак. Мы подстрелили одного из них. Остальные члены банды оставили его умирать. Мы думали захватить его и попытаться получить информацию.

Мик колебался и потирал седую щетину на подбородке.

— Черт, мы бухгалтеры, банкиры и школьные учителя, а не палачи. — Он взглянул на женщину рядом с ним. — Ашанти Ганеш, нашему инженеру, пришла в голову идея проследить за ним до той дыры, из которой он выполз. — Он перевел взгляд на Бишоп. — Двое из наших парней, которые умеют охотиться, выследили его до Фолл-Крика.

Долгое мгновение Бишоп не двигался и не говорил. Лиам протяжно выдохнул. Внутри него зажглась горячая искра гнева. Ярость вспыхнула в его жилах, острая и яркая.

Проклятое ополчение Саттера. Они оба подозревали это, но у них не имелось никаких доказательств, подтверждающих подозрения. До сих пор.

Такие социопаты, как Саттер и Синклер, даже не станут раздумывать над тем, стоит ли грабить других, чтобы самим оставаться довольными и сытыми, и чтобы Фолл-Крик оставался под их пятой.

Рация Бишопа затрещала.

— Это Бета-команда два. Бишоп, что, черт возьми, там происходит? Они уже нейтрализованы? У нас тут парень истекает кровью!

Бишоп отцепил рацию от пояса и не сводил взгляда с Мика.

— Принято. Дай мне две минуты. Мы на месте.

— Тебе лучше быть там. Отбой.

Бишоп засунул рацию за пояс и поправил рукоятку оружия.

— Месяц назад наш суперинтендант пригласила бригаду добровольного ополчения Юго-Западного Мичигана из Аллегана. Многие из нас высказывались против, но мы только что пережили ужасную бойню. Моя собственная... моя собственная... — Голос Бишопа прервался. Он втянул дрожащий воздух. — Моя жена и две дочери были убиты во время этой бойни.

Выражение лица Мика смягчилось.

— Я помню это.

Бишоп покачал головой, на мгновение оцепенев. Он прочистил горло.

— Люди отчаянно искали обещания безопасности, поэтому они приветствовали их в нашем городе. Ополченцы поселились в десятках наших заброшенных домов. Они сделали то, что обещали. Они привлекли к ответственности виновных в резне. Они патрулируют город. Они несут службу на блокпостах.

Бишоп оглянулся на деревья, и Лиам, словно в зеркале, увидел на его лице выражение печали и сожаления. Он вздохнул.

— И они доставляют нам еду, бензин, лекарства и припасы.

На долю секунды показалось, что можно услышать, как упала сосновая иголка. Участники группы коллективно вздохнули. Они переговаривались друг с другом, голоса возмущенно повышались. Флинн выругался.

Лиам прицелился в его голову, но убрал палец со спускового крючка. Он не хотел убивать этих людей. Сожаление осело в его животе, как камень. Он уже расправился с четверьмя из них. Этого уже не вернуть.

— Хватит! — скомандовал Мик. Сердитый ропот прекратился. Старик снова повернулся к Бишопу. — Продолжай.

— Командир ополчения, Маттиас Саттер, сказал лидерам Фолл-Крика, что они конфискуют товары с заброшенных распределительных складов и грузовиков со снабжением, застрявших на дорогах. Уверяю вас, мы не знали, что они делают и как они получают товары.

— Вы должны были знать! — воскликнул Флинн.

Бишоп вздрогнул.

— Ты прав.

— Вы такие же негодяи! Воры! Убийцы!

Бишоп провел рукой по своему афро. Он выглядел расстроенным.

— Я не могу утверждать о нашей полной невиновности, только то, что мы не знали. Во время катастрофических событий, последовавших за крахом, наше внимание оказалось рассеянным. Это недосмотр, о котором я буду сожалеть до конца жизни.

— Это не оправдание! Ты жиреешь на нашей еде, верно? Ты так же виновен!

Мик положил руку на руку Флинна, чтобы успокоить его.

— А как насчет полицейского, которого я встретил? Ноа Шеридан?

Бишоп колебался долю секунды.

— Он не знал об этом.

В этом вопросе Лиам с ним не согласен. Бишоп верил в своего друга больше, чем Лиам. Он разглядел многочисленные недостатки Ноа Шеридана, как только познакомился с ним.

Женщина рядом с Миком — Ашанти — зашевелилась. Лиам, чувствуя ускорение пульса, взял ее на прицел. Она потопала ногами, дрожа.

Бишоп продолжал:

— Наш первоначальный начальник полиции, шеф Бриггс, с самого начала выступал против ополчения. Потом он исчез. Сын суперинтенданта его убил.

Мик поднял нахмуренные брови.

— Гэвин Пайк? Я слышал о нем неприятные вещи. Гнилое яблоко.

— Так оно и было. Но я имею в виду другого. Джулиан Синклер.

— Другой полицейский? — Мик поджал губы. — Похоже, он участвовал в этом.

— Без сомнения.

— Он заслуживает смерти за это, — прорычал Флинн.

— Твое желание исполнилось. Джулиан Синклер мертв.

Флинн злобно посмотрел на них.

— Один грязный коп мертв. Ну и что? Ополченцы все еще живы, большинство из них, во всяком случае. Их лидер все еще жив и держится молодцом. Где правосудие для моей жены? А? Считаешь, мы просто уйдем? Ничего подобного.

— Если вы хотите жить, вы это сделаете. — Бишоп повернулся к Мику. — Сколько людей в вашей группе?

— Мы привели всех, кто смог. Сорок два человека.

— Это группа Альфа, — раздался по рации голос Саттера. — Мы отбили мост. Нападавшие бросились бежать. Мы их преследовали. Две потери с нашей стороны, четырнадцать мертвых отморожков.

— Это Бета-команда один, — ответил Ноа. — Мы взяли под охрану дорогу Хаммингберд. Один раненый, на другой стороне, похоже, восемь трупов.

Обветренное лицо Мика побледнело. Мужчина позади него сдавленно охнул.

— Они действительно все мертвы? — прошептала Ашанти. — Они не могут быть мертвы.

— Бета-команда два запрашивает помощь! — Лютер отозвался через шипение помех. — У нас тут раненый.

— Я отправляю подкрепление, — передал Саттер. — Держитесь!

— Мне жаль, но ваши люди мертвы, — произнес Бишоп. — Вы уже проиграли. Мы можем сохранить вам жизнь, если вы уйдете сейчас. И я обещаю, мы привлечем ополченцев к ответственности. Когда придет время, мы будем даже благодарны вам за помощь.

— Мы не побежим как трусы! — возмутился Флинн. — Мы будем сражаться или умрем! Мне все равно, если я умру, если только заберу их с собой!

Ашанти повернулась и посмотрела вниз на дорогу, прищурив глаза, чтобы увидеть снегоходы ополченцев на холме. На ее лице отразились разочарование и страх.

— В отличие от тебя, у меня нет желания умереть! У меня дома двое детей, которые ждут меня. Мы должны уходить!

Мик сжал руку Флинна.

— Все кончено. Мы проиграли — пока что.

— Оставьте мне ваши радиоконтакты, — поспешно сказал Бишоп. — Я клянусь, мы так же хотим избавиться от этих парней, как и вы. Они паразиты, высасывающие жизнь из всего этого региона — включая Фолл-Крик. Дайте нам немного времени, и мы свяжемся с вами.

— Черта с два! — рыкнул Флинн. — Если вы думаете...!

— Хорошо, — сказала Ашанти.

Звук двигателей снегоходов расколол воздух. Они приближались с запада.

Бишоп жестом указал на них.

— Если вы все и дальше будете оставаться здесь, то они вас убьют, и мы ничего не сможем сделать.

Мик мрачно кивнул. Он поднес рацию к губам.

— Отступаем! Повторяю, все команды отступают! — Он убрал рацию в карман и обратился к своим людям. — Вперед! Быстро!

Глава 5

Лиам

День сороковой

Лиам наблюдал, как четверо из людей Мика побежали обратно к грузовикам. Двое других сосредоточились на магазине рыболовных снастей, прикрывая их отход. Ашанти схватила Флинна и потянула его к машинам. Два грузовика завелись, и остатки Альянса общин ретировались.

Шины завизжали и застучали по снегу и льду. Машины вырвались вперед и понеслись на восток, назад по дороге, по которой приехали.

Бишоп повернулся и нырнул в деревья к Лиаму.

Лиам поднялся со своей позиции и вздрогнул: колени ныли, спина болела. Его ботинки скользили по снегу, пока он спускался с холма навстречу Бишопу прямо за линией деревьев.

Его охватило облегчение. Худшее осталось позади — пока что. Адреналиновый выброс сильно отразился на нем, ноги дрожали. Он резко вдохнул, холод ужалил его горло.

Мороз обжег ему лицо. Лиам перевел М4 в положение минимальной готовности пальцами, которых почти не чувствовал.

— Тебе не следовало этого делать. Это было опасно.

— Меня мучила совесть.

— Совесть — только мешает.

— Нет, это не так. Она не дает нам стать монстрами.

— Ты говоришь, как Ханна.

Бишоп натянуто улыбнулся.

— Ханна — умная, проникательная женщина.

Лиам покачал головой. С этим не поспоришь.

— Нам нужно попасть в рыболовный магазин.

Лиам продолжал осторожничать.

— Мы не избавились от угрозы.

— Думаешь, они попытаются что-то сделать?

— Они могут подстрелить нас и заявить, что это произошло из-за перестрелки — или что мы стали жертвами нападения.

— Верно подмечено. — Бишоп остался внутри линии деревьев, переключил рацию на частный канал и поднес ее ко рту. — Ноа? Ты в пути с остальными? Мы на Лемон-Роуд с

Лютером.

— Нет, — ответил Ноа. — Мне нужно допросить трех пленников.

Бишоп помрачнел. Пастор хотел рассказать Ноа о том, что они только что обнаружили; это читалось на его лице. Лиам покачал головой в знак предупреждения.

Бишоп неохотно согласился, наклонив подбородок.

— Я бы хотел, чтобы ты находился здесь, шеф.

— Все будет хорошо, — рассеянно ответил Ноа. — Скоро увидимся.

Бишоп вздохнул и завершил разговор.

— Мы не можем ему доверять, — только и сказал Лиам. — Ты знаешь это.

По лицу Бишопа пробежала тень.

— Как же сильно я хочу, чтобы это было не так. Я продолжаю надеяться и молиться о лучшем, но...

— Он выбрал свою сторону. И она не наша.

Бишоп какое-то время молчал.

— Мы не знали, с чем или с кем столкнулись. — Его лицо стало пепельным. — Мы убили невинных людей.

— Они не были невинными.

Бишоп согнулся вдвое, тяжело дыша. Его дыхание вырывалось наружу клубами пара.

— Я убил человека. Не солдата, не вражеского повстанца. Просто человека. Мужа, брата, отца.

Лиаму тоже было тошно, но он не мог погрязнуть в сожалениях, вине и упреках. Солдат терял себя таким образом.

Они сделали то, что должны были сделать в тот момент. Они действовали на основе имеющейся информации. Это лучшее, что мог сделать человек. Остальное нужно отпустить, иначе оно сожрет тебя заживо.

— Они напали на наш город. Если бы они добрались до школы, то убили бы безоружных мужчин, женщин и детей. А если бы они добрались до Тэнглвуд-Драйв? Они бы убили там всех. Не забывай об этом.

Челюсть Бишопа сжалась. Его все еще мутило, но он выпрямился

— Ты прав. Понимаю, что ты прав. Но это не делает случившееся менее ужасным.

Лиам не мог не согласиться. Он осматривал дорогу, деревья, рыболовный магазин, ища движение или отблеск винтовочного дула. Несколько птиц щебетали из группы вязов позади них.

Его плечи напряглись, все чувства обострились, внутри него завязалась тревога. Но ничего не происходило. Ополченцы оставались в укрытии, ожидая прибытия подкрепления.

— Следовало бы избавиться от этих ополченцев. Я мог бы бросить одну из этих осколочных гранат через мусорный бак и уничтожить трех вражеских бойцов за один раз.

Бишоп бросил на него острый взгляд.

— Ты слышал старика. Десото не одинок. Они все воры и убийцы худшего пошиба.

Рот Бишоп сжался.

— Я знаю. Мы должны избавиться от них. Добиться того, чтобы они никогда не вернулись.

— Есть только один способ сделать это. Если мы изгоним их из Фолл-Крика, они вернутся. Или начнут охотиться на других отчаявшихся людей. Они уничтожат все и всех, чтобы получить то, что им нужно.

— Ты думаешь, нам нужно их убить.

— А ты нет?

Бишоп на мгновение замолчал. Он смотрел сквозь деревья на дорогу и приближающиеся снегоходы.

Лиам следил за выражением лица Бишопа, ждал, что он вздрогнет, покраснеет. У большинства мужчин на такое не хватало духу.

— Согласен.

Лиам удивленно сдвинул брови. Пастор удивил его. Он не уклонялся от правды или ее последствий.

— Ты снова прав, — отметил Бишоп. — Мы не можем запереть их в тюрьме. Нам не к кому обратиться, чтобы разобраться с этим. Пока закон и порядок не будут восстановлены, у нас нет выбора. Я могу ненавидеть это, но истина не становится меньше.

Бишоп провел руками по АК-47.

— Это кажется непосильной задачей. Несколько человек против пятидесяти бойцов с лучшим оружием и большим количеством патронов? Как Давид против Голиафа.

— Я не так хорошо знаю Библию, но разве Давид не победил?

Бишоп посмотрел на него. Широкая улыбка расплылась по его лицу.

— Так и есть, друг! Так и есть!

Они ждали, пока снегоходы приблизятся. Их оказалось пять — два двухместных и три одноместных. Снегоходы остановились возле магазина рыболовных снастей. Позади них на холме с ревом остановился пикап.

Офицеры Хейс и Рейносо прыгнули с синего «Сузуки» и сняли шлемы. Несколько ополченцев последовали их примеру. Хейс был грузным мужчиной лет пятидесяти, форма на нем сидела мешковато, как будто он сильно похудел.

В эти дни похудели все. Все кроме ополченцев.

— Они хорошие ребята, — сказал Бишоп.

— Ты уверен в этом?

— Временами нужно кому-то доверять, друг.

— Не уверен.

Лиам доверял Ханне. Настолько сильно, насколько могло выдержать его покрытое шрамами сердце. Он обжигался слишком много раз; он слишком хорошо знал слабости человечества.

Бишоп начал пробираться сквозь деревья к дороге.

— Розамонд ничего не станет предпринимать, если рядом будут полицейские. Я знаю, как она думает. И Саттер следует ее примеру — пока что. Что бы он ни делал, он будет делать это тайно. Засада или несчастный случай. Или он рассчитывает утопить нас в реке, и мы просто исчезнем.

Лиам не слишком в это верил. Он провел тактическую перезарядку, вставив свежий магазин, и держал оружие низко, но наготове. Он не терял бдительности, пока они шли к группе полицейских и ополченцев, собравшихся на заснеженной парковке.

Десятки отверстий пробили переднюю и боковые стенки магазина. Повсюду валялись стреляные гильзы, сверкающие на снегу.

Джеймс Лютер вышел из-за изрешеченного пулями мусорного контейнера, одетый в серый камуфляж и с AR-15, оснащенным прикладом.

Он был стройным, но сильным и грубым, с обветренными чертами лица. На вид ему

около двадцати лет, его чисто выбритое лицо приобрело унылое, изможденное выражение, как будто он устал от всего этого и просто хотел вернуться домой.

Только ополченцы ходили чисто выбритыми. Ни у кого больше не имелось на это ни времени, ни сил.

За ним вышла женщина. Ей было около двадцати лет, ее русые волосы затянуты в тугий хвост. Она носила кобуру на бедре и модифицированный АК-47.

Ее лицо покрывали царапины, она хромала, но выглядела в целом невредимой. Она крикнула ополченцам, сошедшим со снегоходов, и жестом показала за спину.

— Хогин истекает кровью! Заберите его отсюда!

Двое мужчин погрузили раненого на импровизированные носилки и перенесли его в кузов пикапа. Он стонал от мучительной боли. Кровь залила его левую ногу от бедра вниз, рану затянули жгутом.

Один взгляд сказал Лиаму, что он не выживет. Одним убийцей меньше.

Лютер поднял голову, когда Лиам и Бишоп подошли к ним. На его лице отразилось удивление от присутствия Лиамы, но он быстро его скрыл.

— Что у вас?

— Мы убили четверых и ранили еще нескольких, — ответил Бишоп. — Остальных мы преследовали до пересечения Лемон и Джонс-Роуд. В ближайшее время они не вернуться.

— Саттер приказал нам убить их всех. Мы должны послать за ними команду...

— Они давно ушли, — отчеканил Бишоп. — Они не вернуться. Мы спасли ваши задницы разве нет?

— Да, да, спасли. — Лютер взглянул на Лиаму. — Отличные выстрелы. Мы не смогли достать до них толком.

Лиам не ответил. Он сжал челюсти и позволил Бишопу вести разговор. Сдерживаемая ярость пылала в нем. Погибли еще четыре человека, которым не следовало умирать. Люди, которые не умерли бы сейчас, если бы эти ублюдки не совершили набег и не разграбили их общины.

Ему потребовалось невероятное самообладание, чтобы не открыть огонь по шестерым ополченцам, стоявшим прямо перед ним. Он должен соблюдать осторожность. Дело не только в нем. У него есть люди, которых он должен защищать. Ханна зависела от него.

Может показаться справедливым наказать нескольких отморожков-убийц, но если из-за этого Ханна и ее семья окажутся в опасности, он будет жалеть об этом до конца своих дней.

Ополченцы закончили погрузку раненого. Двое запрыгнули в кузов вместе с ним. Еще несколько человек забрались на снегоходы и уехали, направляясь обратно в город.

Пока Хейс и Рейносо осматривали тела в лесу, женщина подошла к ним и лениво поприветствовала.

— Спасибо, что выручили нас.

— Не за что, — сдержанно ответил Бишоп.

— Меня зовут Кэти Кеслер. Зовите меня просто Кеслер. — Она показала большой палец Лютеру. — Может, я и девчонка, но я могу перестрелять этих фрутков в любой день недели.

— И дважды по воскресеньям, — добавил Лютер без улыбки.

— Бой окончен? — спросил Бишоп.

— Чертовски верно! — Кеслер усмехнулась, обнажив большие квадратные зубы. — Мы их перебили. Полностью уничтожили.

Лиам сдержал желание ударить ее по лицу и сломать несколько таких красивых зубов.

Голос Саттера прозвучал в рациях Лютера и Кеслер.

— Бета-команды, возвращайтесь сюда. У нас есть работа. И я хочу полный отчет о том, как это произошло. Кому-то придется ответить!

— Принято. — Кеслер крутанулась на пятках. — В любом случае, слишком холодно, чтобы оставаться здесь еще хоть минуту.

— Саттер хочет поговорить с вами двумя. — Лютер виновато пожал плечами.

— Наверняка хочет, — пробормотал Лиам.

Бишоп бросил на него предупреждающий взгляд.

Лиам понимал. Им нужно сохранять видимость, прикидываться дурачками. Если ты не можешь напасть на врага лоб в лоб, разумнее затаиться, пока ты не станешь сильнее, лучше подготовленным, собранным.

Он хотел вернуться к Ханне и убедиться, что все в безопасности. Чем меньше Саттер и его люди будут знать об их истинных намерениях, тем лучше.

— Не вопрос, — спокойно ответил Бишоп.

Лиам впечатлился. Для пастора Бишоп отлично умел врать.

— Мы последуем за вами.

Кеслер оглянулась через плечо и одарила их еще одной ослепительной улыбкой. Невинная, обезоруживающая улыбка. Такая улыбка могла бы заставить вас поверить, что за этими блестящими белыми зубами не скрывается расчетливая убийца.

Она не обманула Лиам ни на секунду.

Глава 6

Лиам

День сороковой

Квартал Фолл-Крика к северу от моста выглядел как зона боевых действий.

Пулевые отверстия усеивали автомобили, заглохшие на обочинах и стоящие на парковках. Дыры украшали кирпичные фасады нескольких офисных зданий.

Повсюду валялись стреляные гильзы. В воздухе воняло бензином, порохом и дымом.

Осколочные гранаты выбили окна в магазине «Френдли», аптеке Винсона и пиццерии. Осколки стекла, штукатурки, расплавленного пластика и искореженного металла рассыпались по грязному, утопанному снегу.

Сорок ополченцев толпились вокруг, большинство из них в черных ботинках и сером камуфляже, все они были вооружены АК-47 и другим длинноствольным оружием. Около половины из них носили бронежилеты военного образца.

Лиам и Бишоп последовали за Рейносо и Хейсом на мост. Лютер и женщина, Кеслер, стояли возле черного полицейского грузовика вместе с Труиттом и Ноа.

Трое заложников со связанными руками сидели, сторбившись, в кузове грузовика. У одного свежий синяк под глазом и рассеченная губа, двое ранены — один в правое плечо, другой с окровавленными обрубками пальцев.

К грузовику стремительно приблизился Маттиас Саттер еще до того, как ему успели подойти Лиам и Бишоп.

Саттер был крупным внушительным мужчиной в камуфляжной форме, с винтовкой, перекинутой через грудь. Ростом почти под два метра и весом за сто килограмм он состоял из сплошных накаченных мышц.

Глава ополченцев жестом показал на мужчин в грузовике, его бледная лысая голова

блестела на солнце.

— Что это, черт возьми, такое?

Ноа пожал плечами.

— Они сложили оружие и сдались.

— Они сдались? — Губы Саттера скривились от отвращения. — Так ты их взял в плен? Они не военнопленные. Они монстры, которые пришли украсть еду у ваших детей и изнасиловать ваших жен. Так и обращайтесь с ними соответственно.

— Это вы чудовища! — прошипел человек с окровавленной губой. — Вы...

Саттер крутанулся на пятке, поднял свой АК-47 и выстрелил мужчине между глаз. Выстрел взорвался в неподвижном воздухе. Мужчина упал на дно грузовика, уже мертвый.

— Эй! — закричал Бишоп.

Ноа вздрогнул. Кеслер смотрела в землю. Лютер напрягся.

Рейносо выглядел больным. Труитт ошеломленно смотрел на них. Он бросил взгляд на Ноа, словно ожидая, что начальник полиции остановит расправу, сделает что-нибудь.

Но Ноа ничего не сделал. Он позволил этому случиться, как и всему остальному.

Второй мужчина отчаянно взвыл. Саттер не дал ему сказать ни слова. Он переместился и выстрелил в него тоже. Тот упал боком на сидевшего рядом с ним парня, который струсил и попытался слиться с бортом грузовика.

— Ты не можешь так поступать! — заорал Бишоп, его лицо побагровело от возмущения.

— Я только что это сделал, — процедил Саттер. — Они убили моих людей. Они умрут за это. Точка.

— Эй, послушайте, — проговорил Хейс, положив одну руку на свой табельный пистолет в кобуре. — У нас есть протоколы. Мы не будем просто...

— Теперь будем. — Прежде чем кто-либо успел отреагировать, Саттер выпустил два патрона в грудь третьего заложника, молодого парня с козлиной бородкой и в очках, который выглядел так, будто ему самое место в колледже. Больше нет.

Лютер и Кеслер испуганно уставились на красные брызги на снегу. Труитт открыл рот, чтобы что-то сказать, затем повернулся и зашагал прочь. Рейносо последовал за ним, качая головой в отвращении.

— Это неправильно, мужик. Это неправильно.

Лиам изо всех сил старался сдержать свой гнев. Саттер и его люди — настоящие убийцы, но говорить им об этом сейчас или вмешиваться в происходящее опасно — если не равносильно смертному приговору.

Ополченцы значительно превосходили их числом. Кроме того, они уже находились под прицелом Саттера.

Лиам искусен, но он все равно только человек. Он не мог расправиться с сорока бойцами, не угробив себя и Бишопа.

Как только Рейносо и Труитт ушли, Саттер набросился на Лиама.

— О чем, черт возьми, ты думал? Лютер говорит мне, что ты позволил некоторым из них уйти.

— Мы вернулись, — сказал Лиам. — Те, кто убежал, не представляют угрозы.

— Ты не имел права решать! — разъяренный Саттер направился к нему. — Я отдаю приказы, а не ты!

— Я тебе не подчиняюсь.

Его бледно-голубые глаза, утонувшие в мясистом лице, устремились на Лиама. Он

смахивал на большого тупого вышибалу, но это далеко не так. В этих устрашающих глазах светилась расчетливая злоба и холодное желание убить.

Саттер судорожно сжал винтовку в руках.

Лиаму хватило и этого предупреждения. Не раздумывая, он выхватил пистолет и прицелился в голову Саттера.

По меньшей мере десять человек Саттера направили оружие на Лиама.

Бишоп отступил назад и прижал винтовку к плечу, целясь в людей позади Саттера. Офицер Хейс сидел на корточках над раненым на стоянке в десяти ярдах от него. Он вскочил на ноги, доставая свой табельный пистолет.

Саттер направил оружие в грудь Лиама.

— Так вот как ты хочешь сыграть в эту игру?

— Я не играю ни в какие игры. А ты?

— Я могу убить тебя!

— Убей меня, и ты совершишь самоубийство. — Напряжение гудело в воздухе. Каждый мускул натянулся, Лиам приложил малейшее усилие к спусковому крючку. Если бы Саттер хотя бы вздрогнул, он бы его прикончил.

Тогда люди Саттера прикончат и Лиама. Плюс Бишоп и копы.

Результат равнялся нулю.

— Стоп! — Ноа встал между ними, размахивая руками. — Опустите оружие.

Ни один из мужчин не сдвинулся с места.

— Мы победили отчасти благодаря Лиаму. — Лютер все еще находился у грузовика, стоя над телами убитых. — Трое из нас оказались в окружении, а эти двое смогли нас освободить.

Кеслер пнула ногой кучу снега.

— Они убили четверых из них. Они хорошие солдаты. У них есть полезные навыки. Особенно у Коулмана. Он совершил несколько безумных выстрелов.

— Он должен присоединиться к нам! — воскликнул ополченец.

— Нам бы и пастор не помешал. — Молодой чернокожий парень с усами и прыщами на лбу подтолкнул локтем мужчину рядом с ним. — Чтобы искупить наши грехи, верно?

Несколько человек засмеялись.

Лиам стиснул челюсти. Гнев накатывал на него волнами. В груди бушевало отвращение. Он чувствовал себя грязным, просто находясь рядом с этими животными.

Ему нужно срочно убраться отсюда. Он хотел принять долгий, горячий душ. Да пусть даже холодный.

— Опустит автомат, Саттер, — произнес Ноа. — Тебе не о чем спорить с Лиамом Коулманом.

— Черта с два, — прорычал Саттер. — Ты понятия не имеешь, о чем говоришь. У меня два пропавших солдата. Этот шутник имеет к этому отношение.

— Мы на одной стороне! — воскликнул Ноа.

Саттер фыркнул.

— Я все еще начальник полиции. Твой долг — подчиняться мне.

Глаза Саттера вспыхнули злобой, но он колебался. Глава ополченцев не из тех людей, которые позволяют оскорблению остаться незамеченным, но он не был идиотом.

Одно дело — убить человека в темноте, скрывая это действие ложью и полуправдой. Совсем другое — убить его среди бела дня на глазах у свидетелей, включая полицейских. К

тому же, Лиам только что спас нескольких его людей.

Сейчас не время, Саттер знал это.

— Опустите оружие. Сейчас же, — приказал Ноа. — Я говорю от имени Розамонд.

Саттер усмехнулся, но повиновался. Ополченцы последовали его примеру.

— Не будь в этом так уверен.

— У вас есть раненые, о которых нужно позаботиться, — ровно произнес Ноа. — Мы займемся вашими пропавшими людьми завтра, после того как восстановим пограничные патрули в городе и укрепим наши блокпосты и протоколы безопасности.

Саттер не сводил глаз с Лиама.

— Мы еще не закончили. Думаю, ты это знаешь.

Лиам не удостоил его угрозу ответом. Но и не отвернулся от него. Матиаса Саттера опасно недооценивать.

Саттер крикнул остальным своим людям, повернулся и направился к ожидавшим их снегоходам. Пятеро ополченцев направились к блокпосту через мост. Пара человек занялась телами, а остальные последовали за Саттером, вероятно, направляясь обратно в «Винтер Хейвен».

Заметно расстроенный Бишоп, нахмутив брови, повернулся к Ноа.

— Ты только что позволил ему убить трех человек. Что с тобой не так?

Ноа вздрогнул.

— Они — враги. Они на нас напали. Они заслужили это.

— Уверен? Ты знаешь, кто они или почему пришли?

— Это не имеет значения.

— Конечно, имеет! Кто главный, ты или Саттер?

Лицо Ноа омрачилось.

— Мы закончили.

— Какова цена хорошего копа в наши дни? — мрачно спросил Бишоп.

Ноа вскинул голову. Что-то мелькнуло в глубине его глаз, затем он пробурчал.

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Тогда просвети нас.

— Не лезь в это, Бишоп.

— Или что?

Ноа покачал головой.

— Я больше не смогу тебя защищать.

— Я никогда не просил тебя об этом.

Ноа уставился на них, словно не узнавая. Он был высоким, хорошо выглядящим мужчиной, по-прежнему подтянутым и спортивным — хотя его лицо становилось все более изможденным с каждым разом, когда Лиам его видел.

В глазах Ноа Шеридана появилась пустота. Что-то такое, от чего Лиама пробирало до глубины души. Какую цену пришлось ему заплатить, чтобы пойти против своих принципов, против всего, чему он присягал, готовясь служить и защищать?

Кем бы ни был Ноа до катастрофы, он превращался в нечто иное. А может быть, семена всегда присутствовали в нем, заложенные глубоко, ожидая, когда они прорастут в нечто ядовитое.

— Это не ты, Ноа, — с болью в голосе выговорил Бишоп, из последних сил пытаясь достучаться до своего друга.

Но Ноа оставался недосыгаем. Его жесткий взгляд переместился на Лиама. В нем что-то сверкнуло. Что-то темное и уродливое.

— Ты не знаешь меня. Ты ничего не знаешь.

Не говоря больше ни слова, Ноа Шеридан повернулся и пошел прочь.

Глава 7

Розамонд

День сороковой

Розамонд Синклер сидела в кожаном кресле за роскошным письменным столом из красного дерева в своем кабинете и с нетерпением ждала.

Саттер должен уже связаться с ней. Последний час она слушала эхо далеких выстрелов.

Стрельба становилась все более редкой. Она не слышала выстрелов уже семьдесят пять секунд, если верить ее украшенным рубинами наручным часам от Картье.

Она всегда хотела такие часы. После ЭМИ человек мог иметь все, что захочет.

Как послушный солдат, а именно таким он и был, Саттер принес ей часы. И конечно, в рабочем состоянии.

В любом кризисе всегда есть свои плюсы. Крах, как его теперь называли люди, не исключение. Достаточно быть умным, чтобы увидеть возможность, и достаточно хитрым, амбициозным и агрессивным, чтобы ее использовать.

Она уставилась на свои тонкие пальцы. Сливово-фиолетовый лак на ногтях облез. Раньше такого не случалось. Ее ногти всегда оставались безупречными, как и каждая часть ее тела, от макушки ее аккуратного белокурого каре до блестящих туфель от Валентино.

Все в жизни должно быть в порядке. Все красивое. Все чистое, сияющее и идеальное.

Розамонд была аккуратной, щепетильной женщиной. Она никогда не говорила и ничего не делала небрежно. Каждый жест и настроение тщательно выверялись, каждая деталь специально подбиралась.

Только так можно сдерживать хаос.

Но хаос, казалось, все равно вторгся в ее жизнь.

Она сложила руки на своем безупречном столе. Он должен оставаться безупречным. Она ежедневно протирала пыль.

Сейчас яркий верхний свет высветил все, включая пятна пыли. Отпечатки пальцев. Несколько крошек от еды, которой она перекусывала, когда не могла уснуть посреди ночи — кексы, печенье, пончики с сахарной пудрой и маленькие пирожные «Литтл Дебби».

Раньше этот напичканный химикатами мусор даже не прельщал ее, а теперь Розамонд не могла перестать его есть.

Несколько дней она избегала зеркал. Она не хотела видеть новые морщины на своем лице. Не хотела замечать впалые щеки и тени под налитыми кровью глазами.

Горе снова грозило захлестнуть ее — огромные волны, которые тянули Розамонд под себя, засасывая в отчаяние, которое, как она боялась, ее уничтожит.

Она подавила его, села ровнее. Ее плечи напряглись, осанка стала прямой. Отпила глоток «Каберне Совиньон», налив вино из уже наполовину опустевшей бутылки.

Это не помогло. Отчаяние всегда оставалось внутри, шептало в глубине ее сознания, тянуло ее, дразнило. «Твои сыновья мертвы. Ты потеряла все, что имеет значение. Ты пыталась и потерпела неудачу. Ты не справилась, не сумела, не смогла».

Она теряла железный контроль. Капля за каплей, дюйм за дюймом. Он ускользал от

Розамонд.

Фотография в рамке, стоявшая на книжном шкафу, привлекла ее взгляд. Снимок был сделан в Уоррен Дюнз, на заднем плане сверкало озеро Мичиган. Розамонд около тридцати лет, молодая и красивая, она обнимала Гэвина. Джулиан стоял чуть поодаль от них и выглядел угрюмым.

Он всегда хмурился. Гэвин был умным, тем, кто ее понимал.

Ее мальчики не знали бед. Их воспитывали не так, как ее. Она позаботилась об этом.

Взгляд Розамонд переместился на предмет, лежащий рядом с рамой — револьвер «Смит и Вессон» 29-й модели, с длинным стволом длиной 8 3/8 мм в бархатном футляре. Подарок отца на ее двадцать пятый день рождения, неиспользуемый, но смазанный маслом, вычищенный и отполированный.

Ее отец был жестоким, деспотичным человеком. Он правил кулаками. Он имел большую власть. Политик. Он и сейчас им оставался.

Она больше не вспоминала о детстве. Она не думала об отце. Она вычеркнула его из своей жизни, больше не признавая его и не имея с ним ничего общего — хотя хранила подарки, которые он продолжал присылать.

Розамонд сбежала от него в восемнадцать лет, попав в объятия Келвина Пайка, отца Гэвина. Красивый и обаятельный, ревнивый и жестокий. Жизнь с Кэлом стала уроком боли. Он использовал не только кулаки. После рождения Гэвина ситуация лишь усугубилась.

Она сопротивлялась. Она всегда сопротивлялась. Это ничего не изменило. Насилие превратилось в игру, чтобы подавить ее волю.

Волю Розамонд никому не сломить. Ни тогда, ни сейчас.

Однажды она посмотрела в зеркало на еще один синяк на горле, который ей приходилось скрывать косметикой и шарфами, и сделала выбор.

Той ночью она отбивалась ножом.

После смерти мужа она поклялась больше никому не позволять управлять собой.

Розамонд сама будет управлять.

Она рассказала всем, что Кэл сбежал с другой женщиной. Люди ей поверили. Полиция тоже. Пристрастие Кэла к героину навело их на мысль о связи с организованной преступностью. После его смерти она обрела свободу.

Убивать гораздо легче, чем многие думали. Люди исчезали постоянно. Только пятьдесят процентов убийц удавалось задержать. Если вы подходили к делу с умом, если вы не теряли голову, если вы проявляли благоразумие, предусмотрительность и дотошность в том, как и кого вы убивали... вам все могло сойти с рук.

Розамонд не жалела себя. Та мягкая, слабая женщина, которая позволяла себя бить и использовать, мертва. Так же мертва и похоронена, как и Кэл.

Она поумнела, стала хитрой и изворотливой. Она использовала эмоции людей, чтобы манипулировать ими, как когда-то делал ее отец.

Некоторые люди считали любовь панацеей, высшей наградой жизни. Другие считали ее слабостью. И те, и другие ошибались.

Любовь — это оружие.

При правильном обращении с ней можно добиться почти всего, чего захочешь.

Она с отвращением отвернулась от фотографии и отполированного пистолета. Какие планы она строила на своих сыновей. Династия, которую они создадут. Власть, богатство и влияние, которые они приобретут. Фолл-Крик был только началом.

Суперинтендент небольшого городка могла использовать свое положение для назначения на должности в городе и округе, в конечном итоге в штате или даже за его пределами.

Своих противников и врагов она могла шантажировать или угрожать им, благодаря своим сыновьям. Возможности казались безграничны.

Теперь все это исчезло. Рассыпалось в прах. Заколото и застрелено вместе с Гэвином. Утонуло вместе с Джулианом. Убиты оба. Ее будущее убито вместе с ними.

Нет, не все.

Фолл-Крик теперь единственное, что у нее осталось.

Она умрет, прежде чем потеряет его, прежде чем уступит хоть дюйм.

Розамонд сделала еще один глоток вина прямо из бутылки и проглотила насыщенную, маслянистую жидкость, почти не ощущая вкуса. Она слишком резко поставила бутылку на стол. Тупой стук эхом отозвался в тихой, безмолвной комнате.

Она снова посмотрела на часы. Где, черт возьми, Саттер?

Ее кузен поддерживал связь Розамонд с внешним миром. Она уже несколько дней не покидала свой дом в «Винтер Хейвене». Да и зачем? Снаружи холодно и мерзко. Этот мир убил ее сыновей.

Ей нужен Саттер. Ей нужно знать, что происходит. Лучше бы ополченцы убили незваных гостей, как обещал Маттиас.

Она не могла позволить себе потерять это место. Ни за что на свете.

Она пожертвовала слишком многим. Она не собиралась жертвовать больше.

Розамонд щурилась от слепящего света верхних ламп, резкого и болезненного для ее лишенных сна глаз. Она держала включенным каждую лампу в каждой комнате двадцать четыре часа в сутки. Это была пустая трата драгоценного электричества. Но она все равно это делала

Потому что могла. Потому что это символизировало все, за что она боролась, все, что она могла потерять. У нее все еще оставался «Винтер Хейвен». Она все еще имела власть, когда никто другой ее не имел. Она все еще жила в комфорте и роскоши.

Она это заслужила. Заработала. Она владела этим.

Орды снаружи не достойны ничего подобного. Те, кто жаждал убить ее в ее постели, украсть ее тепло, электричество, теплый дом, горячую воду, кофе и комфортную жизнь.

Смерть забрала у нее сыновей, но она никогда не потеряет дело своей жизни. Она должна его сохранить.

Ей нужно отомстить за смерть своих сыновей. Ей нужно удержать власть над Фолл-Криком и «Винтер Хейвен», чтобы выйти победительницей.

Теперь настала ее очередь. Он потребует плату за все. Она не проиграет.

Глава 8

Розамонд

День сорок первый

Внезапный стук в дверь ее испугал.

Розамонд резко вздрогнула, не заметив, как уснула в своем офисном кресле. Затылок пульсировал от головной боли. В кабинете горели лампы, хотя в окна проникал утренний свет.

Во рту пересохло, Розамонд сглотнула и разгладила бежевую юбку и пиджак от Ральфа

Лорена. Провела руками по светлым волосам и заставила себя успокоиться.

Затем она встала, обогнула массивный письменный стол и направилась к внешней двери кабинета. Посмотрев в глазок, она увидела Саттера и отперла дверь. Розамонд посторонилась, когда он вошел и стряхнул снег с ботинок. Вслед за ним ворвался поток холодного воздуха.

Она закрыла дверь.

— Ты опоздал! Где ты был?

— Убивал наших врагов.

— Скажи, что все улажено.

— Все улажено. Мы потеряли трех человек. Хоагин истек кровью прежде, чем мы смогли добраться до этого жалкого подобия доктора.

— Шен Ли — медбрат.

Саттер сорвал перчатки и дунул на руки.

— Мне плевать. Ты слышала меня? Я потерял трех человек. После потери Десото и Беннера, нас осталось сорок восемь.

— Плюс полиция. — Розамонд вернулась к своему столу и села. Придвинув стул поближе к столу, она стряхнула с него случайную крошку и провела пальцами по поверхности. — Этого недостаточно? Помнится, ты заверял меня, что твои люди — опытные стрелки и бойцы. Что ты компетентный лидер. Что ты и твои люди с легкостью могут отразить удар силы, более чем втрое превосходящей вас по численности.

Саттер презрительно хмыкнул и посмотрел на нее.

— Мы сделали это! Мы уничтожили их, Розамонд. Их израненные туши будут неделями кормить падальщиков.

Она изучала его, искала трещину, слабость, ложь. Розамонд рассчитывала, что людей Саттера будет достаточно. Возможно, она ошиблась. Возможно, для защиты «Винтер Хейвен» нужны более крупные силы.

Самодостаточная община превратилась в настоящее убежище среди разрухи и хаоса в Мичигане, во всех Соединенных Штатах и за их пределами.

Любой, кто не видел ее огромной ценности, — полный и абсолютный идиот. Отчасти в этом и заключалась проблема.

Главное богатство «Винтер Хейвен» привлечет других. Они захотят заполучить его себе.

И не просто разрозненные шайки местных жителей или неорганизованные банды, а организованная, способная сила, которую не так-то легко будет отбить.

— Кто это был?

Он пожал плечами, отводя взгляд.

— Просто кучка голодранцев из соседних городов. У них закончилась еда, топливо и припасы. Они в отчаянии. Им нужно то, что есть у нас. Ничего нового.

— Нет, ничего нового. Но я чувствую, что ты что-то не договариваешь. Люди из соседних городов? Тех самых городов, на которые вы совершали набеги?

Саттер не ответил.

В ней вспыхнул гнев.

— Не держи меня в неведении, кузен. Не забывай, кто здесь главный. Я пригласила вас сюда. Я могу так же легко отказаться от приглашения.

Он посмотрел на нее, его челюсть сжалась, бледные глаза стали ледяными.

— Да, это была месть. В этом нет ничего неожиданного. Мы готовы к подобному.

— Хорошо. Проследи, чтобы так все и оставалось. А если они вернуться с подкреплением?

— Не вернуться. Они обычные люди. Лавочники и офисные работники. Рядовые рабы. Немногие из них могли даже стрелять. Мы убили тех, кто мог. С ними покончено. У нас все в порядке. Все хорошо.

— Но?

Он широко раскинул руки.

— Какого черта мы тратим столько людей и ресурсов на этот чертов город? Фолл-Крик ничего не значит. Люди ничего не значат. Они расходный материал. Пришло время их уничтожить.

Розамонд выглянула в окно за своим столом. На редкость прекрасный день для февраля. Светило солнце. Над деревьями небо имело глубокий, насыщенный голубой цвет.

Снег покрывал землю, нетронутую и чистую, за исключением линии оленьих следов, ведущих вокруг дома к деревьям, названия которых она не знала.

Жители Фолл-Крика напоминали ей избалованных, недовольных детей. Она одновременно и презирала их, и любила. Они были ее, а она — их.

— В этом нет смысла, Розамонд. Это не логично. Почему ты так упорствуешь? Просто отпусти это.

Розамонд ничего не отпускала, как только это оказывалось в ее руках.

— Ты не поймешь.

Он не попросил ее рассказать подробнее.

Раздражение поднималось из самых глубин ее души. Маттиас не отличался критическим мышлением. Он не был политиком. Он не понимал сложности жизни.

Кузен годился только для одного — убивать тварей и следить за тем, чтобы твари не убили ее. Он требовался ей для этого.

Гэвин понимал. Гэвин всегда ее слушал. Острая тоска ударила в грудь. Она хотела, чтобы Саттер ушел.

— Я отвечаю за этот город и его благополучие. Это моя работа. Я как родитель. Я знаю, что для них лучше, даже если они сами этого не понимают. И как родитель, я забочусь о них.

Он повернулся к ней лицом.

— Кто? О ком ты заботишься?

— О городе. Не будь таким тупым, Маттиас.

Он покачал головой.

— Ты ведь знаешь, что большинство из них ненавидят тебя?

— Заткнись! — Вышло резче, чем она хотела. Ее руки сжались в кулаки, обломанные ногти впились в ладони. — Если бы ты правильно выполнял свою работу, они бы меня боготворили!

Маттиас не вздрогнул. Он не разрывал зрительного контакта.

Розамонд сделала несколько глубоких вдохов, успокаивая себя.

— Избавься от этих паразитов, создающих проблемы, и все и вся встанет на свои места. Они увидят, что я спасла их. Потребуется время, чтобы понять. Но они увидят. Я знаю, что они увидят.

— Я работаю над этим.

— Работай усерднее!

— Как ты и сказала, нужно время, Розамонд. Они вооружены. Горожане любят Бишопу.

У Лиамы тоже есть друзья. Он даже пользуется авторитетом среди моих людей. Он просто суперсолдат.

— Мне говорили, что ты тоже, — заметила Розамонд. — Я ошиблась?

— Ты не видишь улиц. Город находится на грани восстания и анархии. Все, что угодно, может привести их в действие. Ты не хочешь, чтобы я убил этих людей? Тогда ты не должна давать им повод для бунта. На такие вещи нужно время. Мы бросаем камни в пруд. Нам нужна рябь, а не приливная волна. Тебе, как никому другому, это известно. Не потеряй свое преимущество.

Розамонд отпрянула.

— Не обо мне тебе стоит беспокоиться.

— У меня все под контролем.

— У меня тоже! — прошипела она.

Ей хотелось ударить по его мясистому лицу. Она скучала по Гэвину до боли под ребрами. Иногда по ночам она думала, что это может ее убить.

Ей хотелось вырвать кому-нибудь глаза. Бить, пинать, причинять боль, чтобы им стало так же больно, как и ей.

Она заставила себя разжать кулаки и сделала длинный глоток вина. Бутылка почти опустела. Она чувствовала, как вино растекается по венам. Когда она поставила бутылку обратно на стол, та почти не издала ни звука.

Саттер не должен ее недооценивать. Он понятия не имел, на что она способна, что она сделала и что готова сделать.

— Не разочаровывай меня, — проговорила Розамонд. — Тебе не стоит меня разочаровывать.

Глава 9

Ханна

День сорок второй

Ханна Шеридан была дома.

Все оказалось не так, как она себе представляла. Этот дом — дом Ноа в «Винтер Хейвен» — не ощущался как ее дом. Нет. И она боялась, что уже никогда не станет.

Дом не имел значения. Главное — быть с Майло.

Она вернулась к нему. Все те часы, дни, месяцы и годы, что она провела в аду в том подвале — только ее сын поддерживал в ней жизнь.

Когда она сбежала в неизвестность, не имея ничего, кроме одежды с собой, именно Майло побуждал ее идти дальше. Майло не покидал ее мысли, пока она страдала, мучилась от боли и голода, холода и страха.

Каждый мучительный шаг на этом пути сделан ради сына.

И вот теперь он здесь, во плоти. Ему восемь лет, черные волосы, нежная оливковая кожа и большие темные глаза. Вся сладость и теплота, и маленькие мальчишеские руки, и ноги, колени и локти.

Ее бьющееся сердце. Ее сын.

Ханна улыбнулась ему.

— Что ты думаешь?

Она одела Майло в его зимние штаны, сапоги, зимнюю куртку, шапку, шарф и перчатки. Кроме того, он надел переноску для ребенка, которую Бишоп привез несколько дней назад.

Несколько подростков нашли ее, обшаривая один из заброшенных домов на окраине города, под руководством Рейносо. Бишоп дал ему список необходимых вещей для местных семей, внесенных ополчением в черный список, и Рейносо по предложению Аннет Кинг организовал команду из скучающих подростков.

Эта семья предпочла отправиться в ближайший лагерь федерального агентства по чрезвычайным ситуациям. Они оставили большую часть своих детских принадлежностей — манеж, люльку, вибрирующую качалку на батарейках, а также много детской одежды от новорожденного до шести месяцев.

Переноска оказалась слишком большой для Майло, но с помощью клейкой ленты они затянули ремни настолько, что он смог носить свою сестренку.

Переноска была голубой, а не розовой, как и большинство детской одежды, но выбирать не приходится. Майло настаивал, что любимый цвет Шарлотты — голубой, под цвет ее глаз.

Майло погладил Шарлотту по спине.

— Она такая крошечная. Когда же она вырастет и сможет играть?

— Не скоро, но когда станет большой, она будет ходить за тобой весь день, умоляя поиграть с ней.

Майло усмехнулся.

— Я покажу ей все свои коллекции Лего и фигурки супергероев. Но она не сможет играть с Росомахой. Он мой любимый. Держу пари, Квинн научит ее рисовать так же, как и меня. Во сколько лет я смогу прочесть ей «Противостояние»?

— Ух ты! Спокойно. Я думаю, мы можем воздержаться от Стивена Кинга еще несколько лет. Давай начнем с хорошей прогулки, обнимашек и нескольких детских книжек.

— Квинн сейчас читает мне «Дорогу». Она говорит, что это подходящее по возрасту произведение, потому что там есть детский персонаж. Она просила не рассказывать тебе или папе о том, что там есть часть про поедание детей.

— Да уж. Нам с Квинн, возможно, стоит поговорить об этом.

— Не говори ей, что я проболтался.

— Я постараюсь этого не делать.

Майло усмехнулся, надевая на Шарлотту маленькую вязаную серо-зеленую шапочку и осторожно натягивая ее на уши. Он так заботился о ней. У Ханны теплело на сердце, когда она наблюдала за ними вместе.

Поначалу она не подталкивала Майло к ребенку. Внезапное появление его давно потерянной матери уже ошеломило сына. Не говоря уже о меняющем мир ЭМИ.

Со временем Майло стал больше интересоваться своей сестренкой. Он наслаждался ролью заботливого старшего брата. Он легко доверял, легко любил.

Ханна надеялась, что любовь не будет для него проблемой. Немногие люди сохраняли такие большие открытые сердца. Мир, как правило, разбивал их.

За шестнадцать дней, прошедших с момента ее возвращения домой, они с Майло снова нашли путь друг к другу. Их отношения все еще оставались нерешительными; два раненых человека шли навстречу друг другу в темноте.

Но это происходило. Это работало. Он открывался перед ней, впускал ее. В ответ она полюбила его с такой силой, о которой даже не подозревала.

Майло и Шарлотта.

— Готов к прогулке? — спросила она.

Ноа, как обычно, где-то работал с ополчением. Майло скучал по нему. В дни после

нападения муж проводил еще больше времени, укрепляя оборону города.

Ноа стал молчаливым и замкнутым, даже когда присутствовал рядом. Они все меньше и меньше говорили друг с другом.

Чувство вины укололо Ханну. Все было проще, когда Ноа не рядом. Не так напряженно.

— Сначала мне нужно сходить в туалет, — объявил Майло.

Она в ужасе уставилась на него.

— Что? Но я только что одела тебя. Потребуется пять минут, чтобы снова собраться

— Не меньше десяти. — Он лукаво усмехнулся. — Шучу! Квинн все время попадаетеся

Она ненавидит это.

— Еще бы. — Ханна посмотрела на его толстую куртку. — Ты взял свой рюкзак?

Он жестом показал на свои многочисленные слои.

— Где-то под всем этим... барахлом.

Они хранили его последнюю экстренную дозу инъекционного глюкокортикоида в рюкзаке, который он повсюду брал с собой. Там же лежали дополнительные таблетки, закуски с высоким содержанием соли и сахара, а также электролитный напиток, поскольку стресс влиял на уровень натрия и калия в организме Майло.

Его надпочечники не вырабатывали достаточное количество кортизола самостоятельно. Поскольку кортизол регулирует реакцию организма на стресс, пожизненное лечение, направленное на восполнение этого гормона, крайне важно.

Он принимал таблетки гидрокортизона по графику, имитирующему нормальные двадцатичетырехчасовые колебания уровня кортизола в организме.

В повседневной жизни болезнь Аддисона не оказывала негативного влияния на Майло. Пока он принимал лекарства, ее сын оставался живым, счастливым и здоровым.

У Ноа хранилась пятилетняя заправка в шкафу в его спальне. Тем не менее, страх, что закончится гидрокортизон или его запасной вариант, преднизон, не давал Ханне покоя.

Это успокаивало, но было недостаточно. Что, если этот кризис продлится дольше пяти лет? Что, если они не смогут найти больше лекарств?

Несчастный случай или болезнь могли перерасти в надпочечниковый криз — опасную для жизни ситуацию, которая могла привести к почечной недостаточности, шоку, коме и смерти. Без доступа к больницам, травматологическим центрам и современной медицинской помощи, каковы его шансы?

Майло прикусил нижнюю губу.

— Что-то не так, мама?

Ханна знала, что Майло не любит, когда люди обращаются с ним как с больным или хрупким. Она отмахнулась от мрачных мыслей — пока. Она займется этими проблемами завтра. Сегодня же она собиралась наслаждаться моментом общения с детьми.

— Я в порядке. Пора идти.

Призрак безмятежно дремал на ковре в гостиной Ноа. При упоминании о прогулке он поднял голову и наострил уши.

Вскочив на лапы, пес рысью побежал к ним. Он обнюхал лицо Майло, его щеки и волосы, а затем Шарлотту. Малышка широко открыла глаза и издала испуганный булькающий звук.

В возрасте четырех недель она все больше времени проводила в бодрствующем состоянии. Первые две недели она только ела, какала и спала.

Ханна потеряла глаза. Она уставала, как и все молодые матери. Новорожденные очень

выматывали. Шарлотта просыпалась каждые несколько часов в течение ночи, чтобы ее покормили. Молли помогла Ханне сшить тканевые подгузники, но их оказалось очень трудно стирать даже с помощью электричества. Всегда находилось что-то, что необходимо сделать.

— Голова Призрака больше, чем все тело Шарлотты, — заметил Майло.

— Это точно. Хочешь пойти с нами на прогулку, Призрак?

Призрак радостно заскулил и направился к двери. Большой пиреней любил прогулки на свежем воздухе, а больше всего — зиму. Он отлично тренировался, резвясь в снегу.

После прогулки Ханна давала Майло лекарство, делала ему бутерброд с арахисовым маслом и желе — сын ел его практически каждый день — и кормила Призрака.

Им повезло, что у них вообще нашелся собачий корм. Бишоп принес два больших двадцатифунтовых мешка в сопровождении Рейносо, который смущенно пожал плечами и заерзал на месте, когда она поблагодарила его и предложила домашний кукурузный хлеб, политый медом. Молли показала ей рецепт.

Корм для собак подходил к концу. Они должны придумать, что делать.

На двухсотмильном пути обратно в Фолл-Крик Призрак охотился на белок и кроликов. Здесь, в Фолл-Крике, она боялась отпускать его на охоту.

Некоторые ополченцы косились на него так, будто предпочли бы, чтобы его не было рядом — или чтобы он сам стал хорошей добычей.

Ханна открыла дверь и выпустила Призрака в ослепительное зимнее утро. За ним вышел Майло. Ханна вышла последней, закрыла дверь, заперла ее и положила ключи в карман.

Призрак бросился во двор, вздымая лапами снег и вываливая язык. Майло наблюдал за ним, смеясь, и бросал снежки, чтобы Призрак ловил их. Довольный пес не пропустил ни одного.

Стояла лучшая из мичиганских зим. Февральское солнце светит, снег искрится, хрустящий воздух бодрит, но освежает.

На деревьях щебетали птицы. Несколько белок гонялись друг за другом в подлеске.

Долго такая погода не продлится, но это не имело значения. Ханна наслаждалась каждым днем, каждым мгновением и радовалась всему чему только могла.

Она протянула Майло свою больную руку, и он взял ее, крепко обхватив скрюченные пальцы в перчатках. Она держала правую руку свободной, чтобы быстро дотянуться до заряженного «Ругера» 45-го калибра в кармане.

Сиси дала ей этот пистолет перед смертью от рук Пайка. Надежное оружие. А еще он служил ежедневным напоминанием о доброте незнакомцев. Какими бы уродливыми ни становились многие вещи, в мире есть место доброте. Сиси служила тому доказательством.

Под курткой Ханна носила пояс в западном стиле с толстой серебряной пряжкой размером больше ее кулака. Лиам где-то раздобыл его — возможно, у Бишопы. Он проделал в коже новые отверстия раскаленным гвоздем, чтобы ремень облегал ее тонкую талию.

Лиам показал ей, как пользоваться пряжкой, чтобы спускать затвор одной рукой. В следующий раз, когда она окажется в опасной ситуации, ей не нужно будет беспокоиться о том, чтобы найти столешницу или острый край для упора.

Она также практиковалась в стрельбе. Патроны стали ценным товаром, который они не могли позволить себе тратить впустую, поэтому Лиам обучал ее стрельбе из пневматического оружия и травматических пистолетов, которые они позаимствовали у Переса.

Покалеченная рука не мешала Ханне делать то, что имело значение. Она никогда не станет снайпером, но Ханна училась защищать себя и свою семью.

При виде дома Розамонд Синклер в конце тупика у нее перехватило дыхание. Ханна видела эту женщину всего два раза с тех пор, как вернулась домой.

Два фальшивых солдата, как любила называть их Квинн, круглосуточно дежурили у дома суперинтенданта. Другие постоянно входили и выходили из ее офиса.

Когда они вышли с подъездной дорожки и повернули направо к главной дороге, Ханна почувствовала их агрессивные взгляды, как колючки на шее.

Она прибавила шагу и стала задавать Майло вопросы о супергеройских фильмах, которые пропустила. Он с энтузиазмом, хотя и долго, рассказывал о лучшем фильме «Мстители» и о своих любимых битвах супергероев.

Призрак рысил впереди них, зарываясь мордой в каждый сугроб и фырка от удовольствия. Он никогда не уходил далеко вперед, всегда оставаясь рядом с Ханной и детьми.

К ним приближались два снегохода, их двигатели натужно гудели, лыжи выплевывали снег. Водители повернули головы в шлемах, чтобы посмотреть на них, когда проезжали мимо.

Призрак напрягся и низко зарычал.

Движение в деревьях справа привлекло внимание Ханны. Опять ненастоящие солдаты. Они что-то строили. Звук молотков эхом отдавался в тишине.

— Это дом на дереве? — спросил Майло.

— Я так не думаю. — Она не знала названия, но это была приподнятая платформа, какие используют охотники или снайперы.

— Я хочу домик на дереве. Папа сказал, что построит мне его, но он всегда слишком занят. Спорим, мы сможем сделать его сами. Ты и я вместе. У нас получится.

Ханна оценила его пыл — и непоколебимую веру в то, что она сможет сделать все, что задумает, с деформированной рукой или нет. Большинство людей недооценивали ее.

— Когда вернемся домой, почему бы тебе не составить план? Нарисуй его в своем блокноте. Я уложу Шарлотту спать, приготовлю обед, а потом мы посмотрим.

Его глаза заблестели.

— Ты серьезно?

— Конечно. Но древесины может не хватить, — предупредила она сына. — Людям нужен каждый кусок для дров.

— Мы что-нибудь придумаем.

Они свернули налево на дорогу, которая огибала «Винтер Хейвен». Справа замерзшая река извивалась между скоплениями голых деревьев и массивных домов.

«Винтер Хейвен» располагался вдоль самого широкого участка реки Фолл-Крик. Он имел форму овала, и от главной дороги отходило несколько тупиков.

Две матери пили из дымящихся кружек, сидя на крыльце, пока их дети играли во дворе. Смех и радостные крики эхом отдавались в воздухе.

Дальше по улице Ханна увидела еще нескольких детей, лепивших снеговика. Пожилая женщина и молодая девушка шли по противоположной стороне дороги, держась за руки.

Кроме Дэррила Виггинса и Ноа, ополченцы выгнали большинство жителей Фолл-Крика из «Винтер Хейвена». Теперь здесь остались только семьи ополченцев.

— Можно мне поиграть с ними? — спросил Майло.

Ханна притянула сына ближе.

— Нет, Майло. Я не думаю, что это хорошая идея.

Ополченцы встречались повсюду, бряцая оружием. Несколько человек собрались у дома на углу. Еще несколько проехали мимо на снегоходах — очередной патруль.

Два ополченца стояли у задней части припаркованного грузовика и разгружали тюки с проволокой, большие катушки которой оканчивались острыми зазубринами. Они смотрели на Ханну с подозрением.

Ее не покидала тревога. Они готовились к чему-то — к чему-то большему, чем защита.

Призрак перестал играть в снегу. Он поскакал к Ханне с противоположной стороны и остался рядом, в полной боевой готовности, с поднятым загревком.

Ему не нравилось присутствие ополченцев больше, чем ей.

— Эй, ты! — раздался позади них громкий мужской голос. — Стоять на месте!

Глава 10

Ханна

День сорок второй

Мужчина в серой камуфляжной форме шел к ним с наглой развязностью. На нем был защитный жилет, полный патронташ, и AR-15. Узкое, лошадиное лицо с румяной кожей искривила уродливая усмешка.

Ханна напряглась. Призрак пронесся перед ней и Майло, рыча на приближающегося человека.

Липовый солдат остановился на другой стороне дороги и жестом указал на Призрака стволом своего оружия.

— Что это, черт возьми, такое?

— Собака, — ответила Ханна.

— Ты должна держать эту тварь на поводке. И в наморднике.

— Ему не нужен ни поводок, ни намордник.

Ополченец ухмыльнулся.

— А я говорю, что нужны.

— Он никому не мешает.

— Он напрягает меня.

— Может быть, это заслужено! — вмешался Майло.

Ополченец сузил глаза.

— Похоже, твоему ребенку тоже нужен намордник.

Пульс Ханны участился. Она крепко сжала свои деформированные пальцы на руке Майло. Это причиняло боль, но она не отпускала ее.

— Я так не думаю.

Ополченец сделал шаг к ним, оскалившись.

Призрак предупреждающе рыкнул.

На лице солдата промелькнула тревога, сменившаяся выражением чистой ненависти.

— Это животное нужно усыпить.

Ханна вздрогнула.

— Мы просто гуляем. И собираемся продолжать прогулку. Будем благодарны, если вы не будете лезть не в свое дело.

— Любое дело здесь — это наше дело.

Ханна напряглась. Ее дыхание сбилось в горле, ладони стали влажными в перчатках, но голос звучал твердо.

— Только не мое.

— Никогда не любил собак. — Он переместился, увеличив дистанцию, чтобы выглядеть более устрашающе, дуло его винтовки приподнялось.

Парень улыбнулся. Но улыбка не достигла его глаз.

— Здесь видели бродячих собак. Они становятся агрессивными теперь, когда у них нет хозяев, которые бы их кормили. У некоторых из них даже бешенство. Кто знает? Они могут напасть на маленького ребенка. Саттер приказал нам отстреливать их на месте.

Страх пронзил Ханну насквозь. В кармане куртки она нащупала рукоятку 45-го калибра. Машинально нашла предохранитель, сняла его и направила дуло на ополченца.

Если понадобится, она выстрелит сквозь ткань куртки.

Он стоял в пятнадцати футах от нее. Ханна следила за его пальцем, лежащим на спусковой скобе. Если палец шевельнется, она выстрелит.

— Никто не причинит вреда этой собаке. Никто.

Призрак почувствовал напряжение в ее теле и зарычал громче, его черные желваки отвисли, обнажив зубы.

Ополченец усмехнулся.

— Вот что тебе нужно понять. Мы здесь главные. Мы устанавливаем правила. Не к кому идти плакаться, если что-то пойдет не так, или если, скажем, произойдет несчастный случай. Смекаешь?

— Несчастные случаи случаются по обе стороны.

Он сузил глаза.

— Ты мне угрожаешь?

Ханна отказалась удостоить его ответом.

— Если ты причинишь вред кому-либо из моей семьи, ты не проживешь долго, чтобы сожалеть об этом. Включая Призрака.

Его винтовка поднялась еще на несколько дюймов. Палец все еще лежал на спусковой скобе, но он направил дуло на Призрака.

— Не смей обижать мою собаку! — крикнул Майло. — Не смей!

Он дернулся в руке Ханны, словно готов броситься на мужчину. Ее мальчик смелый, но безрассудный. Он не понимал опасности. Ее сердце забилося, и Ханна притянула его к себе.

— Заткнись! — зарычал ополченец, повысив голос. — Эта тварь — угроза! Я избавлюсь от нее!

Хлопнула дверь. Старик лет семидесяти спустился по ступенькам. Дальше по дороге пара открыла дверь и выглянула наружу. Мамы на крыльце поднялись на ноги, их дети с разинутыми ртами наблюдали за перепалкой на улице.

— Эй! — крикнул старик. — Что происходит?

— Оставьте собаку в покое! — крикнула мать. Маленькие дети во дворе начали плакать.

Громкие голоса привлекли внимание двух ополченцев на углу — высокого мужчины и низкорослой женщины.

Женщина заслонила глаза.

— Вик! Что-то случилось?

Ополченец Вик колебался, неуверенный. Его взгляд метнулся к соседям, потом к приятелям на углу, потом снова к соседям.

Что бы он ни планировал сделать, ему не нужна публика. Среди членов семей ополченцев немало любителей собак, некоторые встречались и среди самих ополченцев.

Теснота в груди Ханны ослабла. Облегчение захлестнуло ее. Это ее шанс. Ей нужно обратиться отсюда без жестокой конфронтации.

— Мы уходим, — сказала она. — Хорошо? Ты выиграл.

— Ты никуда не пойдешь...

— Эй, Вик! — Женщина бегом направилась к ним. На груди у нее было вышито имя «Кеслер». — Это семья шефа Шеридана. Перестань дергаться и оставь их в покое! У нас есть работа.

— Майло, пошли. — Ханна взяла Майло за руку, повернулась и пошла обратно тем же путем, которым они пришли. Ее ноги дрожали. Рука сжимала 45-й калибр так крепко, что пальцы свело судорогой. — Призрак!

Призрак попятился, не желая убегать от угрозы.

— Призрак! Идем!

Пес сдался и рысью направился к ней.

— Стойте! — Вик крикнул им вслед, но вышло слабо.

Ханна продолжала идти. Она не бежала. Она отказалась бежать.

Вик слыл задирой, который любил погрозить своим оружием, которому нравилось проявлять власть над всеми, кого он считал слабее, меньше или «ниже» себя.

Стал бы он стрелять в Призрака? Ханна не сомневалась, что он или любой из ополченцев застрелил бы пса. Они были убийцами. Тот, кто способен убить человека, расправится и с домашними животными.

Она не сводила глаз с ополченцев, напряженно вслушиваясь в любое движение или звук позади себя. Они смотрели ей вслед, их враждебность словно физическая сила была ее по спине.

По ее телу прошла дрожь, как будто Ханна стояла слишком близко к краю обрыва. Кончики пальцев покалывало. Все могло пойти плохо. Они едва сумели унести ноги. Больше им так не повезет.

Больше никаких прогулок в «Винтер Хейвене».

Ноа настаивал, что это самое безопасное место для них. Однако это далеко не так.

Ханна верила в доброту людей, но Лиам все-таки прав. Ополченцы совершали набеги и грабили окрестные города. Они убивали невинных людей без всякой причины, только потому, что могли.

Ополченцы просто отравы. Они разрушали своим ядом Фолл-Крик.

С ними нужно бороться. Не просто разобраться — покончить с ними навсегда.

Глава 11

Ханна

День сорок второй

Ханна не могла успокоиться. Она попыталась сосредоточиться на Майло, вести себя нормально, чтобы он не испугался

— Мама? — позвал Майло, когда они завернули за поворот и Вик скрылся из виду.

Только тогда Ханна снова перевела дыхание.

— Да?

— Когда мы сможем пойти в гости к Квинн?

Такая простая просьба. Ханне нравились Квинн и Молли так же, как и Майло.

— Как насчет завтра? Мисс Молли запланировала еще один торговый день. Уверена, она не откажется от помощи.

Глаза Майло стали большими.

— О, да! Мы могли бы сделать больше грелок для рук или шампуней с пищевой содой. В прошлый раз они быстро разошлись.

— Наверняка.

— Бабушка Квинн классная.

— Так и есть.

— Она сделала целую печь, которая работает от солнца.

— Какая отличная идея. Она могла бы показать нам, как сделать такую же.

Майло замолчал на минуту. Их ботинки хрустели по снегу. Звуки ополченцев и играющих детей стихли, когда они приблизились к своему тупику.

Шарлотта пицала и махала руками. Майло протянул ей палец в перчатке, и она ударила по нему крошечным кулачком в варежке. Ханна держалась настороже.

— Мама?

— Да?

— Папа говорит, что Нана Синклер мне как бабушка. — Майло пожевал нижнюю губу. — Кажется, это уже не так. Когда мы пекли печенье, мне не понравилось. У меня заболел живот. Это было... странно.

Ханна остановилась и посмотрела на него. Призрак замер в нескольких футах от них и уставился назад, в ту сторону, откуда они пришли.

— Я верю, что Бог даровал нам интуицию. Это некое плохое или неприятное чувство, которое предупреждает нас о том, что что-то не так, даже если мы еще не осознали, почему. Понимаешь?

Майло кивнул.

— Если миссис Синклер снова пригласит тебя к себе домой или еще куда-нибудь, что ты должен сказать?

— Я закричу «Ни за что!» и прибегу к тебе.

Она натянуто улыбнулась.

— Хороший ответ.

Они дошли до дома. Она отперла входную дверь, и Призрак помчался впереди них, осыпая снегом все фойе. Дыхание Ханны пришло в норму. Напряжение в ее плечах немного ослабло.

— Большое спасибо, Призрак! — негодуя в шутку, крикнул Майло. — Это мне приходится убирать за тобой!

В ответ Призрак неистово залаял.

Прежде чем войти в дом, Ханна взглянула в конец улицы на двух ополченцев, охранявших дом суперинтенданта Синклер. Они смотрели на нее, выражение их лиц застыло, руки лежали на оружии.

Тревога скрутила ее желудок. Неуютно жить на вражеской территории. Может быть, она находилась под защитой как жена Ноа, а может быть, и нет.

Занавески на переднем окне дома суперинтенданта затрепетали. Ханна не могла видеть четко с такого расстояния, но смогла различить очертания.

Ледяная дрожь ужаса пробежала по ее позвоночнику. Кто-то стоял там и наблюдал за

ней. Она чувствовала на себе пристальный взгляд.

Розамонд Синклер. Ханна знала, что это она. Женщина, которая породила монстра, терроризировавшего Ханну целых пять лет.

Розамонд Синклер — чудовище. Ханна не сомневалась в этом.

И окружали ее такие же чудовища.

Занавеска сдвинулась и опустилась на место. Тень за стеклом исчезла.

Вздрыгнув, Ханна поспешила в дом Ноа, захлопнула за собой дверь и прижалась спиной к дереву. Она дрожала от паники.

Ханна зажмурила глаза, тяжело дыша, отгоняя цунами воспоминаний, которые грозили ее захлестнуть. Промозглый запах подвала, холод, проникающий в кости, и ужасное щелк, щелк, щелк зажигалки Пайка.

Так было всегда. Стоило только подумать, почувствовать запах, звук, и все это возвращалось. Ворсистый матрас, решетки на единственном маленьком окне, сотни меловых линий на бетонной стене. Злобное лицо Пайка, его красный рот. Страх, беспомощность и боль.

Она больше не там. Она не сидела в ловушке. Она здесь — и свободна.

Ханна заставила себя открыть глаза и осмотрела комнату, считая стулья, ковры, занавески и доски в полу, пока страх ее не отпустил.

— Мама? Ты в порядке?

Ханна сделала несколько глубоких, успокаивающих вдохов.

— Да.

В холле Майло встал на колени перед Призраком, который чинно сидел, подняв одну белую лапу, пока сын вытирал его шерсть старым полотенцем, которое они держали у двери.

Майло болтал с Призраком, а пес, прижав уши, наклонил голову, словно прислушиваясь к болтовне маленького мальчика. Все еще пристегнутая к груди Майло, Шарлотта с удивлением смотрела на большую мохнатую голову Призрака.

Ханна хотела только одного — схватить своих детей и бежать из этого ужасного места. Она хотела оказаться где угодно, только не здесь — у Молли и Квинн, в приюте или в своем старом доме с Лиамом.

При мысли о Лиаме у нее заныл живот.

Иногда то, чего ты хочешь, не имеет значения.

Тем не менее, она могла уйти. Если бы она могла забрать с собой все, что любила, она бы покинула это место в одно мгновение.

Электричество и водопровод в «Винтер Хейвене» мало привлекали Ханну. Этого недостаточно, чтобы компенсировать ущерб.

Она скорее проживет тысячу жизней без горячего душа, чем потеряет свободу.

Если она уйдет, то сможет забрать Шарлотту. Ноа это бы не волновало. Он редко смотрел на ребенка, не говоря уже о том, чтобы заботиться о ней.

Сможет ли она забрать Майло?

Захочет ли Майло поехать с ней?

Он любил своего отца. Несмотря на все недостатки Ноа, он любил своего сына. Он был хорошим родителем. Последние пять лет они жили только друг с другом. Эта связь играла решающую роль в психологическом здоровье и благополучии Майло.

Могла ли Ханна попросить сына оставить единственного человека, которого он любил всей душой, который любил и защищал его во всем?

Как бы ей этого ни хотелось, она сомневалась, что сможет.

Возможно, «Винтер Хейвен» и правда самое безопасное место для Майло, даже если оно не безопасно для нее. Никто не хотел его смерти. Никто его не ненавидел.

Ноа защитит его.

Ее сердце разрывалось на части. Могла ли она оставить Майло, хотя бы ненадолго? Как она могла оставить его здесь, даже если отъезд для нее самой лучший выбор?

Не потрудившись снять ботинки, Ханна прошла в холл, упала на колени и крепко обняла Майло и Шарлотту.

Майло хихикнул.

— Уф! Что это было?

Сердце Ханны едва не разорвалось от любви и страха, нежности и сомнений. Она заключила сына и дочь в свои объятия.

Включила в объятия своего пса — самого смелого и умного из всех, кого она знала, и такого же члена семьи, как и все остальные. Призрак ткнулся носом ее в щеку и прижался к боку Ханны — вариант объятий от большого пиренея.

Именно так. Только это и имеет значение.

Глава 12

Ноа

День сорок третий

Ноа Шеридан стоял перед дверью в кабинет Розамонд и понимал, что не хочет заходить внутрь.

В небе ярко светило солнце, отражаясь от снега. Температура снова держалась на уровне минус шести градусов — практически тепло для Мичигана. День идеально подходил для катания на санках, лыжах или тюбингах. День для смеха и горячего шоколада.

Но Ноа не хотелось ни того, ни другого.

Он сжал руки в кулаки. Его колотило от гнева. Только под яростью и злостью он скрывал невыносимый и бездонный страх.

На Фолл-Крик напали. Они отогнали чужаков, но нападение потрясло Ноа до глубины души. Он верил, что пятидесяти ополченцев будет достаточно. Что в обмен на подчинение тирании Саттера он получит гарантию абсолютной безопасности.

Нападение, произошедшее два дня назад, разуверило Ноа в этом. Сорок с лишним необученных людей прорвали первоначальную преграду, ворвались в город и почти его захватили.

Достаточно всего лишь нескольким кровожадным головорезам, жаждущим хаоса, проскользнуть за периметр, и в одно мгновение они могли забрать все, что ему дорого.

Именно страх привел его к Розамонд.

Он постучал в дверь. Никто не ответил. Ноа постучал сильнее.

Через минуту дверь распахнулась.

Саттер стоял в проходе и смотрел на него с недоумением.

— В чем дело?

Ноа попытался протиснуться мимо него. Саттер не двинулся с места.

В Ноа вспыхнула ярость. Во всем виноват Саттер. Нападение, антагонизм горожан, отстраненность и возмущение Ханны — абсолютно все это его вина.

Правая рука Ноа лежала на пистолете. Темная, уродливая часть его души жаждала

воспользоваться им.

— Я пришел к Розамонд. Посторонись.

Саттер одарил его неприятной ухмылкой.

— Впусти его, — раздался голос Розамонд из-за спины Саттера.

Саттер нахмурился, но отодвинул свою немалую тушу в сторону.

Ноа вошел в комнату, стряхивая снег с ботинок. Он закрыл дверь, и его окружили тепло и свет. Стянув перчатки и шапку, он сунул их в карманы куртки.

— Что ты хотел? — спросила Розамонд.

Ноа открыл рот, затем замешкался, пораженный. Розамонд выглядела... по-другому. Ее светлые волосы были растрепанными и жирными, как будто она не мыла их несколько дней. Она накрасилась, но помада размазалась в уголках губ. Под глазами залегли темные круги.

На столе стояла пустая бутылка вина. Несколько бутылок бурбона и виски в разных стадиях опустошения стояли на книжной полке.

Стоит ли удивляться? Розамонд потеряла обоих своих сыновей буквально за несколько дней. Это чудо, что она вообще способна работать.

Саттер отступил и встал рядом со столом Розамонд. Это перемещение не осталось незамеченным. Глава ополченцев продемонстрировал свое влияние и превосходство над Ноа. Он пытался задеть его, спровоцировать. Это сработало.

Ноа ткнул в него пальцем.

— Ты солгал мне!

Саттер сложил руки на широкой груди и немигающим взглядом уставился на Ноа.

— Каким образом?

— Те люди, которые напали на нас — они не чужаки, не бандиты и не головорезы. Это наши соседи! Люди из Найлса, Сент-Джо, Давагиака, Стивенсвилла.

— Они напали на нас, — ровно произнес Саттер. — Они стреляли и убивали моих людей. Они заслужили все, что с ними случилось.

— Они говорят, что это мы на них напали!

Об этом ему рассказала Ханна. Как она рассвирепела, ее зеленые глаза смотрели потрясенно, возмущенно и с упреком.

Этот обличительный взгляд перевернул его душу. Она смотрела на него, как на чужого. Хуже, чем на незнакомца — как на врага.

Питаясь ее гневом, пес бросился на него, оскалив зубы. На мгновение Ноа испугался за свою жизнь.

Она окликнула Призрака, и он отступил к ней, но не перестал рычать и смотреть на Ноа так, словно хотел откусить от него значительный кусок.

— Я не знал! — заикался он, подняв обе руки в мольбе. — Клянусь!

— Ты шеф полиции. Как ты мог не знать? — недоверие сквозило в каждом слове Ханны.

Ноа защищался, как мог, его желудок заныл, в горле появилась горькая кислота.

Он обещал выяснить правду. Это единственный способ прекратить спор, заставить Ханну перестать смотреть на него так, будто он сам убийца.

— Они утверждают, что ополченцы — это и есть налетчики, — сказал он теперь. — Убийцы.

Правый глаз Розамонд дернулся. Она ничего не сказала.

Выражение лица Саттера оставалось равнодушным.

— И что?

— И что? — Ноа зашипел. — И ЧТО?

— Я думал, ты в курсе.

— В курсе? О чем, черт возьми, ты говоришь?

— Мы действительно будем это обсуждать? — Саттер бросил на Розамонд недоверчивый взгляд. Когда Розамонд ничего не ответила, он вздохнул. — Как ты думаешь, откуда берутся припасы, которые мы привозим? Еда, которую вы ставите на свой стол? Туалетная бумага, которой вы вытираете свои нежные задницы? Бензин, которым вы заправляете свои грузовики и снегоходы? Думаешь, все это волшебным образом появляется с неба?

— Заброшенные склады...

— Думаешь, кто-то бросил бы здание, полное жизненно важных вещей? Отчаявшиеся люди разграбили все магазины, все склады, все предприятия и аптеки за первую неделю. Вооруженные банды, коррумпированные полицейские или правительственные агентства, забрали себе все остальное.

Ноа не удавалось вдохнуть достаточно кислорода. Он чувствовал головокружение. «Ты знал. Конечно, ты все понял», — прошептал голос в его голове. Голос, который он ненавидел.

Насколько проще было не спрашивать. Принять добычу, не задаваясь вопросом, откуда она взялась, не изучая улики перед глазами. До сих пор.

— Ты... ты убил людей. Невинных людей.

Саттер усмехнулся.

— Невинных не бывает.

— Они не виноваты в этом!

— Тебе требовался твой гидрокортизон? А кто, по-твоему, собирался предоставить его нам? Ничего не дается бесплатно, шеф. — Саттер скривил губы в издевке. — В этом мире мы устанавливаем правила. Мы можем брать то, что хотим. Сильные выживают. Так устроен мир, так он работал всегда. Если хочешь жить, отбрось свою плаксивую мораль и действуй по обстановке. Или ты можешь сидеть в своем холодном, пустом доме с пустым животом и рассказывать своему голодному ребенку, почему ты недостаточно мужественен, чтобы позаботиться о нем. Все просто. Не усложняй.

Ноа с ненавистью осознал, что у него в голове возникают те же мысли. Внутри у него все кипело от тошноты. Он не мог встретиться с жесткими глазами Саттера и опустил взгляд на ковер.

— Скольких людей ты убил?

— Какое число ты хочешь услышать, Ноа? Если я скажу пять, ты примешь это? Если скажу двадцать, ты не согласишься? Какая разница?

Это имело значение. Это должно иметь значение.

Ноа поднял глаза на Розамонд. Он хотел верить, что она невинна в этом, что суперинтендант никогда не потворствовала бы такому.

Саттер заправлял делами. Она вынуждена была подчиниться, как и Ноа. Они оба подчинялись против своей воли.

У них не оставалось выбора.

— Ты у нас в долгу, — заявил Саттер. — Ты принадлежишь нам.

Последняя искра негодования вспыхнула в груди Ноа.

— Черта с два! Я начальник полиции! Мой долг перед людьми...

— Твой долг — передо мной, — резко произнесла Розамонд. Ее плечи стали жесткими, глаза ясными. Она устремила на Ноа свой острый взгляд. — Твой долг — делать все, что я скажу. Я говорю прыгать — ты прыгаешь. Я говорю сделать это, ты делаешь. Я думала, что уже ясно выразилась. Очевидно, нет. Итак, позволь мне разъяснить сейчас. Все, что у тебя есть, это благодаря мне. Я дала тебе этот значок, который ты носишь с такой гордостью. Я дала тебе дом, который согревает тебя по ночам и дает приют. И я обеспечила тебя лекарствами, которые поддерживают жизнь твоего сына.

Ноа взглянул на Саттера.

— Не на него смотри! — Розамонд прошипела. — Смотри на меня.

— Подумай о Майло, — посоветовал Саттер. — Подумай о своем сыне.

Розамонд стала для него матерью, а для Майло — бабушкой. Ноа любил ее. Он не часто думал об этом, но это действительно так. Он в долгу перед ней. Он всегда платил ей своей абсолютной преданностью.

В сознании Ноа промелькнуло воспоминание. Розамонд стоит рядом с Майло за широким кухонным островом, ее рука крепко обхватывает его худые плечи, когда он пытается освободиться, ее железный взгляд устремлен на Ноа.

Он вспомнил страх, который испытал в тот момент. Полный и абсолютный ужас. Иррациональный, сказал он себе позже. Розамонд никогда бы не причинила вреда Майло.

Теперь Ноа в этом не столь уверен.

Тиски сжали его грудь, паника сдавила ребра. Он готов на все, лишь бы его сын не пострадал. На что угодно.

Розамонд знала это. Саттер знал это.

— Мы вместе до конца, — проговорила Розамонд, наклоняясь ближе. — Ты и я. Мы теперь в одной лодке.

Ноа хотел возразить. Но не мог. Он не мог ничего сказать.

Глава 13

Квинн

День сорок четвертый

Квинн открыла глаза, задыхаясь, с сильно колотящимся сердцем и влажными ладонями.

Она вытерла пот с лица рукавом толстовки. По утрам на улице бывало холодно — в спальне лишь немного теплее, даже с пропановым обогревателем, стоявшим рядом с комодом, — а она проснулась вся в липком поту.

Кошмары. То, что она ненавидела. Ей снилась церковь. Всегда церковь. Она все еще слышала крики, отчаянные вопли, мучительные стоны умирающих.

Стоило только закрыть глаза, и она видела каменные стены, деревянные скамьи, гобелены, пыль и обломки повсюду. И психопаты с оружием наперевес, убивающие без жалости.

Какие-то ночи выдавались лучше, чем другие. Некоторые проходили хуже — например, когда она снова и снова видела за своими веками умирающих Юнипер и Хлою, когда она не могла отгородиться от отчаянного голоса Хлои, зовущего ее по имени раз за разом.

Квинн, не мигая, уставилась в потолок. Боль в груди не проходила. Да и никогда не пройдет.

В этом разрушенном мире с потерями нужно учиться жить, как с искалеченной ногой

или сломанными пальцами Ханны. Не все могли смириться с этим.

Она подумала о мистере и миссис Бернштейн, паре с соседней улицы, на которую наткнулась, когда проверяла соседей бабушки. Они вдвоем в той кровати, мистер Бернштейн, свернувшийся вокруг своей жены, как запятая, жирная черная кровь, размазанная по подушкам. Отчаяние, пропитавшее спальню, как зараза.

Квинн не винила их за то, что они выбрали смерть. Дальнейший путь сулил ужас, насилие, голод, отчаяние и горе. Любой, кто не смотрел на это будущее с опасением, просто чертовски глуп и к тому же идиот.

Квинн никогда бы не сделала такой выбор. Она знала это твердо.

Она уже видела лицо дьявола, и дьявол мог отправляться напрямиком в ад.

Она не собиралась отступить. Она не сдастся. Неважно, насколько все плохо, неважно, насколько ужасны кошмары.

Ее плечи напряглись, а желудок сжался в комок. Возможно, ей придется смириться с потерей, но она точно не должна мириться с причиной или позволять виновнику уйти от наказания.

Квинн думала, что все закончилось со смертью ее матери и казнью Рэя Шульца, Билли Картера и остальных их дружков.

Но нет.

Ничего не закончилось.

Сначала Бишоп не хотел ей говорить. Она видела нежелание в его глазах, его сомнения и беспокойство. Ему не стоило волноваться. Не о ней.

Квинн могла справиться с собой. Она справится — справится — со всем, что подкинет ей жизнь. Разве она уже это не сделала? Смерть бабушки, ее мать-наркоманка, резня, нападение Десото в сарае, даже это.

Рэй Шульц действовал не один. Он не случайно принял решение расстрелять церковь. Его подтолкнули к этому.

Он был марионеткой. И ее мать тоже.

Конечно, они сами сделали свой выбор. Они заслужили все, что получили. Квинн не настолько наивна, чтобы верить, что ее мать может быть невиновна.

Тело ее матери, распростертое на снегу, мелькнуло у нее перед глазами. Она отмахнулась от воспоминаний. Переживать из-за такого человеческого мусора, как Октавия Райли, бесполезная трата энергии.

Ее мать мертва. Конец истории.

Квинн не хотела больше думать о своей матери, ни в каком ключе. Ее теперь интересовал только один человек.

Кукловод, державший ниточки, тот, кто организовал все это, скрытый в тени, пока собственный сын не раскрыл ее.

Джулиан Синклер признался Бишопу в ее планах, прежде чем провалиться под лед и утонуть. Он замарал свои руки, но он уже мертв. Квинн не могла потребовать с него ни фунта плоти.

Розамонд Синклер по-прежнему жива.

Квинн повернула голову и уставилась на огромные красочные фрески, которые нарисовала на стенах, потолке, дверцах шкафов — драконы, гремлины, гарпии, демоны и монстры — пока у нее не затуманились глаза.

Монстры существовали. Она всегда в это верила. Такие монстры, как Розамонд.

Она ненавидела эту женщину. Ненавидела ее с дикой яростью.

Вся эта боль и страдания вызваны Розамонд. Мертвые и умирающие люди, которые врезались в память Квинн и преследовали ее в кошмарах. Все эти отцы и матери, сестры и братья, взывающие к справедливости, их бесконечные крики, запертые в голове Квинн.

Убитые Хлоя и Юнипер. Их голоса звучали громче всех.

Кто-то должен разобраться с этим.

Кто-то должен привлечь Розамонд Синклер к ответственности.

Это просто несправедливо, что она может запереться в своем теплом, светлом особняке, управляя фальшивыми солдатами, как своими личными телохранителями.

Кровь невинных пролилась по ее приказу. Кровь окрасила снег. Кровь на скамьях и ковре. Кровь на ухоженных руках Розамонд.

Она, наверное, думала, что ей все сошло с рук. Никого не осталось, кто мог бы раскрыть ее уродливые маленькие секреты. Никаких последствий. Никакого возмездия.

Возможно, Ноа не хотел ничего делать, но Квинн готова.

Последствия будут. Она позаботится об этом.

Бабушка постучала в дверь спальни — три сильных удара, как будто она забивала гвоздь кулаком. Бам! Бам! Бам!

Ей было за семьдесят, но она все еще оставалась бодрой и энергичной, как шестидесятилетняя.

— Доброе утро, соня! У нас есть работа на этот прекрасный день!

Квинн застонала и потерла глаза.

— Что в сегодняшнем дне делает его прекрасным? У нас каждый день есть работа, которую нужно делать. Она никогда не заканчивается!

— Именно! — воскликнула бабушка через закрытую дверь. — Каждый день, когда мы обе на ногах, — это уже хороший день как по мне. Кроме того, светит солнце. Я даже не уверена, что снаружи Мичиган.

— Может, к нам заглянула Дороти, и мы теперь в стране Оз, — пробормотала Квинн.

— Только если я стану Злой Ведьмой Запада! — Бабушка попыталась изобразить гогот. Получилось на удивление хорошо. Она снова стукнула в дверь. — Вставай и выходи! Проснись и пой!

Квинн проснулась, но это не означает, что она должна обязательно сиять. Она зевнула, откинула одеяло и опустила ноги на ледяной пол.

Последний кошмар медленно угасал, уходя куда-то на задний план. Если Квинн продолжит думать об этом, то весь день пойдет прахом.

Она не забудет ни Розамонд Синклер, ни того, что ее ждет. Но, как говорила бабушка, жизнь продолжается.

Сначала выжить. Потом позаботиться обо всем остальном.

Рассвет проглядывал сквозь занавески над ее кроватью. Зимой солнце садилось рано, и бабушка настаивала, чтобы они тоже так делали. Чаще всего они ложились спать до девяти, а вставали до семи утра.

В старые времена люди вставали с солнцем и укладывались с ним же. Зачем засиживаться и тратить впустую отличное ламповое масло, говорила бабушка. Она, конечно, права. Запасы нефти, керосина и пропана, как и всего остального, теперь сильно ограничены.

Сегодня Квинн нужно накачать достаточно воды из колодца, чтобы обеспечить их водой

для приготовления пищи, стирки и питья. Она и не подозревала, как много воды использовала раньше, не задумываясь.

Теперь каждый драгоценный галлон расходовался с умом. Это стало настоящей головной болью — одеваться, тащиться в мороз с несколькими ведрами в руках и счищать снег и лед с ручного насоса еще до того, как она смогла добраться до воды.

После этого ей приходилось искать валежник под снегом, чтобы высушить его в сарае. Необходимо всегда держать под рукой свежий запас дров. Стирать теперь приходилось вручную.

Охота тоже стояла на повестке дня. На этот раз Квинн надеялась поймать несколько кроликов, хотя патроны 22-го калибра подходили к концу. При мысли о свежем, сочном, нежном мясе у нее пересохло во рту.

Вздыхнув, она облачилась в армейские ботинки, черные брюки и лонгслив, натянула поверх две толстовки. Провела руками по волосам длиной до плеч и собрала их в хвост.

Яркая синяя краска переходила в дикий голубовато-фиолетовый цвет, ее воронные пряди начали все больше просвечивать. Черные волосы и темные глаза составляли часть ее вьетнамского наследия — подарок матери, который Квинн когда-то презирала.

Теперь она воспринимала свои черные волосы не как лишнее напоминание о ее непутевой матери-наркоманке, а как нечто драгоценное, переданное ей от бабушки. Любую часть бабушки, которую Квинн могла сохранить, она будет беречь всем сердцем.

Она поменяла кольцо на губе на одну из своих любимых шпилек с топазом, оставив кольцо в брови, затем засунула рогатку и патроны в передний карман толстовки и перекинула винтовку 22 калибра через плечо.

Ну вот. Она готова к апокалипсису.

Когда она собиралась выйти из своей комнаты, ее взгляд упал на блокнот для рисования и угольные палочки рядом с айподом и солнечным зарядным устройством на комод. Она работала над портретом Майло, чтобы подарить его Ноа, но дальше первых набросков дело не пошло.

Квинн хотела нарисовать и малышку Ханни. Ханна оценила бы любое изображение на память. Поскольку большинство фотоаппаратов в наши дни цифровые, фотографии стали еще одной жертвой краха.

Может быть, завтра у нее будет время.

Еще один предмет привлек ее внимание. Рядом с блокнотом для рисования лежала электронная книга, полная справочников и книг по выживанию, которую бабушка сохранил в клетке Фарадея.

Там собрана важная информация, которую не знала даже бабушка: лекарственные травы, съедобные растения, первая помощь в дикой природе, как пережить ядерные осадки, как построить домик на роднике и уборную. Ей нужно прочесть это и запомнить.

Чувство вины кольнуло Квинн. Она собиралась читать каждый вечер перед сном. Но времени никогда не хватало. Каждый день, казалось, заполнен делами на неделю.

Она скучала по тому, как целыми днями гуляла с Майло в «Винтер Хейвене». Скучала по ночным играм в карты с Ноа. Теперь там жила Ханна. Им больше не нужна помощь Квинн.

Ханна несколько раз привозила детей и Призрака в гости, но Ноа никогда не приезжал с ними. Он отдалялся, отгораживался.

Квинн ненавидела это. Она ненавидела то, что все говорили о нем. Ноа не мог быть

таким. Она знала, что он лучше.

Ему просто нужно выйти из депрессии и вспомнить себя: он — полицейский, один из хороших парней.

Она должна навестить его. Но всякий раз, когда Квинн выделяла для этого время, появлялось что-то более важное. Как сейчас.

Колледж стал пережитком прошлого. Старшая школа уже окончательно перестала существовать. Алгебра больше не имела значения. Будущего не существовало.

Но возможности еще были. Она все еще могла быть полезной. Не в обиду бабушке, но кухня не для Квинн. Ни в коем случае.

Что она хотела сделать, так это найти Лиам Коулмана. Он был воином, бывшим спецназовцем отряда «Дельта». Лиам знал пятьдесят способов убить человека, и он никогда не колебался, чтобы сделать то, что нужно.

Квинн Райли хотела стать воином.

Глава 14

Лиам

День сорок пятый

Лиам стоял на посту в пустом доме, ближайшем к перекрестку.

Поясница горела, как от раскаленной кочерги, прижатой к нервам, но он заставил себя не обращать на это внимания. Он оставался настороже, постоянно сканируя темноту, тихие дома, пустую улицу.

Молли и Квинн жили в конце дороги. Старый дом Ханны находился недалеко от середины, с каждой стороны располагалось около десяти домов.

Тэнглвуд Драйв — это длинная проселочная дорога, окруженная лесистыми холмами, которые упирались в реку. Большинство участков имели площадь в несколько акров, и у каждого дома стоял колодец и септическая система.

Двадцать два дома располагались в шахматном порядке вдоль тупика. Жильцы остались только в четырнадцати.

Бишоп согласился оставить свой дом за церковью Кроссвей и переехать в один из пустующих домов. К ним присоединились Майкл Дункан и его сын Джамал, а также Анне Кинг. Хосе Рейносо был холост и оставил свою квартиру в одном из небольших домов в обмен на несколько домашних обедов от Молли.

Лиам, Бишоп и Рейносо забаррикадировали начало улицы четырьмя нерабочими внедорожниками, взятыми у соседей, поставив их в ряд, чтобы затруднить доступ к дороге другой машине.

Жители окрестных домов все еще могли выехать. У большинства людей закончился бензин, но у нескольких остались рабочие снегоходы или квадроциклы.

Они также построили укрытия по обе стороны баррикады, обозначив несколько защищенных огневых позиций в разных точках небольшого района.

Организовали поочередное дежурство. Перес и Труитт не жили на этой улице, но они предложили дежурить по четыре часа каждую вторую ночь.

Молли предложила привлечь к охране соседей. Шестеро согласились помочь. Лиам им не доверял. Он бы дежурил двадцать четыре часа в сутки, если бы это представлялось возможным.

Квинн умоляла взять ее на смену. Она была сообразительной, умной и амбициозной. В

отличие от многих подростков, она относилась ко всему серьезно и не шутила. Но она еще слишком молода. Квинн злилась из-за этого, но он предпочел бы, чтобы она осталась жива и невредима.

Наконец, Лиам зарыл несколько тайников с оружием и патронами в стратегически важных местах в лесу за домами по обе стороны дороги.

Всего этого явно недостаточно. Ему нужно больше людей, больше припасов, больше патронов.

Маленький район нельзя защитить по-настоящему, не с теми ресурсами, которые у него имелись. Настоящий штурм вражеских сил их уничтожит.

Именно поэтому следующий этап плана должен быть осуществлен как можно скорее.

Грохот снегохода, приближающегося с востока, прервал его мысли.

Лиам поднял карабин и посмотрел в прицел. Смеркалось, луну наполовину спрятали облака, фигура скрывалась в густых тенях за сдвоенными фарами снегохода.

Напрягшись, Лиам снял карабин с предохранителя и не сводил глаз с человека, который ехал по дороге, замедляя ход, по мере приближения к повороту на Тэнглвуд Драйв.

Водитель остановился в двадцати пяти ярдах от машины, выключил двигатель и просвистел несколько первых тактов песни «С днем рождения».

Рация Лиама щелкнула.

— Это я, болван. Не стреляй в меня.

Лиам скорчил гримасу и опустил оружие.

Он следил за тем, как снегоход поравнялся с его укрытием. Хосе Рейносо снял шлем и вздрогнул.

— Блин, какой зверский холод. Я уже готов к весне. И солнцу. И красивым девушкам в коротких юбках.

— Твоя смена только завтра.

Лиам мельком увидел вспышку белых зубов.

— Мне стало скучно. Можешь в это поверить? Случилось что-нибудь интересное?

— Нет, ничего. Все тихо на западном фронте.

Рейносо слез со снегохода и убрал брелок в карман. Он встал чуть ниже Лиама и повернулся лицом к дороге, сканируя окрестности.

— Затишье перед бурей. Передохнем, пока есть возможность. Скоро все полетит к чертям собачьим.

— Обрисуешь обстановку? — спросил Лиам.

Рейносо потратил день на встречи с ключевыми членами совета и горожанами, которым, как они считали, можно доверять — теми, кто больше всего хотел, чтобы ополченцы ушли.

Рейносо разочарованно вздохнул. Он был спокойным, уравновешенным парнем. Его ничего не будоражило. Но сейчас он выглядел раздраженным, его челюсть напряглась.

— Все прошло не так хорошо, как я надеялся. Скажем прямо.

— Они не готовы к бою. — Лиам не спрашивал, он знал ответ и такой исход его совершенно не удивил.

— Нет. Не готовы. Они рады «поддержать» нас любым способом... — Рейносо изобразил кавычки, — но настоящая работа, как обычно, ляжет на нас.

— Они напуганы, — проговорил Лиам. — Они не солдаты и не полицейские.

— Нам нужно быть осторожными. Аннет Кинг сказала, что Саттер предлагает еду в

награду информаторам, сообщающим об инакомыслии. Любой может нас сдать.

— Обязательно будем.

Рация Лиама затрещала.

— Эй, Росомаха! — Голос Квинн пробился сквозь помехи. — У нас на плите кипит суп со спаржей, если ты голоден. Плюс домашний хлеб и еще кофе в кофеварке.

При упоминании о еде у Лиама заурчало в животе.

— Моя смена закончится только в полночь.

— Тогда я принесу тебе термос с кофе, — отозвалась Квинн. — Конец связи.

Рейносо укоризненно посмотрел на Лиама, пристегивающего рацию к поясу.

— Когда началась твоя смена?

Лиам не ответил. Он сменил Бишопа семь часов назад. Сейчас почти восемь вечера.

— Я так и думал. Мужик, тебе нужен перерыв.

— Я в порядке.

— Разве ты не слышал? Квинн собирается принести мне термос с кофе. Настоящего кофе! Знаешь, что я бы сейчас сделал за чашечку кофе? — Он не стал дожидаться ответа Лиама. — Да почти все, так-то.

Лиам не мог с этим поспорить. И ему не помешала бы передышка. Как бы он ни хотел терпеть, его тело протестовало.

— Думаю, я не должен становиться между тобой и твоей порцией кофеина.

— У меня серьезная ломка, чувак. Ты даже не представляешь.

Пять минут спустя Лиам оставил Рейносо греться под паром горячего термоса с драгоценным кофе. Квинн попыталась завязать разговор, но он отправил ее обратно к Молли. Ему нужно еще раз проверить окрестности.

Возвращаясь, Лиам выбрал обходной путь за домами слева от дороги. Сразу за дворами он протянул через деревья проволоку с банками, наполненными камнями, гвоздями и всякой всячиной.

Он наступал на свои прежние следы и осматривал снег в поисках чего-нибудь свежего. С тактическим фонариком он обследовал подлесок на предмет сломанных веток или других признаков того, что здесь кто-то притаился.

Лиам держал фонарик подальше от своего тела на случай, если кто-то выстрелит в него. Остановившись каждые минуту или две, он прислушивался к ночным звукам. Ухнула сова. Крошечное существо пробиралось сквозь заросли.

Сегодня ночью на Тэнглвуд Драйв тихо и спокойно. Но это не значит, что так будет и впредь.

Он закончил патрулировать окрестности и подошел к дому Ханны с тыла. Он считал его домом Ханны, независимо от того, жила она там или нет.

Из окна на кухне пробивался слабый свет. Надо будет это исправить.

Он снял затемняющие шторы со спален и повесил их на окна, выходящие на переднюю сторону, чтобы никто не мог узнать, живет ли в доме кто-нибудь.

Следы пересекали задний двор. Небольшая пара человеческих следов, а затем отпечатки гигантских лап.

Лиам улыбнулся. Отпечатки свежие. Ханна и Призрак здесь.

Глава 15

Лиам

День сорок пятый

Когда Лиам вошел в дом Призрак приветствовал его радостным гавканьем. Пес прижался мордой к ладони Лиам и несколько раз обнюхал ее, завиляв пушистым хвостом.

— Привет, парень, рад тебя видеть. — Еще больше он обрадовался Ханне, но не сказал об этом.

Он выключил фонарик и спрятал его в чехол на поясе, стряхивая снег с ботинок. Призрак последовал за ним через затемненную кухню в гостиную.

Ханна стояла на коленях у камина, у ее ног светился масляный фонарь. Она положила свежие поленья в очаг и разожгла огонь. От пылающего огня ее щеки порозовели, и она заправила волосы за уши. Смотрелась она эффектно.

С мягкой улыбкой Ханна подняла голову, ее глаза просияли.

— Прости. Я знала, что рано или поздно ты вернешься, и подумала, что оценишь теплый дом. Без огня становится так холодно.

— Да. — Он не мог не улыбнуться ей в ответ. — Это твой дом. Тебе не нужно оправдываться за то, что ты пришла.

— Ну, да, но он твой до тех пор, пока тебе это нужно. Я не должна была врывать.

— Тебе всегда здесь рады. Всегда.

Она опустила подбородок, вернула взгляд к огню и пошевелила поленья кочергой.

— Во сколько закончилась твоя смена?

— Не закончилась. Появился Рейносо и заставил меня сделать перерыв.

Снова эта понимающая улыбка.

— Я сомневалась, что ты вообще знаешь значение слова «перерыв».

— Рейносо сказал примерно то же самое. — Лиам окинул взглядом остальную часть гостиной. — Где Шарлотта?

— Молли сказала, что хочет посидеть с милым и послушным ребенком, а не с колючим и упрямым. Квинн решительно возражала, но это лишь сотрясение воздуха.

— Да, похоже на правду.

Ханна вытерла руки о джинсы, поднялась на ноги и повернулась к нему лицом.

— Призрак скучает. А мы давно с тобой не разговаривали. Я имею в виду, как раньше... — На этом она замолчала.

Она имела в виду наедине. После месяца, проведенного с человеком изо дня в день, ты хорошо его узнаешь. Ты привыкаешь к нему. Наслаждаешься им, хочешь, чтобы он постоянно присутствовал рядом.

В Фолл-Крике все обстояло иначе. Здесь всегда присутствовали другие люди. Тут был Ноа.

Они не оставались один на один с той ночи, проведенной вместе на качелях на крыльце. Той ночи, когда он хотел ее поцеловать. Черт, он хотел целовать ее каждый раз, когда видел.

Лиам прочистил горло и принялся расстегивать молнию на куртке и снимать верхнюю одежду. Отстегнул М4 и прислонил его к дивану в пределах досягаемости.

— Ты выглядишь усталым, — отметила она.

— Это из-за смены караула. Недостаточное количество людей для дежурства означает более длинные смены.

На самом деле его тренировали выдерживать экстремальные условия недосыпания. Однажды он провел две недели в режиме четырех часов сна за ночь. Не раз он проводил по восемьдесят четыре часа без сна. Галлюцинации начались примерно на четвертый день.

Долгие дежурства не вызывали у него проблем.

Ханна прищурилась и наклонила подбородок, изучая его.

— Это что-то другое. Тебя что-то беспокоит.

Лиам хотел отвернуться. Ханна умела видеть его насквозь. Это не так уж и плохо. В этом есть что-то особенное, когда тебя кто-то прекрасно знает. Это позволяло чувствовать себя не таким одиноким в этом мире.

Он пробурчал.

— Просто кошмары.

Это звучало так по-детски, и все же ночные кошмары представляли собой отвратительную смесь его худших страхов, ужаса и боли, пыток и сожаления.

Взрывы и стрельба в бою, предсмертные крики его братьев по оружию. В других случаях он бежал с прижатым к груди ребенком, спасаясь от монстров, которые настигали его по пятам.

Самолет, летящий с неба, безмолвная смерть, надвигающаяся на него, когда он сидел на корточках перед Линкольном, отчаянно пытаюсь поднять на ноги своего не реагирующего близнеца, освободить Джессу из разбитой машины, спасти их обоих.

Он так и не смог. Снова и снова он смотрел, как они умирают. Снова и снова чудовища настигали его и хватали ребенка в свои слюнявые челюсти.

Он просыпался внезапно, резко садился, мучительные крики эхом отдавались в ушах, в ноздрях стоял запах паленой плоти, руки были пусты.

Пустоту он ощущал особенно остро. Он чувствовал ее, как черную дыру, с ее собственным весом, с ее огромной тяжестью.

— Расскажи мне, — попросила Ханна.

Лиам присел на диван, не обращая внимания на ноющую боль в спине, и склонил голову. Между ними не осталось никаких секретов.

Он уже признался Ханне в самом страшном своем провале — как он потерял Линкольна и Джессу в одну ужасную ночь, как отдал своего младенца-племянника на руки незнакомым людям и ушел. Он бросил родителей Джессы и ребенка на произвол судьбы.

То, что она все еще принимала его, смотрела на него с состраданием и теплотой, а не осуждала — очень помогло Лиаму.

Но этого было мало. Он всем сердцем хотел, чтобы этого хватило, но сожаление и стыд по-прежнему преследовали его во сне и наяву.

Он любил маленькую Шарлотту Роуз, как собственного ребенка. Но каждый раз, когда смотрел на нее в этой кривой вязаной шапочке, он думал о своем племяннике.

Лиам был человеком дела, а не слов. Слова не могли исправить ситуацию, не могли компенсировать его ошибки. Прощение не принималось в расчет.

Он не хотел говорить об этом, даже с Ханной. Слишком больно.

— Дело в моей спине, — ответил он вместо этого. Не совсем правда, но и не ложь. — Из-за нее трудно нормально отдыхать.

На мгновение Ханна скептически посмотрела на него, собираясь сказать, что он пытается ее обмануть. Судя по выражению лица, она поняла, что он говорит ей не все, но не стала настаивать.

Она поджала губы.

— Я готова выслушать, когда ты захочешь рассказать о своих кошмарах. Что касается физической боли, что я могу сделать?

— Все не так плохо. Я могу справиться с этим.

— Да, заметно. Ты вздрагиваешь каждый раз, когда поворачиваешься в определенную сторону.

Лиам удивленно посмотрел на Ханну.

— Ты думаешь, что скрываешь это, но твой рот сжимается, когда тебе больно. Ты двигаешься по-другому. Я вижу это.

В очередной раз он поразился тому, насколько Ханна умна, и сколь пронизательна.

Большинство людей так много упускают. Пристрастившись к своим телефонам, они почти не видели того, что находилось прямо перед их лицом. Телефоны утратили свою актуальность, но большинство оставались такими же невнимательными, как и раньше, даже когда к ним подкрадывалась опасность.

Ханна другая. Она обращала внимание на все.

С его поврежденными дисками не требовалось многого, чтобы травмировать спину. С годами он выработал методы преодоления боли — он терся позвоночником о дверную коробку, чтобы диски встали на место, или сворачивался в клубок и катался взад-вперед по твердому полу. Обычно становилось легче. Помогало поддержание хорошей физической формы. Самым эффективным способом оставалась еще одна пара рук, но у него редко появлялась такая возможность.

В последний раз все случилось иначе. Когда он упал с насыпи и ударился позвоночником о ствол сосны, Лиам считал, что достиг конца пути и обречен замерзнуть насмерть в метель.

— У моего армейского приятеля возникла похожая проблема, — сказал он, не уверенный, стоит ли вообще говорить об этом. — Его жена делала стойки на руках на его спине. У тебя есть какие-нибудь акробатические навыки?

Ханна криво улыбнулась.

— Я была специалистом по музыке, таскающим футляр с гитарой через весь кампус, а не гимнасткой, делающей сальто на лужайке. Но я могу попробовать что-нибудь сделать.

Лиам попытался скрыть свой энтузиазм.

— Почему бы и нет? В любом случае стоит попробовать.

Глава 16

Лиам

День сорок пятый

Следующие двадцать минут Ханна ходила босиком по спине Лиам, пока он лежал на полу перед камином. Ее движения ослабляли скованность и облегчали боль. Она хорошо понимала, куда нажимать и надавливать пятками.

Призрак подхватил игру и принялся повторять за ней, лая от удовольствия, когда топтал ноги и зад Лиам. Пес был тяжел, как бык, его когти впивались в одежду Лиам, но он не жаловался.

Ханна предложила перебраться на диван, чтобы она могла сделать ему массаж. Лиам никак не мог от этого отказаться.

Поленья в камине трещали, свистели и оседали в углы. Маленькие языки пламени прыгали в дымоход и исчезали в воздухе.

Призрак подошел и сел у переднего окна. Просунув морду между затемненными шторами, он мог наблюдать за улицей.

Руки Ханны были сильными и гибкими. Она использовала костяшки пальцев, боковые стороны и ладонь раненой руки, чтобы надавливать на затекшие мышцы и зажатые диски. Правой рукой она массировала его поясницу, пока он наклонялся вперед, опираясь предплечьями на подлокотник дивана.

Лиам старался сосредоточиться на ее словах, а не на тепле, разливающимся по его спине и плечам от ее легкого прикосновения, или на всплеске тепла в животе.

— Сколько человек согласилось сражаться? — спросила Ханна.

— Не так много.

— Неужели они трусили?

— Большинство из них.

— Что на счет Альянса Общин? Разве они не обещали помочь, когда потребуется?

— Так сказал Мик Селлерс.

Ханна разминала его поясницу.

— Ты им не доверяешь.

— Нет.

— Ты никому не доверяешь, — с легким намеком на шутку произнесла она.

— Жизнь научила.

— Они нам нужны, даже если мы не можем доверять им до конца.

Она озвучила правду, с которой он предпочел бы не сталкиваться.

— Они гражданские.

— Может, они и не солдаты, но у них столько же причин презирать ополченцев, сколько и у нас. Это ставит их на нашу сторону по умолчанию. Они заинтересованы. У них есть причина. Что-то, во что стоит верить. А это уже немало значит.

Ханна права. Так и есть. Но он все равно им не доверял.

Она наклонилась ближе, ее дыхание коснулось его шеи, теплое и мягкое, едва щекочущее.

— Ты планируешь что-то сам.

В ее голосе не прозвучало ни обвинения, ни подозрения. Она произнесла это как утверждение, как факт, который уже знала, но высказала вслух, чтобы они оба имели одинаковое мнение.

Лиам хмыкнул, не комментируя.

— У меня есть несколько идей.

— Ты не можешь сделать это в одиночку. Их почти пятьдесят, и у них вдвое больше оружия. Ты всего лишь один человек.

— Посмотрим.

Ее костяшки пальцев впились в его позвоночник, ослабляя узел за узлом. Он расслабился под ее прикосновениями. Не самая лучшая его идея. Но как он мог отказаться.

— Тебе не обязательно разбираться с этим в одиночку, Лиам. Ты не один.

Иногда, Лиам переставал чувствовать себя одиноким, и случалось это чаще всего в присутствии Ханны.

Он решил взвалить это на себя, взять на себя ответственность за Фолл-Крик, тяжесть его клятвы легла огромным бременем. Все эти жизни в его руках. Все эти люди, зависящие от него.

Ханна отстранилась. Он повернулся, чтобы посмотреть на нее.

Спине стало легче. Он знал, что долго так не останется, но это не важно.

— Помогло. Спасибо.

— Конечно. Обращайся в любое время.

Она посмотрела на свою поврежденную руку, испытывая смущение. Лиам знал, что Ханна думает о ней как о «плохой» руке.

Он никогда не думал об этом так. Каждый дюйм ее тела для него прекрасен. Он хотел обнять ее. Притянуть в свои объятия, наклонить ее подбородок к своему и поцеловать так, как Ханна того заслуживала.

— Как там «Винтер Хейвен»? — спросил он, чтобы отвлечься — и потому что постоянно беспокоился о ее нахождении там.

Лиам не доверял Ноа в вопросах ее безопасности. Он вообще не доверял Ноа, ни в чем.

— Это как полицейское государство. На каждом углу солдаты. Все это оружие. Они смотрят на нас, как на чужаков, как на нарушителей, и им не терпится от нас избавиться.

— А сейчас ты возвращаешься.

Она не смотрела на него.

— Мне нужно. Я должна.

Она не сказала: «Я хочу». Это уже кое-что.

— Ты, Шарлотта и Майло не должны жить в «Винтер Хейвене». Это слишком опасно.

Ханна не спорила с ним. Но и не уступила.

— Сейчас все станет хуже. Когда я начну, всем станет хуже.

Они сидели бок о бок на диване, между ними оставалось всего двенадцать дюймов. Почти никакого пространства, и все же бесконечная пропасть, которую Лиам не мог преодолеть.

Она положила руки на колени.

— Я знаю.

— Но ты не можешь уйти, — закончил он за нее.

— У меня же Майло.

Он помолчал мгновение. Заметил, что она ничего не сказала о Ноа.

Ее челюсть напряглась.

— Это сложно. Даже если бы... даже если бы я могла...

— Мы могли бы забрать Майло тоже.

— Я точно знала, что ты так скажешь. Это не так просто — забрать кого-то физически, когда его сердце и преданность остались в другом месте. Он будет считать, что я краду его у отца. Он бы не понял. Если бы я забрала его, он бы возненавидел меня. Я бы этого не вынесла. — Ханна посмотрела на него, ее глаза блестели в свете камина, боль исказила ее черты. — Я могу вынести многое, Лиам. Но не это.

Его сердце болело за нее. Как бы он хотел, чтобы все имело только черный и белый цвет. Правильное и неправильное. Разумные вещи, с которыми он мог бы что-то сделать.

Реальная жизнь слишком запутанна и сложна.

— Все встанет на свои места. И скоро.

Она кивнула.

— Все получится грубо и жестоко. Обязательно кто-нибудь пострадает.

Она не дрогнула.

— Еще немного времени, Лиам. Дай мне немного времени.

Он подарил бы ей луну, если бы она попросила.

— Я сделаю все, что смогу.

Он не заговорил о Ноа. Ханна должна принять это решение сама. Он видел это в ее глазах — печаль, растущее разочарование. Она знала, кем был ее муж; кем он становился.

Поступки Ноа обрекают его на гибель. Лиам мог только попытаться защитить Ханну и Майло от неизбежных последствий.

— Мне пора идти. Шарлотта скоро снова проголодается. — Ханна поднялась на ноги и потянулась за курткой, лежащей на диване. Призрак вскочил на лапы и рысью направился к двери.

Она остановилась у входной двери, прикусив нижнюю губу.

— Я много думала о семье. Моей семье, моих родителях и моем брате Оливере. У Дейва Фарриса есть радиостанция с огромной вышкой. Он пригласил меня завтра утром, чтобы попробовать установить связь. — Она натянула шапку на уши и надела перчатки, избегая его взгляда. — Если захочешь прийти...

Любой предлог, чтобы увидеть ее снова.

— С удовольствием.

Ханна наградила его сияющей улыбкой.

Лиам не хотел, чтобы она уходила. Как только за ней закроется дверь, в доме снова станет пусто и одиноко. Но ему нужно заняться делом.

Фолл-Крик сам себя не спасет.

Глава 17

Розамонд

День сорок пятый

Розамонд сцепила пальцы на столе. Спина прямая, осанка идеальная, лопатки выровнены по невидимой струне.

Она поправила сколы лака на ногтях. От частого мытья у нее потрескались руки. Вчера вечером она целый час чистила, мыла и полировала свой стол. Каждый раз, когда ей попадалась шальная пылинка или пятнышко от пальца, она начинала процесс заново.

Выпятив подбородок, она уставилась через стол на беспокойного солдата средних лет из своего кабинета. Когда-то он был мужественным и мускулистым — борцом или даже культуристом, — но десятилетия не прошли даром. Седина покрыла его редеющие волосы. Его мускулистая грудь обвисла, превратившись в внушительный живот, который теперь обтягивала форма.

Он выглядел как человек, место которого за письменным столом, отдающий приказы, а не выполняющий их, наслаждающийся комфортом руководителя среднего звена, а не голодного молодого парня, работающего на улице в мороз.

И все же она наблюдала за ним из своих широких окон, когда он стоял на страже в конце ее подъездной дорожки, сгорбившись и дрожа, топая ногами, чтобы согреться, и ругаясь, когда его сигарета гасла на пронизывающем ветру.

Она узнала его имя — Лайл Томлин — и сама попросила его прийти после поздней ночной смены. Саттер рано отправился отдыхать. Она уверена, что он не вмешается и не узнает о ее маленькой ночной беседе.

Розамонд грациозно поднялась, обошла стол и подошла к барному столику, уставленному различными алкогольными напитками.

— Выбирай свой яд, Лайл.

— «Бакарди», если есть, — произнес он сквозь стучащие зубы. — Со льдом.

— Есть. — Она взяла лед из мини-холодильника и налила в хрустальные бокалы его напиток и один для себя. Она не хотела, чтобы он чувствовал себя неловко, выпивая в одиночестве. — Отличный выбор.

Розамонд протянула ему бокал, установив зрительный контакт и держа его, улыбнулась. Его зрачки расширились. Рот приоткрылся.

Она улыбнулась еще шире. Она не научилась обращаться с мужчинами. Он не сильно ее старше. В то время как Лайл позволил себе распуститься, она сохранила свою привлекательность.

Розамонд находила его лысеющую макушку и пивной живот отталкивающими, но умела скрывать свои эмоции. Она кокетливо улыбнулась, прежде чем вернуться к своему столу.

Откинувшись назад, она поднесла «Бакарди» к губам, наслаждаясь жжением, когда ром скользил по ее горлу.

— Я хотела узнать, как у тебя дела, Лайл.

Он посмотрел на нее, смущенный.

— Прекрасно, суперинтендант Синклер.

— Пожалуйста. Ведь мы с тобой одни. Называй меня Розамонд

Он кивнул.

— Розамонд.

— Периодически я спрашиваю мнение своих людей. Я хочу убедиться, что о тебе хорошо заботятся, что тебе комфортно, и что твои навыки и способности используются должным образом.

Он напрягся и бросил украдкой взгляд на дверь, как будто боялся, что его подслушают.

— Здесь больше никого нет, Лайл. Здесь только ты и я. То, что ты мне скажешь, останется в тайне. Я не буду делиться этим ни с кем, включая Саттера.

Лайл не расслабился. Ей следует действовать осторожно.

— Я удивилась его выбору Джеймса Лютера в качестве второго командира. Лютер кажется молодым и зеленым. Я бы выбрала кого-то с большим... опытом.

Лайл глотнул свой напиток.

— Уверен, у него есть на то причины.

— Не сомневаюсь, — вполголоса пробормотала Розамонд. Она встала и вернулась к бару. — Мне немного не хватило. Как насчет еще одного?

Она наполнила его бокал, стоя чуть ближе, чем нужно.

— Как тебе нравится «Винтер Хейвен»? — спросила она, как только влила в него третью, а затем и четвертую порцию.

Наконец Лайл расслабился. Она видела это по его позе, по тому, как он говорил, по тому, как все более непринужденно смотрел на нее, как его голодные глаза изучали ее тело.

Вместо того чтобы сесть за свой стол, она прислонилась к передней части, держа в руке бокал, узкая юбка-карандаш подчеркивала ее стройные формы. Розамонд никогда не вела себя слишком откровенно и непристойно, чтобы использовать вызывающую одежду для соблазнения мужчины. Ей это не требовалось.

Соблазнение — манипуляция — это все в воображении. В том, что вы не видели, в том, что вы не говорили.

— В «Винтер Хейвене» все хорошо, — сказал Лайл. — Все замечательно. С вашей стороны поселить нас там было очень щедро.

Розамонд покрутила лед в своем бокале. Она все еще пила второй, хотя не сомневалась,

что Лайл этого не понимает.

— Но?

Он сделал длинный глоток.

— Не хочу показаться неблагодарным, но моя жена, двое сыновей-подростков и я теснимся в одной спальне дома с шестью комнатами. Это... тяжело.

Она кивнула.

— Вам нужно уединение. И нужно личное пространство.

— Было бы неплохо. Моя семья привыкла к определенному образу жизни. Я готов к вынужденным лишениям, но для них это слишком болезненно.

— Я уверена. Нам всем придется приспособливаться. — Она опустила свободную руку в карман юбки и достала пачку сигарет «Лаки».

— Ты куришь? — спросила она, уже зная ответ.

Его глаза загорелись. Он протянул жадную руку, но поймал себя на этом.

— Да, курю. Правда, сигареты все труднее и труднее достать.

— Мне жаль, что это не твоя любимая марка...

— Нет, нет, все в порядке. Все в порядке. — Он выхватил у нее сигарету, зажал ее между пальцами и стал копаться в верхнем отвороте куртки в поисках зажигалки. — Саттер их забирает. Мы должны сдать все, что найдем.

Именно она приказала Саттеру заготовить сигарами, сигаретами и всем, что связано с табаком. Пройдет немного времени, и они станут для бартера более ценными, чем золото. Отдавать их наемным работникам означало пустую трату ресурсов.

Она не сказала ему об этом.

Вместо этого Розамонд сочувственно хмыкнула.

— Вы много работаете. Несколько сигарет в день — не слишком большая плата за это.

Он зажег сигарету.

— И не говори.

Она ждала, пока он с наслаждением предавался своему пороку, с приятной полуулыбкой на лице. Кусочки пепла падали на пышный, нетронутый ковер. Она чуть не задохнулась от дыма.

Розамонд презирала курение. Она не терпела грязную привычку Гэвина. Он никогда не курил эти отвратительные гвоздичные сигареты в ее доме или в ее присутствии.

подавив рвотный рефлекс, она заставила себя расслабиться. Пора приступать к делу. Ей нужен определенный товар — этот тупоголовый дурак мог его достать.

— Я верна тем, кто верен мне, Лайл. И щедро вознаграждаю тех, кто доказывает свою ценность.

Он затаился.

— Все что угодно. Только скажи.

— Мне нужен работающий спутниковый телефон.

— Саттер упоминал что-то об этом на прошлой неделе. Если попросить его...

— Я не хочу его просить. На самом деле, я бы предпочла, чтобы он ничего об этом не знал.

Она не отрывала глаз от его лица, следя за любым микровыражением, мелькнувшим колебанием, сомнением или обманом. Розамонд не увидела ничего, только жадность, амбиции, недовольство.

Лайл усмехнулся. Голодный взгляд человека, который хотел получить больше, чем

заслуживал.

— Я готов взяться за это.

Она постучала по своему бокалу ухоженным пальцем и сохранила спокойное выражение лица, скрывая ликование. Она правильно его оценила.

Несмотря на недавние неудачи, несмотря на потери, несмотря на подозрения, что близкие ей люди не заслуживают доверия, она все равно окажется на высоте.

В ней росло сомнение. Маттиас Саттер приходился ей двоюродным братом, но Розамонд не сомневалась, что если он подведет, то она его прогонит. Она думала, что пятьдесят вооруженных людей смогут контролировать этот город, но видимо недооценила своего противника. Пусть она не обладала совершенством, но умела приспособливаться.

Ополчение решило одну проблему. Новая проблема — Лиам Коулман и ему подобные — оказалась более серьезной и сложной.

У Розамонд созрел план, но он не исключал риска. До сих пор она неохотно обращалась к своим ресурсам. Союзник, более могущественный, чем она сама, таил в себе опасность.

Но если она потеряет «Винтер Хейвен», все будет напрасно.

Она не могла потерять «Винтер Хейвен».

Лайл докурил сигарету и опустил ее в бокал. Огонек погас.

— Достань мне этот спутниковый телефон, и я позабочусь о том, чтобы ты и твоя семья ни в чем не нуждались. Собственный дом в «Винтер Хейвене» для начала звучит достаточно неплохо?

Его глаза-бусинки сверкнули.

— Абсолютно.

— Чем скорее, тем лучше, Лайл.

Закончив их дело, она решила избавиться от него поскорее. Розамонд выпрямилась, поставила наполовину наполненный бокал на чистый стол и направилась к двери.

— Приятного вечера.

Разочарование отразилось на его лице.

Она заставила себя кокетливо улыбнуться, скрывая свое отвращение.

— Передавай привет своей жене от меня.

Лайл ушел, не сказав больше ни слова. Он явно не настолько глуп или пьян, чтобы не распознать отказ.

Розамонд повернулась к окну. Яркий свет внутри отражался от стекла, заслоняя ночной пейзаж снаружи.

Она смотрела на свое отражение, поглаживая белокурый локон. Ее дыхание затуманило стекло. Розамонд потрогала морщинки под глазами и нахмурилась.

Ее снедала досада. Ей нужно избавиться от отвратительного запаха дыма с обивки мебели, вымыть ковер шампунем и продезинфицировать комнату.

Она скучала по ежедневной уборке. Какая-нибудь местная женщина, находящаяся на грани голодной смерти, согласилась бы сделать это за банку бобов. Может быть, даже меньше.

Но Розамонд не могла доверить ни одной из них свой дом, где они будут рыться в ее вещах, трогать все грязными, немывтыми руками, видеть то, что им не следует видеть, слышать то, что им не следует слышать.

Нет. Она не могла никому доверять. Без своих сыновей она осталась совсем одна.

Глава 18

Лиам

День сорок шестой

— Рад, что вы смогли приехать! — Дейв Фаррис сердечно пожал руки Ханне и Лиаму. К своим шестидесяти с небольшим годам Дейв имел обветренное лицо, добрые глаза и обзавелся сединой на висках.

Он владел пятнадцатью акрами земли в сельской местности и гостиницей «Фолл Крик». Как члену совета, суперинтендант выделила ему один из домов в «Винтер Хейвен», который потом отняла во время «великой чистки», как выразилась Квинн.

Теперь в «Винтер Хейвене» остались только ополченцы, их семьи и верные приспешники Розамонд Синклер. И Ханна.

— Следуйте за мной в мою скромную обитель.

Они зашагали по вытопанной дорожке к дому. Лиам быстро поднялся на холм. Его спина чувствовала себя намного лучше, чем за последние недели, если не годы. Ханна сотворила чудо.

— Как дела в гостинице, Дейв? — спросила Ханна.

С тех пор как в гостинице заработал генератор, Дейв принял более сорока семей, не имеющих каминов или дровяных печей для отопления своих домов, и все это за свой счет. Они помогали в уборке и содержании гостиницы, но не могли ему заплатить.

— Мы ограничили подачу электроэнергии только для отопления, — поделился Дейв. — И держим низкую температуру в восемнадцать градусов, чтобы сэкономить как можно больше энергии. Никакого света. Люди пользуются фонариками на батарейках и солнечных батареях и походными фонарями. Водопровод работает, но вода ледяная. Даже с таким количеством ограничений, топливо закончится максимум через четыре-пять дней.

— Я слышал, у ополченцев его еще много, — заметил Лиам.

— Да, но у них всего в избытке. И они не делятся. Больше не делятся.

Четыре-пять дней. Этим семьям совсем некуда податься. Без топлива для генератора они замерзнут до смерти.

Еще одна причина уничтожить ополченцев — и поскорее.

Ханна похлопала Дейва по руке.

— Это правильно, то, что вы делаете. Приютить людей, хотя вы совершенно не обязаны этого делать. Топлива хватило бы надолго, если бы вы приберегли его для себя.

Дейв пожал плечами, покраснев от смущения.

— Мои родители меня так воспитали. Соседи обязаны помогать друг другу. Нужно заботиться о тех, кто в этом нуждается. Похоже во мне говорит католик. Это либо самый глупый, либо самый лучший поступок в моей жизни. Я еще не решил.

Губы Ханны дрогнули.

— Я знаю, какой.

Лиам держал свои мысли при себе. Если выживание — единственная забота человека, то делиться ресурсами — по любой причине, для кого угодно — означает неверный шаг. Глупый, недалекновидный и нелепый.

И все же. Он уважал человека, который ставил других на первое место, даже ценой значительных потерь для себя.

Дейв Фаррис не был солдатом, но это не делало его менее мужественным. По-своему он походил на овчарку. Именно они стояли между волками и овцами, ставили себя на кон

первыми, держали оборону до конца и делали это без раздумий всегда.

Они прошли мимо двух сараев и постройки из жердей. Ярко-красный кардинал пролетел через двор и сел на кормушку для птиц на фоне белоснежного пейзажа. Небо окрасилось в цвет приглушенного серого тумана, стелющегося между деревьями.

Ханна указала на заснеженные арки.

— Что вы выращивали?

— Немного винограда, но он все время вянет на лозе. У меня есть несколько вишневых деревьев, а летом мы выращиваем спаржу, салат-латук и помидоры. Семья Стовер выращивает клубнику, персики и яблоки. У Хэдли, Крогер-Майеров и Моррисонов есть коровы, козы и куры. Чак Уоллес владеет винодельней и тридцатью акрами виноградников. У нас повсюду виноград. Повезло, что эта земля пригодна для виноделия, — сказал Дейв. — Как долго человек может прожить на винограде?

— Столько, сколько нужно, — проворчал Лиам. — Лучше, чем питаться личинками или сосать камни.

— Так и есть.

— В первую очередь нам нужно связаться с фермерами, — предложила Ханна. — Мы можем создать кооператив. У них не будет своей уборочной и посадочной техники, но у нас есть город, полный людей, готовых работать каждый день, чтобы поставить на стол несколько блюд для своих семей.

— У нас есть машины, — откликнулся Дейв. — Все, что имеет дизельный двигатель, может работать на альтернативном топливе. Нам нужно рассмотреть возможность производства биодизеля — или найти того, кто сможет это делать. Начните с Доминик Вест в Сент-Джо. Она раньше занималась реконструкцией Гражданской войны. Эта девушка знает кузнечное дело, сварку и гонит самогон вместе со своим братом. Я хочу, чтобы она приготовила немного, чтобы продавать в гостинице.

— Отличная идея, — одобрила Ханна, в ее голосе слышался энтузиазм. — Значит, у нас будут тракторы. И мы сможем использовать дизельные грузовики для поездок, как только погода потеплеет. Думаю, стоит расширить маленький торговый склад Молли, чтобы охватить не только Фолл-Крик, но и окрестных фермеров и близлежащие города. Рыбаки и охотники смогут обменивать свое мясо на молоко, яйца, фрукты и овощи или необходимые услуги, например, стрижки.

Дейв провел рукой по своим отросшим, слишком длинным волосам.

— Мне нравится ход твоих мыслей. До сих пор люди думали о малом. О себе, своих семьях. О своей улице, если у них есть соседи-единомышленники. Весь этот проклятый снег держит нас порознь, в изоляции. Но нам нужно мыслить шире.

— В Найлсе есть хорошее место — молодежный волонтерский центр. Или как насчет ярмарочной площади округа Берриен? У них есть все эти огромные белые строения, где люди могли бы поставить ларьки и столы. И он расположен в центре города Ороноко.

Дейв хлопнул в ладоши.

— Идеально!

Лиам не мог оторвать взгляд от Ханны. Ее глаза светились энергией, вдохновением и надеждой. Она вымоталась, ухаживая за малюткой, но ее усталость, казалось, исчезла.

Она охотно кивнула, подпрыгивая на носочках.

— Это потребует огромных усилий, но у нас все получится. Мы можем выжить здесь. На самом деле выжить.

Ниточка надежды зашевелилась в груди Лиама. Если послушать их разговор, казалось, что это может сработать. Несмотря на все трудности, несмотря на хаос и врагов, таящихся за воротами, они создадут что-то стоящее. Что-то хорошее.

В глубине души он хотел этого так же сильно, как и они. Он не мог пока произнести это вслух. Все еще оставалось слишком хрупким. Слишком легко сломать.

— Я встречусь с Молли, и мы договоримся о времени, — предложила Ханна. — Давайте посетим фермеров и начнем планировать. Пусть это не очень много, но это начало.

Дейв усмехнулся.

— Я в деле. Только скажи.

— По-прежнему остается ополчение, — напомнил Лиам. — Вы видели, что они сделали с продовольственной кладовой Бишопа. Они не хотят конкуренции.

— Мы начнем с малого, — пообещала Ханна. — И будем осторожны.

Лиам хмыкнул, неубежденный.

Они дошли до дома, и Дейв провел их к кабинету, пристроенному к задней стороне гаража. Он показал жестом на огромную антенну, возвышающуюся на сорок футов в серое небо.

— Вот где происходит волшебство!

Они вошли в кабинет Дейва — большую комнату, заставленную полками с оборудованием — радиоприемниками и трансиверами, сканерами, двусторонними портативными устройствами, несколькими настольными компьютерами и узлами силовых кабелей. На заднем плане гудел небольшой генератор.

В помещении было прохладно, но не холодно. Ханна расстегнула куртку, сняла перчатки и шапку.

Лиам остался у двери, держа М4 в руке, чтобы наблюдать через окно, выходящее на юг, за дверью и восточным окном.

— Большое спасибо вам за это, Дейв, — произнесла Ханна.

— Я хочу быть полезным, понимаешь? Мое тело стареет и начинает болеть. Этот зверский холод заставляет мои суставы чувствовать себя как сосульки, которые вот-вот треснут.

Ханна улыбнулась.

— Тем не менее, вы хорошо выглядите.

Щеки Дейва зарумянились.

— Ничто так не красит день, как комплимент от красивой женщины. — Он устроился в удобном игровом кресле. — Теперь скажи мне, кого мы ищем.

— Мои родители живут на тридцати акрах земли недалеко от Бреворта в Южном округе, — ответила Ханна. — У них нет радиоприемника, но есть у их соседа, Стэнли Барнса. Он живет на этой дороге уже сорок лет. Если он все еще там... если мои родители и Оливер все еще там...

Дейв сделал несколько пометок на листке бумаги рядом с микрофоном.

— Понятно. Это уже что-то. Мы можем поработать с этим. Хотя поиск может занять некоторое время. У меня есть контакт в Траверс-Сити и еще один на острове Макинак. Операторы помогают друг другу. Мы вытащим иголку из стога сена. На данный момент я нашел пятьдесят друзей и членов семьи. Люди не могут добраться друг до друга, но услышать знакомый голос, узнать, что они в безопасности, — это очень важно.

Ханна кивнула, ее глаза блестели. Она прикусила нижнюю губу, словно пытаюсь не

заплакать. Отвернувшись, она тайком вытерла глаза.

У Лиам защемило в груди: тоска по утрате Ханны и по его собственной. Его близнец, Линкольн, и его невестка, Джесса, умерли меньше двух месяцев назад.

Время растягивалось, как аккордеон. Шесть недель назад планета все еще вращалась, как и всегда. Лиам жил отшельником, работая на своем приусадебном участке в северном Мичигане, одинокий и замкнутый. Он отвернулся от всего мира.

Потребовался крах всего и смерть самых близких и дорогих людей, чтобы он с воплями и пинками вернулся на землю живых.

Если бы только он очнулся раньше.

Лиам оторвал взгляд от Ханны и потер подбородок, его борода уже колола пальцы. Невосполнимая утрата пробила дыру в центре его сердца. Она никогда не заживет полностью, но боль уменьшалась. Каждый день становилась немного меньше, чем накануне.

Из-за Ханны. Из-за Шарлотты, Майло и Призрака.

Линкольн и Джесса значили для него все. Когда они умерли, Лиам думал, что потерял самое главное — все, что когда-либо могло иметь значение.

Как же он ошибался.

Он проглотил комок, сгустившийся в горле.

— Как идут дела во внешнем мире?

Дейв пожал плечами.

— Кто знает? Все официальные каналы только повторяют одну и ту же чушь о чрезвычайном положении и направлениях в региональные центры агентства по чрезвычайным ситуациям для получения «временного» убежища. Временного? Ага, конечно. Правительство держит нас всех в неведении. Слухи и пустословие заполняют эфир.

— Кто-то говорит, что это ближневосточные террористы напали на нас, и что мы нанесли ядерный удар по Ирану и уничтожили половину их страны. Кто-то утверждает, что Ближний Восток стерт с лица земли, а Россия угрожает ударить по нам своей пятидесяти мегатонной боеголовкой в отместку. Другие заявляют, что слышали о том, что Китай захватил часть Калифорнии и планирует превратить США в крепостных рабов. Или что у Ирана были «подпольные ячейки» в нашем собственном правительстве, и теперь они заставляют государственных чиновников выступать против граждан.

— Ничего себе, — прокомментировала Ханна.

— В информационном вакууме все цепляются за слухи, как за слово самого Бога, я думаю. Кругом сумасшествие. Города и поселки опустошены. Трупы валяются на улицах. Маленькие дети и старики замерзают в своих домах. Соседи вынуждены воровать и грабить друг друга, чтобы прокормить своих голодных детей. Тысячи погибших. Десятки тысяч. Возможно, мы никогда не узнаем, скольких потеряли. Сорок процентов контактов, с которыми я ежедневно связывался два месяца назад, теперь пропали без вести.

Лицо Ханны побледнело. Лиам догадывался, как там все плохо, но услышать это вслух оказалось отрезвляющим.

— В некоторых местах, особенно в сельской местности, все правительство как будто исчезло. Но в Нью-Йорке, Бостоне и округе Колумбия действует военное положение. Беспорядки настолько сильны, что люди сидят в своих домах, а если они покинут их, то будут оштрафованы на огромную сумму. Миллионы людей покинули свои районы и отправились в лагеря федерального агентства по чрезвычайным ситуациям. Эти лагеря похожи на огромные города, как я слышал, и такие же депрессивные, как ад. Все

регулируется, тысячи безнадежных и напуганных людей теснятся вместе. Я уверен, что они — спасательный круг для тех, кому некуда идти. Но для меня это был бы последний вариант.

— Для меня тоже, — отозвалась Ханна.

— Я слышал несколько тревожных сообщений о столкновениях между Национальной гвардией и крупными бандами в Иллинойсе. Они захватывают города и контролируют ресурсы.

— Подобно тому, что делает ополчение? — предположила Ханна.

— В гораздо большем масштабе. «Банда», наверное, не совсем верное слово. Больше похоже на мафию. Или картель. Они вышли из Чикаго, где консолидировали свои силы, распространяются и претендуют на территорию. Один из моих знакомых сообщил, что у них есть оружие военного образца, например, пулеметы М2 Браунинг 50-го калибра, легкие пулеметы и даже ракеты, запускаемые с плеча.

Лиам и Ханна обменялись тревожными взглядами. На их фоне ополченцы выглядели как дети, играющие с палками и камнями.

Чикаго находился всего в двух часах езды от Фолл-Крика на автомобиле, маршрут длиной около ста миль огибал озеро Мичиган на юге, проходя через северные районы Индианы, прежде чем попасть в южный Мичиган.

Лиам знал. Он проделал весь этот нелегкий путь после побега из Чикаго. Родители Джессы направлялись в Тасколу, крошечный городок амишей в округе Дуглас. Его грызло беспокойство. В безопасности ли они? Или оказались на пути этой новой угрозы?

— Держите нас в курсе событий, ладно? — попросил он.

— Конечно.

— А хорошие новости есть? — спросила Ханна.

Дейв поджал губы.

— Ну, оператор подтвердил слух, который я слышал несколько раз. Недалеко отсюда расположилось подразделение Национальной гвардии. Они уже несколько недель дислоцируются на атомной электростанции Кука в Стивенсвилле.

Лиам хорошо помнил географию, основываясь на своих картах Мичигана. Стивенсвилл был небольшим городком на берегу озера Мичиган, примерно в четырнадцати милях к северо-западу от Фолл-Крика.

— Там стоит большая цистерна с дизельным топливом, чтобы поддерживать работу аварийных генераторов. Станция успешно завершила аварийную остановку, но генераторы питают систему охлаждения бассейна отработанного топлива. Это очень важно. Важнейшие работники припарковали свои автофургоны на стоянке и привезли свои семьи в кампус. Национальная гвардия охраняет топливо и инженеров, обеспечивая их запасами продовольствия и материалов. Похоже, правительство достаточно заботится о том, чтобы попытаться избежать расплавления ядерного ядра.

— Как будто нам не хватает еще и беспокойства о выпадении радиации вдобавок ко всему остальному. — Ханна покачала головой. — Я не подумала о том, что ЭМИ может повлиять на ядерные реакторы.

Дейв усмехнулся.

— С другой стороны, ядерные станции могут быть генераторами энергии, которые перезапустятся быстрее всего. Может быть, мы вернем энергию первыми.

— Хорошо, что по крайней мере поблизости есть Национальная гвардия, — заметила Ханна.

— Я надеюсь на это, но может и нет. — Дейв стал серьезным. — Мой приятель, чей брат заседает в Лансинге, сказал, что правительства штатов — то, что от них осталось — настроены друг против друга. Ресурсов не хватает, и никто не хочет делиться. Некоторые отзывают Национальную гвардию для защиты собственных границ, включая Иллинойс и Мичиган.

Ханна вздохнула.

— Отлично. Мало того, что правительство нас не поддерживает, так они еще и могут стать угрозой.

— В том-то и дело, — заявил Лиам. — Все хотят то, что есть у нас. Все.

Глава 19

Квинн

День сорок седьмой

Квинн ехала по центральной улице на «Оранж Джулиусе», оранжевом «Форде F150» 1978 года, принадлежавшем ее дедушке. У нее не было прав. К счастью, это уже не имело значения.

Ярко светило солнце. Взрослые шли по заснеженным тротуарам, ссутулив плечи, прижимая к телу сумки и детей.

Их лица были мрачными, головы опущены, как у побитых собак, приготовившихся к следующему удару. Они бросали косые взгляды на фальшивых солдат, которые расплодились на каждом углу, как поганки.

Несколько детей крутились вокруг, они выглядели грязными и голодными. Их маленькие лица совсем исхудали. Несколько детей держали картонные таблички или шли за взрослыми с протянутой рукой, прося еды. Но ни у кого не находилось ничего лишнего.

Квинн потрясенно смотрела на происходящее. Она прочитала сотню апокалиптических и антиутопических романов. Но это же просто книги.

Даже если ты знал, что это произойдет, даже если ожидал подобных последствий, все равно видеть это своими глазами ужасно. Люди умирали от голода в Фолл-Крике. Дети.

Ее грудь сдавило, желудок болезненно сжался. На завтрак она съела сытную овсянку и бабушкины консервированные персики. А что ели эти дети? Несколько крекеров, если повезет?

Ей нужно срочно поговорить с бабушкой. Они должны что-то сделать. Но что? Они не могли накормить весь город. Все их запасы закончатся через несколько недель. Тогда они все умрут с голоду.

Но она все равно не могла просто смотреть, как угасают люди, которых она знала — тем более маленькие дети.

Прошло всего шесть недель. Что будет еще через месяц? Если Фолл-Крик не сможет пережить зиму... она не хотела об этом думать.

Они справятся. Они должны.

Придет весна, и обильные урожаи юго-западного Мичигана прорастут из плодородной земли. Фолл-Крик окружали сады, виноградники и сельскохозяйственные угодья: виноград, вишни, яблоки, спаржа, клубника, черника, малина, кукуруза; список можно долго продолжать.

У бабушки полно семян салата, огурцов, кабачков, картофеля, помидоров и еще дюжины съедобных продуктов, которые они могли выращивать, собирать и консервировать.

Вода не станет серьезной проблемой. Мичиган может похвастаться одной из самых длинных пресноводных береговых линий в мире. Человек никогда не находился более чем в шести милях от источника пресной воды. В озерах и реках водилось много рыбы, хотя подолгом ее трудно добыть.

В конце этого темного туннеля есть свет. Им нужно лишь освободиться от ополченцев и пережить зиму.

«Оранж Джулиус» трясся и дребезжал, двигатель тарахтел, бензобак совсем опустел.

Бензоколонка обслуживала только ополченцев, полицию и Розамонд. Они не делились. Насколько Квинн слышала, у них тоже почти закончился бензин.

Это ее последняя поездка на автомобиле. Отныне транспорт состоял из снегоходов и квадроциклов, пока не закончится топливо и для них. Тогда люди станут передвигаться пешком или на велосипедах.

Чтобы увеличить сцепление с дорогой в слякоть, снег и лед, она прикрепила к колесам велосипеда застежки-липучки. По одной на каждую спицу, с разъемами по внешнему краю, чтобы помочь им сцепляться при поворотах. Это сработало, но она все равно предпочла бы водить машину.

Во время перерыва в бесконечном списке дел Квинн связалась по рации с Бишопом, который сообщил ей, что Лиам только что уехал в хозяйственный магазин. Первый месяц магазин не работал, но недавно его владелица, Коринна Маршалл, открыла его снова, выдавая ограниченные по сумме покупки.

Ополченцев, похоже, интересовали только продукты и медикаменты, и они оставили магазин в покое. Город тоже.

Кроме хозяйственного магазина, работала и мастерская механика, где Тина Ганди и Джамал Дункан чинили любую электронику, какую могли, в обмен на товары и туалетные принадлежности.

Некоторым людям нечем было торговать. Тина и Джамал помогали им в обмен на написанную от руки расписку о будущей услуге.

Люди приходили и в парикмахерскую Трессы. Без электричества для обогрева, электробритв или выпрямителей клиенты стриглись в куртках и перчатках. Ополченцы не связывались с ней. Им тоже нужно было стричься. То же самое относилось и к барбершопу.

В церкви Кроссвей Бишоп возобновил службы. Квинн не собиралась больше заходить в это здание, как бы сильно ей ни нравился пастор.

Бишоп сказал, что людям нужно во что-то верить, за что-то держаться. Чем хуже становилось положение, тем важнее для людей была вера. Возможно, он и прав, но это не изменило ее мнения.

Квинн припарковалась вдоль обочины. Группа мальчишек-подростков, столпившихся перед парикмахерской, с жадностью смотрела на грузовик.

Она приветливо улыбнулась им. Большинство из них нахмурились, но один усмехнулся и ответил ей улыбкой.

Его звали Джонас Маршалл. Его родители владели хозяйственным магазином. Он учился в старшей школе Фолл-Крика, в те времена, когда учеба еще оставалась чем-то важным.

Полузащитник в футбольной команде, он вышагивал по коридору, как будто владел им, один из тех супер-спортсменов, которые достигли пика в восемнадцать лет и так и не смогли его преодолеть. Красивый, высокий и стройный, с осветленными волосами, которые

падали на его голубые глаза.

Без футбола и чирлидерш Квинн понятия не имела, чем он занимается, чтобы скоротать время. Очевидно, бездельничает.

Квинн оставила свой 22-й калибр лежать на пассажирском сиденье. Она охотилась почти каждый день и вчера принесла домой трех кроликов. К сожалению, закончились и патроны. Теперь она планировала купить их на следующем торговом мероприятии у бабушки.

Она выпрыгнула из грузовика, заперла дверь и положила ключи в карман. Очередь в общественный распределительный центр тянулась по улице и заворачивала за угол. Люди выглядели еще более жалкими, чем раньше.

Сколько человек из черного списка вообще не могли получить еду? По слухам, ополченцы пополняли список ежедневно.

Не так уж и много для этого требовалось. Если ты хоть раз не так посмотрел на ополченцев, они тебя отсекали от продовольствия.

— Классная тачка! — крикнул ей вслед один из гуляющих мальчишек. — Не хочешь прокатиться со мной?

Двое ополченцев на другой стороне улицы уставились на Квинн, положив руки на свои полуавтоматы. Ее пульс участился. В обычной ситуации она бы сразу же прокричала оскорбление в ответ, но теперь понимала, что лучше не привлекать к себе внимания.

Она стиснула зубы, повернулась спиной к мальчишкам и ополченцам и поспешила в хозяйственный магазин.

Серый дневной свет струился сквозь грязные, немые окна. Дальше в глубине магазина между рядами строительных материалов, ручных инструментов и сантехники клубились неясные тени. Квинн сморщила нос. В воздухе пахло краской и немые телами.

Она нашла Лиам в окружении гвоздей, болтов и шурупов. Казалось, он занимал весь проход своей внушительной фигурой. Высокий, широкоплечий и красивый, с грубыми и суровыми чертами лица под каштановой бородой. Каждый его сантиметр излучал силу, уверенность и мощь.

Он рассматривал коробку с длинными толстыми гвоздями, похожими на шипы. Их длина должно быть составляет не менее шести дюймов. Лиам, вероятно, мог согнуть их голыми руками.

Квинн прислонилась к ближайшей полке.

— Эй, Росомаха. Спорим, ты сможешь построить из них нехилый домик на дереве?

Он взглянул на нее, уголки его рта дернулись.

— Что-то вроде того.

Если ей удастся заставить этого мрачного солдата улыбнуться, Квинн будет считать это большой победой.

— У тебя найдется несколько минут, чтобы поболтать после похода по магазинам?

— Только несколько.

Квинн подождала, пока Лиам собирал свои запасы: гвозди, несколько пильных дисков, мотки тонкой проволоки, ПВХ и медные трубы, и прочую мелочь.

Она набрала горсть гаек, болтов и барашковых гаек и взвесила их на ладони. Из них можно сделать несколько сверхмощных боеприпасов. Вес и острые края сделают дыры в любой мишени.

Для охоты они не подойдут, но для самообороны — в самый раз. Можно будет назвать их «костедробилками».

Рогатки работали с самыми разными патронами, даже со снарядами странной формы. Перед началом катастрофы она смотрела на Ютубе видео о создании различных боеприпасов. Рогатка могла стрелять чем угодно.

Квинн выбрала один из длинных шестидюймовых гвоздей и осмотрела его. Рукотворные флешетты, или дротики, тоже можно применять с большим эффектом.

Она могла расплющить кончик достаточно большим молотком. У дедушки имелась точилка для ножей, которую он хранил вместе со своими инструментами. У нее не было шлифовального станка, но она могла сделать заостренный наконечник достаточно плоским и острым, чтобы он напоминал стрелу и с легкостью разрывал плоть.

Скотчем можно имитировать оперение дротика. Могут подойти и нитки паракорда. Но ей нужно чем-то прикрепить флешетту к скотчу. Возможно, она могла бы приклеить кабельную стяжку на дюйм или два выше острия или использовать барашковую гайку.

Она придумает. Рогатка не могла сбить крупную добычу, когда она делает эти флешетты, все изменится.

После того, как Квинн определилась с выбором, она заплатила за свои товары двумя банками томатного супа «Кэмпбелл» и парой самодельных грелок для рук.

Лиам заплатил за свои покупки наличными. Коринна Маршалл, которая стояла у прилавка, приняла их, неодобрительно нахмурившись.

— Скоро мы сможем только подтирать задницы бумажными деньгами, если они уже не потеряли свою ценность.

— Эй, туалетная бумага не бесполезна, — воскликнул мужчина в очереди позади них. — Я бы сейчас отдал свой телевизор с большим экраном за рулон такой бумаги.

Коринна устало улыбнулась и помахала ему купюрами. Ее одежда была помята и висела на ее худом теле. Она выглядела так, будто похудела на двадцать фунтов с тех пор, как Квинн видела ее в последний раз.

— Ну что, хотите поменяться?

Лиам расстегнул молнию на рюкзаке, достал из него прочный полиэтиленовый пакет, сложил покупки и повесил его на плечо. Квинн последовала за ним по пятам, когда он вышел из хозяйственного магазина.

Снаружи кто-то вскрикнул.

Лиам резко остановился. Она чуть не врезалась в него.

Ее кровь застыла в тревоге. Что-то происходило. И это не сулило ничего хорошего.

Сердце забилося, Квинн попыталась обойти Лиама, но он оттеснил ее назад одной рукой. Она выглянула из-за его спины.

Шесть липовых солдат собрались на углу через дорогу. Они донимали группу подростков. Или подростки донимали их, трудно сказать.

Кто бы это ни начал, ополченцы страшно разозлились. Один из них так сильно толкнул одного парня, что тот споткнулся и упал. Его затылок с глухим стуком ударился о грязный асфальт.

— Эй! — крикнул Джонас Маршалл. — Оставьте его в покое!

Упавший мальчишка застонал. Он сел, осторожно потрогал затылок и уставился на свои окровавленные пальцы. Медленно попытался встать на ноги, один из его друзей помог ему подняться.

— Вы просто бандиты в модной униформе! — Джонас сплюнул, встав прямо перед лицом одного из фальшивых солдат. — Да пошли вы! Пошли вы все!

— Что ты сказал? — возмущенно проговорил мужчина с бандольером на груди. Его длинное, лошадиное лицо окрасилось в ярко-красный цвет. С усмешкой он толкнул Джонаса. — Ты мне угрожаешь?

Джонас попятился назад на несколько футов. На секунду показалось, что он отступит. Вместо этого он достал из сумки на боку пустую стеклянную бутылку и швырнул ее в ополченца.

Бутылка ударила мужчину в грудь и упала на снег, не разбившись.

Квинн прежде не слишком жаловала Джонаса Маршалла, но с каждой секундой ее восхищение росло.

Еще двое подростков подхватили снежки и бросили их в ополченцев, выкрикивая оскорбления.

— Мы должны привлечь их на нашу сторону, — прошептала Квинн. — Пригласить их сражаться вместе с нами.

Лиам покачал головой.

— Люди, которые громче всех кричат и встают в позу, часто оказываются самыми большими трусами. Посмотрим, когда начнется настоящая битва. Эти парни спрячутся за мамкины юбки.

Квинн скрыла свое удивление. В отличие от всех остальных, парни выступали против ополчения и не боялись выражать это.

— Ты действительно думаешь, что они бросятся бежать? Они не выглядят испуганными.

— Думаю. Они просто недостаточно напуганы. Нам нужно уходить, пока мы еще можем.

Шестеро ополченцев выстроились в линию и сомкнули ряды. Одна из них — невысокая, коренастая женщина — включила рацию и запросила немедленное подкрепление. Остальные подняли оружие и направили его на парней.

— Назад! — крикнул Бандольер. — Двигайтесь! Быстро!

— Довольно! — крикнул другой. — Мы откроем огонь, малолетние сосунки!

Тревога сковала грудь Квинн. Ситуация стремительно ухудшалась. Где же копы? И где, черт возьми, Ноа, когда он так нужен?

— Мы должны что-то сделать.

— Нет, не должны. — Лиам протащил ее под навесом хозяйственного магазина и толкнул за каменную колонну.

Квинн знала, что Лиам не мог позволить себе больше внимания со стороны ополчения. Он и так уже оказался под прицелом. Как бы ей ни хотелось вмешаться, она не собиралась ухудшать его положение.

— Хватит, Вик! — Один из липовых солдат шагнул вперед и махнул рукой остальным. — Не стоит никого убивать, если это возможно. — Он осмотрел главную улицу с опаской. — Не здесь.

Квинн узнала его. Джеймс Лютер. Тот самый сердобольный, который ограбил бабушку почти полностью и вел себя так, будто заслужил награду за то, что отговорил Десото от убийства девочки-подростка — сразу после того, как Десото убил трех человек.

Лютер считал себя хорошим парнем. Это делало его большим кретином, чем все они вместе взятые. Он такой же опасный. Он мог извиниться, приставив пистолет к вашей

голове, но все равно нажал бы на курок.

Квинн стиснула челюсти. Ее охватил гнев. Она ненавидела его почти так же, как ненавидела Десото. Почти так же сильно, как ненавидела Розамонд Синклер.

Почти.

Трое подростков не отступали. Они подняли еще больше глыб льда.

Несколько человек наблюдали за перепалкой через окна хозяйственного магазина. На другой стороне улицы дверь парикмахерской открылась, и оттуда вышли двое мужчин. Парикмахер все еще держал ножницы; крем для бритья покрывал лицо другого мужчины.

— Оставьте их в покое! — крикнул парикмахер.

Мужчина с кремом для бритья оказался Робертом Винсоном, местным аптекарем. Он нагнулся и поднял охотничье ружье, которое, должно быть, лежало у входной двери.

— Не трогайте этих парней!

Взгляд Лютера метнулся к растущей аудитории, и он заметно напрягся.

— У нас же оружие! — закричал Вик. — Прделаем в них несколько дырок, и они быстро успокоятся.

— Они просто дети! — возмущённо воскликнула женщина на другой стороне улицы.

— У нас есть приказ, Вик, — заявил Лютер.

Еще два ненастоящих солдата обогнули угол в тридцати ярдах вверх по улице. Они подняли оружие и перешли на бег.

Пульс Квинн учащенно бился. Она сунула руку в карман, отодвинула в сторону грелку и сомкнула пальцы на рукоятке рогатки.

На всякий случай.

Глава 20

Квинн

День сорок седьмой

Все произошло очень быстро.

Джонас шагнул вперед и запустил снежок, покрытый ледяной коркой. Ком попал Вику в лицо. Струйка крови покатила из пореза на щеке.

Подростки закричали. Половина толпы присоединилась к ним. Другая половина хранила гробовое молчание, отступая назад, словно пытаясь поскорее спрятаться.

С невнятным ругательством Вик стер с лица окровавленные кристаллы льда. Он шагнул на дорогу с поднятым оружием.

— Ты умрешь за это, сопляк!

Глаза Джонаса расширились. Он нерешительно шагнул назад и споткнулся о заснеженный бордюр.

Джонас упал на спину. Вик навис над ним, дуло его АК-47 оказалось в футе от груди Джонаса, палец лежал на спусковом крючке. Его глаза смотрели жестко, лицо искажалось в отвращении и презрении.

— Мы должны истребить всех вас, паразиты, причем прямо сейчас!

Женщина закричала.

Страх пронзил Квинн, острый и холодный. Ее голова гудела от помех, рот словно наполнился ватой.

— Не стрелять! — крикнул Лютер, но Вик уже не слушал.

— Отставить! — приказал Лютер.

— Черта с два! Этот мелкий кусок дерьма сдохнет прямо сейчас...

Квинн даже не почувствовала, как Лиам пошевелился. В одну секунду он стоял рядом с ней. В следующую уже присел за толстой каменной колонной, подпирающей металлический навес. Он направил дуло своего «Глока» за угол колонны и прицелился в Вика.

Выстрел расколол воздух.

Вик зашатался. Выронив оружие, он схватился обеими руками за левое плечо. Кровь хлынула сквозь пальцы в перчатках.

— Мой следующий выстрел пробьет дыру в его черепе, — твердо объявил Лиам. — Опустите оружие.

Выругавшись, Лютер обернулся.

— Коулман? Это ты?

Вик опустил на задницу посреди улицы. Его лицо побелело.

— Меня подстрелили! Этот псих только что выстрелил в меня!

Два липовых солдата — худой парень с козлиной бородкой, и молодая латиноамериканка — повернулись в сторону Лиамы, держа оружие наготове, их лица выражали ярость.

Женщина прыгнула с бордюра и уклонилась влево, чтобы обойти Лиаму и зайти ему с фланга.

Сердце Квинн затрепетало в груди. Все вокруг стало как в тумане: паника, адреналин, ужас. Одна мысль пробилась сквозь страх — она должна помочь Лиаму.

Дрожащими пальцами она выхватила из кармана рогатку и развернулась лицом к надвигающейся угрозе, натягивая ремешки до упора в щеку. Она наклонила вилку под углом сорок пять градусов, зажав пальцами шарик патрона в чехле.

Женщина находилась в двадцати футах, мужчина — чуть дальше. Оба легкие мишени. Она сотни раз стреляла по бумажным целям на заднем дворе. Бумажные мишени — не люди.

У нее не осталось времени на колебания или сомнения. Она добила максимальной длины оттяжки и выстрелила.

Стальной шар диаметром три восьмых дюйма понесся к женщине со скоростью двести футов в секунду. Он попал ей прямо в лоб.

Женщина покачнулась, уронив винтовку.

Квинн быстро вложила еще один патрон в чехол, прицелилась и послала его во второго ополченца, который только что повернул голову, удивленно глядя на свою напарницу.

Стальной шар с глухим стуком врезался ему в ухо. Он вскрикнул и зажал ухо одной рукой, его AR-15 покачнулся. Он неуверенно шагнул и упал.

Если повезет, она разорвала его барабанную перепонку и нарушила нормальное равновесие — навсегда.

Два ополченца быстро выстрелили в каменную колонну. Бум-бум! Бум-бум! Выстрелы взорвались, как раскаты грома. Куски камня разлетелись во все стороны.

Пронзительные крики раскололи воздух. Многие пригнулись. Другие побежали в укрытие.

Квинн упала навзничь. Все еще держа рогатку, она прижалась к земле. Снег попал ей на лицо, волосы, ресницы. В ушах звенело, сердце бешено колотилось.

Шум стоял оглушительный. Пуля пронеслась мимо, так близко, что рассекла воздух над ее головой. Ее охватила паника. Лиам стрелял в ответ или аптекарь присоединился? Невозможно понять, откуда летят пули.

— Стоп! — заорал Лютер, перекрывая какофонию. — Не стреляйте! Это приказ!

Каким-то чудом люди Лютера услышали его. Они прекратили огонь. Эхо выстрелов громко отдавалось во внезапно наступившей тишине. Прошли долгие секунды, воздух потрескивал от напряжения.

Квинн велела своему телу двигаться. Сначала оно отказывалось. Она заставила себя поднять голову, оперлась на локти и подтянула к щеке еще один патрон.

Женщина опустила на бордюр, ощупывая фиолетовую шишку на лбу размером с яйцо. Худой парень выглядел ошеломленным. Он неуверенно прислонился к фонарному столбу.

— Я не прикончил ни одного из твоих людей! — крикнул Лиам из-за колонны. — А следовало бы.

Лежа на спине посреди улицы, Джонас пятился назад на локтях, хныча, как маленький ребенок, кровь Вика забрызгала его лицо и одежду.

— Хватит! — На противоположной стороне дороги Дейв Фаррис вышел на улицу, держа в обеих руках по пистолету. Он стоял в тридцати футах от них, перпендикулярно ополченцам.

Лиам, Роберт Винсон и Дейв окружили ополченцев с трех сторон.

— Если вы не хотите увеличить количество раненых, я предлагаю вам уйти, — произнес Дейв. — Ребята усвоили урок. Мы позаботимся о том, чтобы они его не забыли.

Аптекарь жестом показал на свое охотничье ружье.

— Вы слышали его. Один из ваших истекает кровью. В средней школе есть медбрат. Он сможет помочь вашим людям, даже истекающему кровью, если поторопитесь. У вас мало времени.

Лиам не стал ничего говорить. Но Квинн чувствовала, что внимание ополченцев приковано к нему. Он вызывал у них наибольшее опасение.

Лютер выругался и опустил оружие.

— Мы здесь закончили.

Никто не двигался. Ни горожане, ни ополченцы.

Квинн не дышала, ее сердце гулко стучало в ушах. Все висело на волоске. Они должны либо уйти, либо открыть огонь и уничтожить всех на своем пути.

— Я сказал, мы закончили! — прокричал Лютер. — Этот солдат спас меня, Кеслер и Хоагина. Никто не стреляет в него. Есть проблемы? Решайте их с Саттером. Уходим!

Остальные недовольно заворчали, но подчинились. Они помогли трем раненым ополченцам подняться на ноги и направились к своим снегоходам и квадроциклам.

— Заберите отсюда этого парня, — прорычал Лиам.

Двое друзей Джонаса бросились вперед, схватили его и помогли ему встать на ноги. Коринна Маршалл, находившаяся внутри хозяйственного магазина, выскочила наружу и отвела их назад к тротуару. Она заслонила их своим телом, как могла. К ней присоединился еще один мужчина.

Ополченка бросила убийственный взгляд на Квинн, багровая шишка на ее лбу походила на огромный третий глаз.

— В следующий раз, когда я тебя увижу...

Квинн с трудом поднялась, ее ноги превратились в желе. Дрожащими руками она смахнула грязный снег со своих брюк и куртки, не сводя глаз с женщины.

— С нетерпением буду ждать.

Глава 21

Квинн

День сорок седьмой

Лютер и его головорезы с ревом уехали на своих снегоходах. На центральной улице воцарилась жуткая тишина. Люди настороженно смотрели друг на друга, все еще пытаясь понять, что, черт возьми, только что произошло.

Квинн чувствовала себя ошеломленной, потрясенной, в ушах все еще звенело от выстрелов. Все произошло так быстро. Она перевела дыхание, усилием воли заставляя себя успокоиться.

Лиам вышел из-за каменной колонны и бросил благодарный взгляд на двух мужчин, которые пришли к ним на помощь.

Дейв Фаррис и Роберт Винсон кивнули.

Аптекарь покачал головой.

— Спасибо, что спас одного из наших глупых детей. Но тебе лучше быть осторожнее. Они этого не забудут.

— Я тоже не забуду, — пробурчал Лиам.

— Может, теперь удастся побриться? — Винсон повернулся на пятках и направился обратно в парикмахерскую с винтовкой, перекинутой через плечо. Парикмахер последовал за ним.

Все скрылись в тени. Маршаллы и подростки-хулиганы отступили к хозяйственному магазину. Дейв направился к своему грузовику. Через несколько секунд центральная улица опустела.

— Ты в порядке? — спросил ее Лиам.

— Нормально. — Она чуть не обмочилась, но не собиралась говорить ему об этом. Вместо этого Квинн предложила подвезти его обратно на Тэнглвуд-Драйв. Но когда она попыталась завести «Оранж Джулиус», он заглох.

От досады у нее заклокотало в груди. Что за дерьмо. Она не сомневалась, что у нее в баке достаточно паров, чтобы вернуться домой.

Квинн с трудом удержалась от желания пнуть колесо. Это был дедушкин грузовик. Она любила это старое шаткое чудовище так же, как и он.

— Я принесу канистру бензина, — сказал Лиам.

— Откуда? Ни у кого ничего не осталось.

— У Бишопы есть немного. Нам нужно вернуть этот грузовик в твой дом. Он слишком ценен, чтобы оставлять его здесь. Я провожу тебя домой, а потом мы с Бишопом отгоним его.

Она вздрогнула от намека на то, что ей нужна нянька. Но Квинн все еще хотела поговорить с Лиамом. Прогулка до дома даст ей такую возможность.

— Хорошо. Как скажешь.

Он перекинул объемистый пакет через плечо, снял пистолет с предохранителя и зашагал к мосту. Она пристроилась рядом с ним. Ее ноги все еще дрожали, ладони были влажными, дыхание поверхностным.

Лиам постоянно оглядывался и вертел головой из стороны в сторону.

— Ищешь снежного человека? — спросила Квинн, сохраняя легкость в голосе.

— Никогда не знаешь. Лучше быть готовым ко всему. Всегда держи под контролем окружающую обстановку. Это называется ситуационная осведомленность.

Она запрятала этот маленький совет в уголок своего мозга. Этот человек был кладезем тактических навыков и навыков выживания. Квинн хотела знать все, что знал Лиам, и даже больше.

— Ты все время странно смотришь на меня, — произнес он, глядя прямо перед собой.

— И что? Может быть, ты смешно выглядишь?

— Разве твоя мама никогда не говорила тебе, что вести себя так невежливо?

— Вообще-то, меня вырастили волки.

Лиам ухмыльнулся.

— Это многое объясняет.

— Спасибо.

Они шли несколько минут в тишине, пока не оставили позади центральную улицу и не свернули в переулок, засаженный деревьями.

Через каждые несколько сотен футов Лиам останавливался, чтобы перепроверить их маршрут. Квинн ждала в тени деревьев, пока он не возвращался, и они шли дальше.

Она радовалась, что он рядом. Разборка у хозяйственного магазина ее напугала. Как быстро все произошло. Как беспомощно и испуганно она себя чувствовала. Квинн ненавидела подобные ощущения.

— У тебя что-то на уме? — спросил он. — Вопрос?

— Рада, что ты спросил. У меня миллион вопросов.

— Начни с одного.

— Ты сказал мне не вмешиваться.

— И?

— А потом сам ввязался.

— Эти правила ко мне не относятся.

— Ну, конечно. Это полная ерунда.

Он пожал плечами.

— Так... почему?

— Тебе не понравится мой ответ.

— И все-таки?

— Вик собирался убить этого парня. Я видел это в его глазах. Из ситуации, которую я мог игнорировать, она превратилась в ситуацию, которую невозможно не замечать. Я решил не оставлять ее без внимания.

— Джонас поступил глупо. Они все дураки.

— Да, это так. В наши дни и-за глупости тебя могут убить. Помни об этом.

Она пнула ногой сугроб и обдумала свои слова, пытаясь подобрать их правильно. Как бы она ни сказала, получалось глупо. К черту. Она просто должна это сказать.

— Я хочу, чтобы ты научил меня сражаться.

— Это не вопрос.

— Ты будешь меня тренировать?

Лиам замер, подняв руку, и они оба замолчали. Он прислушивался целую минуту, медленно поворачиваясь по кругу, изучая обстановку.

Деревья колыхались под дуновением ветра. Птицы чирикали и щебетали. С ветвей деревьев падал снег.

Несколько домов стояли в стороне от дороги. На улице никого не было. Ничто не двигалось.

Он показал, что все чисто, и они снова пошли.

— Я могу научить тебя самообороне, как я учил Ханну.

— Я хочу сражаться, — заявила Квинн. — Не так, как эти глупые мальчишки. Не стеклянными бутылками, снежками и рогатками, а по-настоящему.

— Разве тебе не шестнадцать?

— Ну и что? В Гражданскую войну воевали ребята и младше.

Он сузил глаза.

— Это были мальчишки. Ты — девочка.

— Я не понимаю, как пара сисек может негативно повлиять на мою способность нажать на курок. Если ты беспокоишься о силе, то я сильная. И смогу стать сильнее.

Лиам замолчал на минуту. Их ботинки хрустели по снегу.

— Ты слишком молода.

— Я достаточно взрослая.

— Это слишком рискованно.

Она вскинула руки в отчаянии.

— Если ты не заметил, в наши дни посещение хозяйственного магазина — это опасная для жизни миссия. Я могу это делать. Я хочу это делать. Я не боюсь.

— А стоило бы.

— Ладно, хорошо. — Квинн колебалась долю секунды. — Мне страшно. Я боюсь. Не разве не все напуганы? Только дураки и политики не боятся войны. Но это не мешает мне сражаться. Я могу сражаться несмотря на страх. Я это делала.

Она взглянула на прореху в его левом ухе, напоминающую о клинке Десото. Ее грудь сжалась при воспоминании о его толстых пальцах, обхвативших ее горло, о болезненном, сильном давлении, о ее бешеных мыслях, становящихся все более плотными и темными.

Ее пульс участился.

— В сарае я не была готова. Я не подготовилась. Я не знала, как помешать им причинить мне боль. Но я хочу. Я знаю, как охотиться. С моей рогаткой я могу попасть в яблочко девять раз из десяти со ста футов.

— Ты хорошо стреляешь из рогатки. Признаю.

— Этого недостаточно. Я должна стать лучше. Я хочу сражаться за Фолл-Крик. За бабушку, Майло и всех остальных, кто не может бороться за себя. Я должна.

Лиам остановился и повернулся, чтобы посмотреть на нее, с каменным выражением лица. Он выглядел таким жестким и твердым, в нем совсем не ощущалось желания уступить.

— Нет.

У Квинн свело живот. Она встретила его взгляд, не дрогнув.

— Почему нет?

— Я не буду обучать тебя боевым приемам. Пока тебе не исполнится восемнадцать. Может быть, и после этого не стану.

Квинн возмутилась:

— Это чушь, и ты это знаешь!

— Я не могу нести за тебя ответственность.

— Ты не несешь!

— Именно. — Лиам уставился на нее, стиснув челюсти, его взгляд оставался непреклонным. — Слушай, если тебе нужна самооборона, я могу помочь. Но ты не пойдешь в бой со мной или с кем-то еще. Ты еще чертовски молода.

Она вздернула подбородок.

— Я изменю твое мнение, вот увидишь.

— Сомневаюсь.

Разочарование скрутило ее внутренности. Квинн подавила его. Она ни за что не сдастся.

Она упрямо посмотрела на Лиама.

— Посмотрим.

Глава 22

Ханна

День сорок восьмой

— Это отличная идея, — заявила Ханна.

Молли светилась от гордости.

— Хотела бы я сказать, что она моя. Черт, давайте просто притворимся, что это так.

Ханна, Майло и Квинн смотрели, как Молли устанавливает солнечный светильник на потолке сарая.

В сарае отсутствовало электричество, и в нем стояла темнота, если только не открыть дверь, которая впускала ветер, снег и холод. Чтобы хоть что-то увидеть, даже днем требовался фонарь или лампа.

Светильник представлял собой не лампочку, а пластиковую двухлитровую бутылку из-под пива, наполненную водой и небольшим количеством отбеливателя, чтобы внутри бутылки не образовывались водоросли.

Бишоп пропилил небольшое отверстие в крыше, засунул бутылку наполовину в отверстие и заклеил открытые края. Солнечный свет проникал через верхнюю часть бутылки, преломлялся в воде и освещал всю комнату. Получилось весьма оригинальное изделие.

Молли решила сама залезть на лестницу и доделать остальное, поэтому Ханна настояла на том, чтобы поддерживать лестницу и присутствовать на всякий случай.

Майло держал ручной фонарик, пока Квинн складывала свежесрубленные дрова. Шарлотта только что проснулась от своего позднего утреннего сна. Пристегнутая к переноске, она гулила и посапывала себе под нос.

Пока Молли работала, Квинн болтала. Она рассказала им о хозяйственном магазине, о том, как Лиам и несколько горожан предотвратили ужасное насилие.

— Дела принимают плохой оборот, — отметила Ханна.

— И не только с фальшивыми солдатами, — сказала Квинн. — Ты бы видела этих детей, бабуля. Как будто здесь, в Мичигане, находится страна третьего мира. Никак не забуду выражения их лиц. Их глаза словно погасли — в них не осталось ничего, кроме голода.

— Я полагаю, что США станут похожи на Румынию в девяностые годы, — прокомментировала бабушка. — Я помню те репортажи. Тысячи бездомных сирот бродят по улицам, занимаются воровством, продают себя, попрошайничают — все, что угодно, лишь бы поесть. Их родители не справлялись. Или они не могли прокормить своих детей и были вынуждены бросать одних, чтобы спасти других. Старших выкидывали из гнезда, чтобы они выживали сами. Те, кто смог выжить, объединялись в банды.

Квинн ужаснулась.

— Прямо как в романе «Повелитель мух», но только в реальной жизни.

— Это происходит, пока мы говорим. Семьи голодают в своих домах, и никто не обращает на это внимания. Некому задокументировать это или что-то сделать.

Квинн хмыкнула и навалила еще одну охапку дров на кучу. Она рассеянно потеряла кольцо на губе.

— Мы можем попытаться. Мы должны как-то помочь.

— Ты не можешь спасти весь мир, девочка, — пробурчала Молли.

— И это говоришь ты! Не забывай, что я знаю обо всех этих тайных пожертвованиях в продовольственную кладовую Бишопа. Я даже доставила некоторые из них. Хорошая попытка, бабуля.

Молли, не отвечая, закончила заделывать края бутылки.

— Половина Фолл-Крика в черном списке. Я разговаривала с Кэролайн Литтон с соседней улицы. Они уже неделю не получали еды. Мы могли бы им помочь.

— И у нас самих запасы закончатся через недели, а не через годы. Или же мы даем еду соседям по доброте душевной, раскрывая тем самым все, что у нас есть. Когда наши соседи впадут в отчаяние, они придут и украдут наши припасы, или еще хуже.

Квинн нахмурилась.

— Я знаю, знаю. Ты предупреждала меня сотни раз. Я не глупая. Я поняла.

— Тем не менее наблюдать за происходящим крайне тяжело, — сказала Ханна.

Квинн бросила на нее благодарный взгляд.

— Мы могли бы снова сделать это через Бишопа. Он заслуживает доверия. Мы могли бы доставить ему еду ночью, тайно, а он мог бы привезти ее в город. Никто не должен знать, что это от нас.

Молли спускалась по лестнице, покачиваясь на каждом шагу. Ханна попыталась помочь ей, но старуха только отмахнулась.

Нахмурившись, она повернулась лицом к внучке.

— Отлично. Ты выиграла. Но только один раз. И только если Бишоп скроет, что это от нас.

— Договорились! — воскликнул Майло.

Молли положила руки на бедра и уставилась на солнечную лампу. Яркий свет заливал сарай. Неплохо для пластиковой бутылки, зажатой в крыше.

— Пятьдесят пять ватт энергии от солнца, бесплатно, — удовлетворенно отметила она.

— Так просто, но так умно, — добавила Ханна. — Люди могут использовать это и в своих домах. В ваннных комнатах, прачечных, коридорах, в любом помещении, где нет окон или естественного света. Все, что помогает экономить батареи или топливо, очень ценно.

Молли кивнула.

— По правде говоря, я взяла эту идею из книги по выживанию на той электронной книжке, которую Квинн до сих пор не прочитала.

Квинн нахмурилась и потащила в сарай еще одну охапку дров, свалив расколотые поленья в кучу высотой по грудь.

— Если ты не заметила, я занята.

Молли прищелкнула языком.

— Я не буду рядом вечно, девочка. Только знания помогут тебе пройти через это.

Квинн нахмурилась еще больше.

— Пожалуйста. Мы все знаем, что ты собираешься жить до ста двадцати лет только для того, чтобы продолжать мучить меня.

Молли лукаво усмехнулась.

— Признаюсь, это мое самое заветное желание.

— Я бы хотела почитать ваши книги по выживанию, — проговорила Ханна. — Нам нужно многому научиться. Людям тоже будет интересно.

— Хорошая мысль, — согласилась Молли. — Я больше склоняюсь к обмену информацией, чем припасами. Чем больше люди знают, тем больше они могут себе помочь.

— У меня много писчей бумаги, — предложил Майло. — Мы можем разрезать ее, как карточки, и написать инструкции. А потом выдавать их в день торговли.

Квинн закатила глаза.

— Это займет целую вечность и еще один день. Где копировальный аппарат, когда он нужен?

— Хорошо, что твои руки работают так же бойко, как и рот, — проворчала Молли.

— Я точно заполучу судороги рук.

Майло потянул ее за рукав куртки.

— Пожалуйста? Это будет весело. Мы сможем слушать «Неу Jude» и «Yellow Submarine», пока будем работать!

— Неужели тебе никогда не хотелось послушать что-нибудь кроме «Битлз»? Как насчет Элвиса?

— Как насчет «Queen»? — Майло начал громко, с энтузиазмом исполнять «We Are the Champions».

Квинн зажала уши руками в притворном ужасе.

— Только не это! Ладно, ладно, твоя взяла. Давай дадим бедной бабуле немного покоя. Когда ты крутишься рядом, она точно рада, что уже плохо слышит.

— Я еще не оглохла, юная леди! — прошипела Молли.

Майло вытащил Квинн из сарая, напевая «...мы будем бороться до конца» во всю мощь своих легких.

— Прими свои лекарства! — крикнула Ханна.

Майло махнул рукой в знак согласия, глядя на Квинн с полным обожанием. Всему, что она говорила, он верил. Все, что она делала, он тоже хотел делать.

Большинство подростков расстроились бы из-за необходимости постоянно возиться с ним, но только не Квинн. Она относилась к нему с нежностью, как к любимому брату. В ответ Майло расцвел под ее заботой и вниманием.

Сердце Ханны разрывалось от благодарности. К Квинн. К Молли, Бишопу, Рейносу и Пересу, Аннет и Дейву. Ко всем хорошим людям в этом маленьком городке, которые так стараются выкарабкаться из этой ситуации — если это вообще возможно.

Глава 23

Ханна

День сорок восьмой

— Квинн — умница, — сказала Ханна. — Вы должны ей гордиться.

Молли поджала губы.

— Я не наивна. С такой матерью, как у нее, большинство детей оказались бы на каталке, со следами от уколов на руках или порезами на запястьях. Но не эта девочка. Квинн такая, какая она есть, вопреки своему воспитанию, а не благодаря ему. Она проложила свой собственный путь. Эта девчонка — настоящая бунтарка.

— Согласна.

— Если бы только можно было сохранить их юность. — Молли вздохнула и вытерла руки о джинсы. — Я знаю, чего хочет Квинн. Это написано на ее лице каждый раз, когда она смотрит на Лиама.

— Она хочет быть похожей на него.

— Она хочет быть им. Она хочет стать солдатом, воином. Она обязательно обратится к нему, если уже не сделала это.

Квинн была молода, но чертовски умна, и сурова. Судя по тому, что рассказали ей Ноа и Молли, она уже пережила столько травм, что хватило бы на несколько жизней. И все же она выдержала все это с достоинством и духом.

Ханна прикусила нижнюю губу.

— Что вы об этом думаете?

— До катастрофы мы пытались защитить наших детей, оградить их от всего уродливого, что творится снаружи. Но это происходило не только снаружи, но и здесь. — Молли постучала себя по груди. — Это живет в каждом из нас, постоянно. Прежде, до краха, мы питали ложные надежды. А сейчас? Говорим, что мы защищаем их, не давая возможности улучшить мир? Не позволяем найти свой собственный путь? Это не помогает им. Мы делаем это, чтобы почувствовать себя лучше. А не для них.

Ханна удивленно свела брови. В словах Молли имелся какой-то мрачный смысл. Родители по природе своей стремятся как можно больше оградить своего ребенка. Черт, какая-то часть ее души не хотела больше выпускать Майло или Шарлотту из поля зрения.

Но жизнь, достойная жизни, требует риска. Иначе ты оказывался заперт в клетке собственного творения, как собака, слишком сломленная, чтобы заметить, что дверь клетки широко открыта.

Уж в чем-чем, а в клетках Ханна разбиралась.

Молли вздохнула.

— Нам следует проверить, как там дети. Наверняка они дремлют рядом с этой твоей огромной собакой.

Поморщившись, она потянулась за своей тростью, прислоненной к дровянику. Ханна взяла «Моссберг» и спрятала его под мышку. Она вышла вслед за Молли из сарая, закрыла двери и обеими руками заперла висячий замок.

Ханна непрерывно работала над укреплением своей больной руки и к ней уже вернулась подвижность. Она могла сгибать свои деформированные пальцы вокруг рукоятки ножа и переносить или держать большинство предметов.

Используя ладонь или боковую сторону руки в качестве стабилизатора, Ханна использовала большой и указательный пальцы для выполнения большей части работы — одевания Шарлотты, помешивания тушеного мяса, приготовления кофе, разведения огня, перелистывания страниц книги.

Они пробирались по снегу к дому. Молли шурилась от солнца.

— Как женщина женщине, если ты замолвишь словечко за мою внучку, я буду тебе очень благодарна.

— Я могу попытаться. Но Лиам — сам себе хозяин.

Она протянула Молли руку, хотя достаточно хорошо знала эту старуху, чтобы ожидать язвительного отказа.

Молли отмахнулась от нее.

— Все же предупреди его. Если Квинн начнет, то уже не отстанет. Она упряма, как мул. Ханна криво улыбнулась.

— Ему это понравится. Лиам любит упрямых женщин.

Молли рассмеялась.

— Ха! Даже без очков я могу распознать это за милю. Он немного заостенел в своих взглядах, верно?

— Его подход обычно оказывается правильным.

Молли поджала губы.

— М-м-м х-м-м.

— Он знает свое дело.

— Не сомневаюсь.

Тепло разлилось по горлу Ханны.

— Он хороший человек. Это все, что я хочу сказать.

Молли хитро ухмыльнулась.

— Я все еще замужем, — пробурчала Ханна.

— Я тоже. Но это никогда не мешало мне ценить противоположный пол. Все равно что восхищаться произведением искусства. А этот Лиам Коулман — чертовски прекрасное произведение искусства.

Ханна пыталась и не смогла скрыть свой румянец.

— Просто говорю, — усмехнулась Молли. — Я многое замечаю.

Они вошли в дом через заднюю дверь, стряхнули снег с ботинок и сняли куртки. На кухне было тепло и уютно, в дровяной печи пылал огонь.

На кухонном столе лежали листы бумаги и цветные карандаши, а также открытая банка арахисового масла с торчащей сверху ложкой — полдник Майло.

Дети перешли в гостиную, чтобы поиграть с Призраком и кошками, прежде чем сесть за работу над своим проектом. Тор и Один ползали по ним, выпрашивая внимания. Локи устроился на животе Квинн, Валькирия сидела у их ног, деликатно вылизывая переднюю лапу. Хель, злая, как обычно, отдыхала на вершине холодильника, осматривая свои владения.

Молли выдвинула кухонный стул и села. Она прислонила трость к ноге и сложила руки на столе. Ханна устроилась напротив нее.

Молли пристально смотрела на Ханну. Ее взгляд прожигал Ханну, пока та не сдалась и не подняла глаза.

— Не стоит.

— Все меняется, дорогая. Люди меняются. И часто не в лучшую сторону.

— Я знаю.

— Есть два типа людей. Те, кто преодолевают трудности, когда наступают тяжелые времена, и те, кто не справляются. Иногда люди не становятся сильнее. Они поддаются своему страху и слабости и превращаются в нечто другое, в нечто худшее.

Глаза Ханны обожгло. Она опустила взгляд на стол и уставилась на изношенные деревянные доски, крошечные вмятины и потертости от многолетних семейных ужинов. Ее взгляд переместился на экстренный рюкзак Майло, лежащий рядом с банкой арахисового масла.

Ханна знала, что имела в виду Молли. Она говорила о Ноа. О Ноа, который изменился стал слабым и опасным. То, что человек не делает, определяет его так же сильно, как и то, что он сделал.

— Ты не обязана такому человеку, дорогая.

— Даже если это кто-то важный для меня?

— Даже тогда, — негромко ответила Молли. — Даже если это кто-то, кого ты любишь.

Ханна повернулась и посмотрела на Майло. Он устроился рядом с Квинн на полу в гостиной, разделив наушники айпода. Их головы прижались к мягкому животу Призрака, пока большой пир шумно храпел.

У Ханны защемило в груди — не за себя, а за то, что ее маленькая семья развалилась на куски, не успев собраться воедино. Ее сердце шептало правду, которую она знала, но еще не могла произнести вслух.

Глава 24

Ханна

День сорок восьмой

Когда Ханна и дети вернулись в «Винтер Хейвен», уже стемнело.

Она оставила Призрака с Лиамом на ночь. Ей очень не хотелось этого делать, но в «Винтер Хейвене» она не могла даже выпустить его на улицу, чтобы он сделал свои дела, не опасаясь, что ополченцы причинят ему вред.

Призрак не из тех собак, которых можно держать взаперти. Он рожден для того, чтобы гулять на свежем воздухе, чтобы бродить по открытым пространствам и защищать свою стаю.

Как и она, он провел годы на цепи, в заточении, в ловушке. Она не хотела больше никогда его запирасть.

Ханна вошла в дом, открыв его ключом, и прошла внутрь, полусонный Майло прижимался к ней.

Она поставила переноску с ребенком перед диваном. Шарлотта зашевелилась, и она осторожно покачала ее. В доме было тепло, повсюду горел свет.

Ноа разжигал огонь в камине. Он обнял Майло. Ханну он не обнимал. Она и не просила.

Они поели у Молли. Ханна проследила, чтобы Майло переоделся в пижаму, почистил зубы и спела несколько песен. Ноа заглянул в спальню, чтобы пожелать сыну спокойной ночи.

Через пять минут Майло уже спал. Ханна вернулась в гостиную, чтобы проведать Шарлотту. Ноа ждал ее.

— Майло не должен гулять так поздно, — проговорил Ноа, с упреком в голосе. — Это опасно.

Чувство вины укололо Ханну. Она не собиралась возвращаться домой после наступления темноты.

— Мы были у Молли. Бишоп нас подвез.

Она стянула перчатки, осторожно, чтобы не задеть больную руку, и сложила их в карманы. Расстегнула молнию, но не стала снимать куртку.

— На блокпосте в «Винтер Хейвен» охранники сказали, что жителям разрешено находиться только внутри периметра общины.

Один из ополченцев — Лютер — позволил Бишопу высадить ее у дома. Тем не менее, он ясно дал понять, что это больше не повторится.

— Они приняли решение сегодня, — резко бросил Ноа.

— Значит... Квинн больше не сможет навещать Майло?

Ноа посмотрел на нее, потом в сторону. Его рот сжался.

— Это для безопасности всех. Фолл-Крик сейчас слишком нестабилен. Как только все уляжется, мы проведем переоценку.

— И как долго, по твоему мнению, это будет продолжаться?

Он пожал плечами и ничего не ответил. Ноа похудел за те недели, что прошли с момента ее возвращения. Его скулы стали острее. Тени под глазами приобрели глубокий, синюшный оттенок. Цвет лица стал серым, как будто он болен.

Он повернулся к ней лицом.

— Я хотел поговорить с тобой об этом. Вам больше небезопасно уходить отсюда.

— О чем ты?

— О «Винтер Хейвен». Слишком опасно постоянно мотаться туда-сюда. Горожане близки к бунту. Вчера они напали на нескольких ополченцев. Парней, которые просто пытались поддерживать порядок. Ты в курсе?

— Насколько я понимаю, они сами спровоцировали это.

Ноа бросил на нее мрачный взгляд.

— Фолл-Крик больше не безопасен. Ты должна остаться здесь.

— Здесь тоже небезопасно.

Он недовольно хмыкнул.

— Я серьезно, Ханна. Вы с Майло не должны покидать «Винтер Хейвен» ни по какой причине.

Все это время она мучилась в сомнениях, разрываясь между друзьями на Тэнглвуд-Драйв и «Винтер Хейвен», где жил ее сын под присмотром мужа.

Однако решение давно уже принято.

Она не могла жить в другой версии клетки. И не будет. Никогда больше.

— Это не сработает, — просто сказала она.

Ноа двинулся на кухню, суетясь вокруг шкафов, старательно избегая ее взгляда.

— Я раздобыл еще немного смеси для блинов. Похоже, во всей стране закончились взбитые сливки, но мы сможем их приготовить. Что скажешь? После всего, что произошло за последние несколько дней, я думаю, Майло заслужил свое любимое лакомство на завтрак завтра. И мы тоже.

Ханна остановилась у острова, на расстоянии десяти футов от него.

— Думаю, мне нужно уйти.

Ноа застыл. Он стоял спиной к ней, одна рука опиралась на ручку шкафа, другая лежала на столешнице. Его плечи напряглись.

— Мне нужно уйти, — повторила она, уже более твердо. — Я уйду.

Он повернулся. Дверца шкафа позади него осталась открытой. На полках стояли коробки с продуктами — макароны с сыром, лапша рамен, спагетти.

Едкая кислота обожгла горло, желудок скрутило от тошноты. Она ела эту еду. Наслаждалась ею.

Откуда та взялась? Из кладовки в доме в Найлсе или Стивенсвилле? Или из семьи с голодными детьми? Живы ли они еще, или сражались за будущее своей семьи, но истекли кровью на снегу, застреленные ополченцами?

Она должна уйти.

— Я не могу оставаться в «Винтер Хейвене». Не с ополченцами. Не с Розамонд Синклер, сидящей в своем особняке через пять домов по соседству. Я уйду.

Ноа застыл как камень. Все в нем напряглось, закрылось.

— Куда ты собираешься идти?

Ханна замешкалась.

— В наш старый дом.

— Ты имеешь в виду к Лиаму.

— Я имею в виду в мой дом. Лиам — вовсе не причина.

— Ты уверена в этом?

— Дело не в нем.

— Тогда, в чем же?

Она расправила плечи.

— Ты. Мы. Они. — Она помахала своей здоровой рукой. — Ополченцы, правящие этим городом. То, что они сделали. Ты позволил этому случиться.

Глаза Ноа потемнели.

— Я защищаю тебя! Я защищаю нас! Ты в безопасности...

— Этого недостаточно.

Он тупо уставился на нее.

— Что ты имеешь в виду...

— Этого недостаточно!

— Как это недостаточно? — прошипел Ноа. — Безопасность — это то, что они обещали. Безопасность — это то, что они нам дают. Майло должен быть в безопасности! Ты должна быть в безопасности!

— Безопасность — это еще не все. У тебя не может быть всего. Жизнь устроена иначе! Нет такой вещи, как абсолютная безопасность. Нет. Любой, кто обещает тебе это, — шарлатан, или еще хуже.

Ноа покачал головой, его челюсть сжалась, как будто, если он будет достаточно сильно верить в это, то всё так и окажется.

Ханна протянула к нему свою больную руку.

— Посмотри внимательно.

Он отвел глаза, его взгляд метался по комнате, останавливаясь где угодно, только не на ее уродливых, деформированных пальцах.

— Посмотри!

Молчание затянулось.

Наконец, он перевел взгляд на нее и опустил глаза на ее руку. У него хватило приличия выглядеть пристыженным.

— Мне жаль. Мне больно видеть то, что причиняет тебе боль.

— Это реальность, — отрезала она. — Боль — это часть жизни. Потери — это часть жизни. Риск, сдобренный умом и мудростью, — это часть жизни. Я не стану успокаивать себя или отгораживаться от мира ради иллюзии безопасности. Я не променяю себя на обещание, которое даже не реально. Нет.

— Это реально! Они защитят нас...

— Бред, и ты все прекрасно понимаешь. Эти люди — меркантильные пиявки. Социопаты, наживающиеся на менее удачливых. Они будут улыбаться в лицо до тех пор, пока могут использовать тебя. Положит ли кто-нибудь из них свою жизнь за тебя? За Майло?

Ноа сглотнул. Он не мог встретиться с ее горящими глазами.

— Лиам отдаст, — яростно добавила Ханна. — Бишоп не будет раздумывать. Молли и Квинн тоже. Это те друзья, которых я выбираю. Люди чести. Люди, которые заботятся друг о друге, не только когда им выгодно, но и когда это дорого обходится. Особенно, когда это им дорого обходится.

— Опять Лиам, — с отвращением произнес Ноа.

В ней вспыхнуло разочарование. Он даже не пытался ее услышать. Он ничего не хотел понимать.

— Есть вещи, которые стоят больше, чем безопасность, Ноа. Есть идеалы, за которые стоит умереть.

— Мир устроен иначе! У нас нет такой роскоши, как идеалы. Не после краха. А как насчет нашего ребенка? Ты готова рискнуть жизнью Майло ради своей морали? Своих убеждений?

— Мои убеждения — это я сама, — отчеканила Ханна. — Ничто, стоящее в этой жизни, не дается легко или бесплатно.

— Значит, ты готова умереть, только чтобы быть «свободной» от ополчения? Людей, которые кормят, согревают и поддерживают нашу жизнь?

— Людей, которые грабят и убивают невинных, хочешь сказать.

Ноа помрачнел.

— Они делают то, что должны делать.

Ханна замерла. Пульс стучал в ее ушах. Она положила обе руки на столешницу, чтобы успокоиться.

— Ты сказал, что это тебя возмущает. Сказал, что положишь этому конец.

Ноа задумался, тщательно подбирая слова.

— Мы все делаем то, что должны. Так устроен нынешний мир. Таким он стал. Тебе просто нужно это принять.

— Нет, — возразила Ханна. — Я не стану.

Глава 25

Ханна

День сорок восьмой

Ханна ошеломленно смотрела на Ноа.

Она подозревала, что все это время Ноа знал. Просто решил притвориться слепым. Он верил в Розамонд и ополчение — не потому, что поверил в их доброту, а потому, что иначе сам стал бы частью чего-то дурного.

Но услышать, как он говорит это вот так, признавая вслух...

Что-то в ней оборвалось, дверь в ее сердце захлопнулась. Если какая-то ее часть и оставалась открытой для него — ради старых времен, ради Майло, ради всего, через что они прошли, — она исчезла.

— Ты одобрил убийство своих соседей, — прошептала Ханна.

— Я не делал ничего подобного!

— Именно это ты и сделал. И делаешь.

Он вскинул руки.

— В мире осталось ровно столько еды. Ограниченное количество топлива. Если стоит выбор между голодом и воровством, то мы будем воровать.

— А убийства?

В глазах Ноа вспыхнули вина и гнев. Его лицо покраснелось.

— Этим людям не стоило сопротивляться! Их предупреждали! Они должны были просто отступить! Они бы остались живы. Это их выбор!

— Ты слышишь себя? Ты говоришь, как все деспоты и кровавые убийцы. Ты не можешь оправдывать убийства. Этому нет оправдания.

— Конечно, оставайся в белых перчатках, Ханна! Тебе легко говорить. Ты не отвечаешь за целый город. Тебе не перед кем отвечать. Ты отвечаешь только за себя!

Она прикусила нижнюю губу. Еще один удар ниже пояса. Ханна не удостоила его ответом. Этот разговор не имел смысла. Теперь она это понимала.

Она пыталась заставить Ноа увидеть правду, думая, что он изменится, начнет действовать. В этом ее ошибка. Он действительно все понимал. Он знал правду и смирился с ней, даже принял ее.

В этом и заключался истинный ужас.

Огромный дом вдруг показался слишком маленьким, стены смыкались, воздух стал спертым и лишенным кислорода.

— Если выбирать между потерей сына и потерей души, — проговорил Ноа. — Я предпочту потерять свою душу.

Ханна покачала головой.

— Необязательно выбирать одно из двух.

— Для меня это так.

— Борись за то и другое.

Он направился к ней, двигаясь вокруг острова. Протянул обе руки, умоляя ее.

— Ханна, пожалуйста.

Она сделала шаг назад к прихожей. Если бы Призрак был здесь, он бы уже стоял между ними, рыча и огрызаясь. Как она жалела, что не взяла его с собой.

— Я делаю это ради Майло. Это все ради Майло.

— Майло не хотел бы, чтобы ты это делал. Он бы не хотел, чтобы люди умирали ради него.

— Он хочет жить! Каждое мое решение — ради него! Я думаю о Майло при каждом вздохе.

— Я тоже.

— Не похоже, — с горечью сказал он.

Его обвинение больно ранило Ханну. Ноа знал, что это худшее обвинение, которое он мог высказать в ее адрес. В его глазах вспыхнул стыд, но он не стал брать свои слова обратно.

Она и не ожидала от него этого. Это единственное оружие, которое у него осталось. Единственное, что он мог использовать, чтобы причинить ей боль.

— Это нечестно.

— Разве? Тогда зачем ты это делаешь? Ты собираешься бросить его — снова?

Ханна вздрогнула. Чувство вины пронзило ее.

— Я не бросаю его. Я забираю его с собой.

— Черта с два! — Ноа резко переменился в лице. Он прошел через гостиную, огибая Ханну. Остановился в коридоре между гостиной и спальней — спальней Майло — и преградил ей путь.

Вот чего она боялась. Что Ноа откажется внять голосу разума, что он не поймет, что она

пытается сделать, что ей нужно сделать.

— «Винтер Хейвен» — опасное место. Здесь нет ничего хорошего для него. Оно не подходит никому.

— Ты не заберешь его у меня!

— Я не забираю его у тебя, Ноа! Ты все еще его отец. Ты всегда будешь его отцом. Но ты не делаешь того, что лучше для него.

— И ты тоже!

— Да, — сказала она с большей убежденностью, чем чувствовала. — Делаю.

От напряжения мышцы его шеи натянулись. Он сжал кулаки.

— Уходи, если хочешь, но Майло останется со мной. Я его отец.

Если только она не заберет его под дулом пистолета, Ноа его не отдаст. Ханна видела это в его решительном, непоколебимом взгляде. Это единственное, в чем он никогда не уступит — никогда.

Если она прибегнет к насилию, это только травмирует Майло и ничему не поможет. Она должна подождать. Она должна быть терпеливой, хотя это последнее, чего ей хотелось бы в этом мире.

Ханна сосредоточилась на плане. План по уничтожению ополчения и освобождению Фолл-Крика — полностью. Она не хотела смерти Ноа. Она просто желала свободы для себя, своих детей и друзей.

Они не будут жить под гнетом.

Этому придет конец.

Лиам поможет ей. Они вытащат Майло.

Она медленно выдохнула, стараясь не обращать внимания на острую боль в груди при мысли о том, что ей придется уйти из этого дома, оставив сына, пусть даже ненадолго.

Слова впивались колючей проволокой в ее горло.

— Майло может остаться.

Ноа расслабился. Он улыбнулся, как будто всего этого разговора не случилось, как будто он мог все стереть, просто захотев.

— Ты тоже можешь. Остайся, Ханна. Оставайся со мной.

— Я уже собрала сумку. Она в спальне. Я хочу поцеловать Майло и пожелать спокойной ночи. Я возьму снегоход и привезу его утром на блокпост.

Ноа покраснел. На его лице отразилась целая гамма эмоций: гнев, шок и уязвленная гордость. Он видел, как решительно она настроена. Наконец-то до него дошло, что это значит для них, для него.

Его лицо вытянулось. Глаза заблестели и стали безумными.

— Ханна. Я люблю тебя. Не уезжай.

— Я ухожу от тебя, Ноа.

Дрожащей рукой он потирал обручальное кольцо.

— Нет. Нет! Не говори так.

— Мне жаль.

В этот момент годы отступили от его лица. Ханна увидела его таким, каким он был в молодости, полным сладких обещаний, с его пылким и жаждущим взглядом.

— Я не могу без тебя!

— Этого недостаточно.

В его глазах светилось исступленное отчаяние.

— Прости меня! Я изменюсь! Я сделаю все, что ты захочешь. Пожалуйста! Ты хочешь, чтобы я бросил вызов Розамонд? Я сделаю это! Хочешь, чтобы я пожертвовал собой и сражался с ополчением? Я сделаю это! Просто скажи мне, что делать!

Он умолял об отпущении грехов, прося прощения за поступки, которые Ханна не могла простить.

Она жалела его, но недостаточно. Этого недостаточно.

— Я надеюсь, что ты изменишься, Ноа. Но не ради меня. В первую очередь ради самого себя.

Он стоял там, совершенно опустошенный. Его плечи ссутулились, как будто она ударила его, в его лице появилось что-то потерянное и тоскливое.

— Ты не можешь так поступить со мной, — прошептал он. — Пожалуйста, не делай этого со мной.

Раскаяние разъедало ее. Горе, сильное, как приливы и отливы. Она не желала этого. Она не хотела этого.

Ханна посмотрела на Шарлотту в своей переноске. Малышка спала, ее маленькое круглое личико и розовые губки были идеальны, как у куклы. Под кривой вязаной шапочкой Лиама проглядывала прядь темных волос.

Ханна вспомнила все свои причины. Шарлотта и Майло — вот что для нее главное. Чтобы дать им будущее, Ханна готова бороться, умереть.

— Это из-за Лиама? — спросил Ноа, в его отчаявшемся голосе проскальзывали нотки раздражения.

Ханна подняла голову и встретила его взгляд. Ее глаза остались сухими.

— Прощай, Ноа.

Глава 26

Ноа

День сорок восьмой

Ноа, пошатываясь, вышел из дома. На часах было уже одиннадцать. Майло спал. Какая-то робкая часть его сознания шептала, что он не должен оставлять сына одного — Ноа никогда не оставлял его раньше, — но отчаяние гнало его вперед.

Он должен уйти.

Ноа натянул куртку, но не стал надевать ни перчатки, ни шапку. Ночь выдалась холодной и трескучей, луну затянуло тучами. Зябкий воздух жалил его открытое лицо, руки и шею. Ему было все равно.

Захлопнув входную дверь, Ноа, спотыкаясь, спустился по ступенькам крыльца, скользя ботинками по слякотному снегу. Он взял фонарик, чтобы освещать себе путь. Луч дрогнул, и деревья по обе стороны подъездной дорожки, казалось, выпрыгнули на него, их бесплодные ветви царапали черное небо.

Его глаза жгло от непролитых слез. В груди стало слишком тесно.

Обрывочные мысли рикошетом проносились в его голове. Он не мог размышлять здраво. Как такое могло произойти? После всего. После всего, что он сделал, после всех лет жертв, страданий и душевной боли. Как это может быть концом?

Ноа остановился посреди дороги. Фонарик дрожал в его руках. Он резко вдохнул, холодный воздух обжег его легкие, внутри бурлили сердечная боль, ревность и гнев.

Сверкнуло обручальное кольцо.

Как жестока Вселенная! Похитить его жену, затем вернуть ее к жизни чудесным образом, чтобы она предала его.

Он откинул голову назад, напряженно моргая. Звезд не видно. Во всей Вселенной не существовало больше звезд. Весь его мир рушился, словно проваливаясь в черную дыру.

Ноа сдернул кольцо с пальца. Пять лет, а он так и не снял его. Ни чтобы принять душ, ни чтобы переукрасить спальню Майло, ни для чего.

Теперь оно ничего не значило. Даже меньше, чем ничего. Он больше не хотел его видеть.

С болезненным рыком он швырнул кольцо в лес. Оно не издало ни звука. В темноте Ноа не увидел, как оно приземлилось.

Все кончено. Его жизнь с Ханной — его мечты о семье, о совместном будущем — угасли, как чадающее пламя.

Ноа спотыкался. Он не мог вернуться домой, не сейчас. В доме уже пахло Ханной, он пропитался ее присутствием. Она ушла, но ее образ все еще оставался там.

В его голове промелькнула картинка — ее лицо, когда она сказала ему, что все кончено, воспоминание словно кувалдой ударило его в грудь.

Ноа шаркал по улице. Ухнула сова. Снег засыпал все вокруг, поглощая почтовые ящики, заглушившие машины и уличные знаки.

Охранники Розамонд сидели в грузовике в конце ее подъездной дорожки. Она включила все лампы во всех комнатах. Все окна светились ярко-желтым светом.

Это выглядело почти вульгарно — так много света. Даже в других домах «Винтер Хейвена» драгоценное электричество использовалось только в одной-двух комнатах за раз. Но не у Розамонд. Она превозносила свои излишества. И не собиралась извиняться за это.

Меньше двух месяцев назад все тратили электричество, воду, еду. Целую жизнь назад.

Все вокруг было другим. Он тоже был другим. Он не узнавал себя; да он и не хотел узнавать.

Ноа свернул на подъездную дорожку Розамонд. Охранники в грузовике насторожились. Один из них опустил окно и выбросил окурок в снег. Он высунулся наружу, держа пистолет в руке, и оглядел Ноа с ног до головы. Его звали Лайл Томлин.

В глазах парня мелькнуло узнавание.

— Шеф Шеридан.

Ноа не ответил. Он не доверял своему голосу.

— Вы в порядке, шеф? Вы не выглядите особо здоровым.

Он кивнул и продолжил идти, спина напряжена, фонарик направлен в землю, другая рука засунута в карман куртки.

Охранники остались в своем грузовике.

Ночь сомкнулась вокруг него, угрожающая, грозная. Он скреб ботинками по ледяной земле, как по осколкам стекла. Его била дрожь.

У входной двери Розамонд Ноа замешкался. В его жалких раздумьях мелькнула ясность. Что он здесь забыл? О чем он только думал? Он должен вернуться к Майло.

Розамонд открыла дверь. Она была одета в толстый шерстяной свитер, черные леггинсы и шерстяные носки. Мокрые светлые волосы вились на затылке. Должно быть, она только что приняла душ.

В одной руке она держала рацию.

— Лайл сообщил, что ты здесь. — Ее глаза сузились, увидев его расстроенное

выражение и растрепанный вид. — Что случилось?

— Ханна, — прохрипел Ноа. Собственный голос показался ему чужим. — Она бросила меня.

Выражение лица Розамонд не изменилось. Она сделала шаг назад, широко открыла дверь и жестом пригласила его войти.

Ноа повиновался. Он не потрудился снять ботинки. Его обдало теплом. Восхитительный аромат булочек с корицей наполнил его ноздри.

— Я как раз готовила полуночную закуску. — Розамонд двинулась в сторону кухни. Она повернулась к нему лицом. Ее глаза немного покраснели, в них залегли тени, но они оставались ясными. — Проходи, присаживайся. Расскажи мне, что случилось.

Ее материнский тон не допускал никаких возражений. Ноа рассказал ей все. Как Ханна ушла от него. Бросила его. Отвергла его.

Ханна, призрак, который преследовал его, который украл каждую унцию радости, который лишил его способности двигаться дальше, иметь жизнь, другие отношения — все, что угодно. Она уничтожила его. Она разрушила Ноа.

— Ханна не та, за кого я ее принимал. Ты оказалась права.

Розамонд наклонилась к нему через гладкий мраморный остров и положила ухоженную руку на его ладонь.

— Не вини себя, милый. Ты вел себя безупречно с самого начала.

— Я сделал все, что мог. Я все перепробовал. Ничего не помогает. Она уже решила!

— Ты все сделал правильно. Она не способна разглядеть то, что перед ней, Ноа. Это ее потеря. И потеря Майло.

— Но почему? Я не понимаю.

— Я не могу сказать тебе, почему она так охотно отвернулась от своей прекрасной семьи... но у меня есть предположение.

Ноа посмотрел на нее затуманенными глазами.

— Какое?

— Лиам Коулман.

Вспышка ревнивого негодования пронеслась через него, горячая, как пламя печи.

Розамонд прищелкнула языком.

— Он появился, увидел молодую, слабую женщину в уязвимом положении и воспользовался этим. Он извратил ее, Ноа. Промыл ей мозги. Он взял то, что ему не принадлежало. Это то, что он делает. Берет то, что принадлежит другим мужчинам.

— Это его вина. Ханна никогда бы не сделала этого сама.

— Конечно, она бы не стала, — успокаивающе проговорила Розамонд. — Во всяком случае, не та Ханна, которую мы знали раньше.

Кипящая ненависть пронзила Ноа. Ревность, черная и уродливая. Неужели Ханна уже целовалась с ним? Неужели она предала Ноа еще до того, как вернулась в Фолл-Крик?

Лиам прекрасно знал, что она замужем. Но он все равно украл ее. У него не было никаких прав. Ни на что и ни на кого в этом городе. Он чужак. Незванный гость.

— А что, если бы его здесь не было? — спросила Розамонд, словно читая мысли Ноа.

— Горожане не всполошились бы. Ополчение не встало бы на дыбы. С Фолл-Криком все было бы в порядке.

— И ты бы вернул свою жену.

— У меня была бы Ханна, — сокрушенно прошептал Ноа. — Мы могли бы быть вместе.

Мы были бы счастливы.

Какая-то отдаленная часть его сознания отметила, что Розамонд ничего не сказала о своем желании отомстить. В голове Ноа зазвенел крошечный предупреждающий колокольчик, но он его проигнорировал. В душе не осталось места ни для чего, кроме гнева, злобы горечи и опустошенности.

Он хотел ненавидеть Лиам Коулмана. Он хотел его смерти.

Розамонд сочувственно улыбнулась ему.

— Ты можешь сделать то, что не может Саттер.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты можешь подобраться близко. Ты можешь сделать то, что должно быть сделано.

Он думал, что отшатнется. Но не отшатнулся. Темная ярость кипела в нем. Его руки задрожали, пальцы сжались в кулаки. Он готов на все, чтобы вернуть свою семью. На что угодно.

— Поставь нас на первое место, Ноа. Разве не я всегда поддерживала тебя? Разве не я всегда заботилась о тебе и Майло?

В голове Ноа мелькнуло воспоминание, попыталось вынырнуть на поверхность его сознания. Но оно скрывалось слишком глубоко, окутанное тьмой. Оно погасло так же быстро, как и появилось.

— Ты не один, Ноа. Неважно, насколько сильно сейчас ты это чувствуешь. Я здесь. Я здесь, чтобы помочь тебе всем, чем смогу. Как и всегда.

— Я ценю это. Правда.

— Мы единственные, кто имеет значение, — добавила Розамонд. — Мы вместе в этом. Ты и я. Ты единственный, кто понимает. Единственный, кто всегда понимал. Мы строим убежище от бури, а один человек пытается все это разрушить. Мы пытаемся создать убежище для Майло, для каждого ребенка в этом городе, а этот... самозванец... поставил все наши усилия под угрозу.

— Да. — Ноа уставился на свой голый безымянный палец. Слезы высохли на его щеках. Кожа натянулась, как будто больше не принадлежала ему. — Майло — вот что для меня главное.

— И Фолл-Крик, — подсказала Розамонд.

— И Фолл-Крик.

— Лиам Коулман — угроза всему, за что мы боремся. — Розамонд наклонилась к нему, выражение ее лица было напряженным, взгляд не отрывался от его лица. — Подберись к нему вплотную, Ноа. Стань ближе и сделай то, что должно быть сделано.

Он потер палец. Казалось, что отсутствие кольца неправильно и неестественно. Ноа чувствовал себя голым и уродливым, таким же пустым, как и его измученная душа.

— Я не знаю. Я... я закон...

— Закон — это то, что мы делаем. Ты знаешь это. Мы создаем новую реальность. Мы строим будущее.

Он не стал спорить. Да и как он мог? В ее словах заключался страшный смысл. Все, что говорила Розамонд, звучало правдой, которой он когда-то боялся, но теперь учился принимать.

Джулиан утверждал то же самое, подумал он с болью. Ноа любил его, но друг получил то, что заслужил. Джулиан зашел слишком далеко.

«А теперь ты собираешься зайти слишком далеко», — прошептал голос в его голове.

Ноа моргнул и выкинул эту мысль из головы. Что дала ему мораль? Этический кодекс? В то время как его жена увлеклась другим мужчиной, он по четырнадцать часов в сутки пытался сделать все правильно?

К черту это. К черту все.

Розамонд права. В этом новом мире, который они строили, действовали их собственные правила. В этом была поэзия. Некое первобытное удовлетворение.

Розамонд положила свою руку на его кисть, успокаивая. Ноа почувствовал себя менее одиноким. В конце концов, именно Розамонд всегда его понимала.

Она сжала его руку.

— Сделай это, милый, и все закончится. Ты получишь все обратно.

Он мысленно увидел Ханну, наблюдающую за Лиамом. Вспомнил, как светилось ее лицо.

Его горло обожгло горькой кислотой. Ноа позволил ему гореть, позволил боли проникнуть в каждую клеточку.

И ответил:

— Я сделаю это.

Глава 27

Лиам

День сорок девятый

Лиам нашел подходящее укрытие под срубленной елью, которая упала под углом к другому дереву.

Он забрался под бревно, срезал несколько мелких веток и вытащил из рюкзака пенопластовый коврик. Поставив рюкзак перед собой, он положил на него карабин и посмотрел в прицел.

Лиам предпочитал калибр 30–06 для снайперской стрельбы, так как у него была лучшая дальность и кучность, но приходилось работать с тем, что есть.

Позднее полуденное солнце пробивалось сквозь бесплодные деревья. Белки и бурундуки шныряли в хрупком подлеске. Снег поглощал звуки повседневной жизни. Все вокруг казалось таким приглушенным, далеким. Он выдохнул ледяной воздух.

Несмотря на холод, видимость оставалась ясной, да и ветра не наблюдалось. Хороший день для снайпера.

На нем была одежда светлых тонов, плюс грязная льняная простыня, одолженная у Молли, накинутая на ноги, спину, плечи и голову в качестве импровизированного маскировочного костюма. Лиам к тому же использовал пастель Квинн, чтобы закрасить лицо и волосы в серый, белый и коричневый цвета.

Он выбрал извилистый участок дороги и устроил свою засаду сразу за поворотом. Со своей позиции он имел беспрепятственный обзор, скрытый поваленным бревном и двумя большими елями.

Предстояла битва. Уродливый, кровавый бой с большими потерями.

Перед ним стояла задача сократить численность ополчения, используя партизанскую тактику. Чем больше ополченцев он сможет уничтожить сейчас, тем больше шансов у города на успех, когда придет время сражаться лицом к лицу.

Как только он начнет, им придется действовать быстро. Когда ополченцы поймут, что их атакуют, они усилят свою бдительность. Они станут осторожными и внимательными, а не

беспечными и скучающими, как сейчас.

Будет труднее подбираться близко, устраивать засады и покушения.

Сегодня Лиам собирался уничтожить как можно больше ополченцев одним махом. Напасть, сделать грязное дело и убраться к чертям собачьим.

С момента прибытия в Фолл-Крик он проводил каждый день, готовясь к этому. Еще до отъезда из «Винтер Хейвена» он запомнил расписание патрулей и смены.

Грабительские вылазки ополченцев проследить оказалось сложнее. Они выходили в случайное время с произвольным количеством людей. Пункты назначения, вероятно, выбирались так же произвольно, хотя обычно они возвращались через пять-шесть часов.

Лиам ждал удобного случая. Прошлой ночью Ханна заметила дюжину ополченцев, расположившихся вокруг нескольких машин, готовящихся к очередному рейду. Она его предупредила.

После снега, выпавшего накануне вечером, отыскать их следы не составляло труда. В эти дни по дорогам ездило мало машин, еще меньше снегоходов.

Они очистили определенные дороги от брошенных машин, вытеснив их на обочину или на одну полосу. Движение осуществлялось по Старому 31-му шоссе на север, Старому 31-му или 139-му шоссе на юг или по Динс-Хилл-Роуд на север до 140-го шоссе на восток. В этот раз они выехали на Динс-Хилл-Роуд.

Лиам замедлил дыхание, пытаясь унять сердцебиение. Он пошевелил пальцами ног в ботинках, согнул пальцы и сфокусировался через прицел на небольшой ветке шириной в запястье, которую он ранее положил в центре дороги. Вдохнул ледяной воздух, выдохнул и стал ждать.

У него теперь нет опытной команды за спиной. Ни воздушной поддержки, ни артиллерии. Ему помогали только его ум и выучка. Но спецназовцы привыкли к такому.

Он и правда один. Больше никто не мог сражаться.

Бишоп бы присоединился, но он нужен Лиаму, чтобы следить за ситуацией в Фолл-Крик и присматривать за Ханной. Рейносо и Перес тоже, но они копы и должны соблюдать осторожность, пока Ноа Шеридан остается их шефом.

Квинн ухватилась бы за этот шанс, но он не собирался втягивать в битву ребенка. Она умоляла бы его об участии, но он не мог согласиться. Если с ней что-то случится в его присутствии, он никогда себе этого не простит.

Большинство горожан хотели, чтобы ополченцы ушли, но они еще не готовы убивать за это. Они не готовы поставить на кон свою жизнь. Это обычная человеческая реакция.

Лиам понимал это. Ему это не нравилось, но он это понимал.

Он был овчаркой. Человеком, который выбрал роль защитника. Все зависело от него.

Низкий гул эхом отозвался в тишине. Двигатель. Несколько двигателей. Они направлялись в его сторону.

Его сердцебиение участилось. Насторожившись, он наблюдал за приближающейся колонной через прицел. Лиам представил себе колонну так, как описала ее Ханна — три грузовика, впереди снегоход. В колонне от четырех до десяти противников.

Двигатели заглушали пение птиц. Они находились на расстоянии нескольких мгновений. Тридцать секунд. Пятнадцать.

Лиам достал свой «Гербер» и положил его на натянутый шнур рядом с собой, ожидая, когда они окажутся у ловушки.

Пульс стучал в ушах, во рту пересохло. Он сделал вдох, чтобы унять сердцебиение и

успокоиться. Время замедлилось. Он видел все кадр за кадром.

Из-за угла появился снегоход. Водитель был одет в черное, через плечо перекинута винтовка. Лиам перерезал шнур.

Саженец вырвался на свободу, натянув проволоку, обмотанную вокруг более толстого вяза, и проволока протянулась через дорогу на высоте груди, как бельевая веревка.

В результате водитель снегохода на скорости пятьдесят миль в час врезался в проволоку. Громкий треск расколол воздух. Бритвенная проволока мгновенно обезглавила его.

Снегоход с ревом съехал с дороги и врезался в строй тонких берез. Он пробил первые несколько, врезался в более крупный ствол, опрокинулся набок и налетел на поваленное бревно.

Снегоход перевернулся на бок, под ним оказались искореженные останки водителя. Из смятого металла поднимался черный дым.

Лиам бросил нож, схватил карабин и переключил внимание на дорогу. Снегоходы выполняли роль разведчиков. Конвой следовал в четверти мили позади. Он ждал, мышцы напряглись, готовые к действию.

Первый грузовик с ревом пронесся по обочине — ржавый «Шевроле С30» 1970-х годов. Заднюю часть грузовика доверху забили краденым добром. Двое ополченцев, одетые в бронежилеты и держащие в руках винтовки AR-10, сидели в кузове.

Им следовало быть начеку, но они чувствовали себя комфортно, самоуверенно и самодовольно, не ожидая засады на своей территории. Им предстояло жестоко поплатиться за эту ошибку.

Глава 28

Лиам

День сорок девятый

Водитель «Шевроле» увидел впереди разбитый снегоход и попытался затормозить, закрипев шинами. Слишком поздно.

Передний бампер проехал над веткой, которую Лиам положил в качестве метки. Переднее левое колесо ударило о ветку и сдвинуло ее с места.

Провод, привязанный к ветке, крепился к осколочной гранате М67, спрятанной в металлической банке, установленной на обочине дороги — ход, взятый из учебника по войне во Вьетнаме.

Осколочная граната не взорвалась впечатляющим огненным шаром, как в кино. Она действовала менее эффектно, но гораздо более смертоносно: радиус смертельного поражения составлял пять метров, а радиус нанесения увечий — до пятнадцати метров.

Когда проволока выдернула гранату из банки, взорвалось 6,5 унций взрывчатого вещества. Шрапнель разорвала грузовик. Окна разлетелись вдребезги. Бойцы, сидевшие сзади, закричали, когда обгоревшие куски металла вонзились в их тела, пробив незащищенные участки животов, спин, бедер.

Один ополченец вскочил на ноги, на его искалеченном лице застыл шок. Шрапнель пробила его щеки и подбородок.

Второй остался сидеть, с воплем хватаясь за раздробленные остатки голени.

Лиам воспользовался замешательством, вызванным взрывом. Он сфокусировался через оптику, убрал слабины в спусковом крючке и дважды выстрелил в обоих мужчин. Крики

прекратились.

Второй грузовик — серый F-150 — появился в поле зрения. Водитель затормозил. Грузовик вильнул в сторону и врезался в заднюю часть разбитого «Шевроле». Кузов был до отказа загружен припасами. Лиам не увидел охранников.

Раненый водитель первого грузовика — женщина — кричала в рацию.

— Группа Жнецов вызывает базу! Нас атакуют! Нам нужна ваша помощь!

Лиам нажал на спусковой крючок. Она больше не будет передавать предупреждения по рации.

Зажав приклад карабина между правым плечом и щекой, Лиам сместился вправо, нажимая на спусковой крючок, и выпустил залп по «Форду F-150».

Водитель пригнулся, прикрывая голову руками, но это не имело значения. Тяжелые пули пробили тонкий металл водительской двери. Его тело дернулось, когда пули пронзили плоть.

Раздалась стрельба. Пули врезались в деревья над ним и по обе стороны от него. Кора и сосновые иглы дождем посыпались Лиаму на голову.

Третий грузовик остановился за поворотом, в поле зрения оказалось только крыло, водитель выпрыгнул с пассажирской стороны, а двое охранников в кузове соскочили на землю и укрылись за машиной. Все трое вели огонь по позиции Лиамы.

Непрерывная стрельба разрывала барабанные перепонки. Нескончаемый шквал почти автоматического огня оглушал. Все новые и новые выстрелы кромсали сосновые ветви вокруг него. В двух ярдах ниже его позиции взметнулась туча грязи.

Свежий адреналин захлестнул Лиамы. Он нагнулся к M4, сделал еще четыре выстрела и патроны закончились.

Схватил нож, который бросил ранее, он вложил его в ножны и попятился назад. Укрываясь за деревьями. Через несколько мгновений Лиам уже вскочил на ноги и двинулся вперед.

Чуть раньше он подготовил несколько альтернативных позиций и заранее разложил оружие и дополнительные боеприпасы, убедившись, что сможет получить доступ к своему снаряжению, открыть огонь по врагу и остаться незамеченным.

Он перезарядил оружие, направляясь дальше на восток, за поворот, к ополченцам, спрятавшимся за третьим грузовиком.

Выстрелов по нему не последовало. Их уши звенели от шквального винтовочного огня, и дезориентированные взрывом, оставшиеся ополченцы не могли точно определить направление противника. Они продолжали обстреливать его исходную позицию, не понимая, что он собирается обойти их с фланга.

Лиам добрался своей второй позиции и опустился под тонкую завесу безлистного подлеска. Установил свой карабин и приготовился к стрельбе с приличного расстояния.

Трое солдат присели вдоль дальнего борта грузовика. Мелькнуло движение возле блока двигателя — одна голова. Двое других подкрались к заднему крылу.

Дуло AR-15 выглянуло из-за капота, и один из них сделал несколько беспорядочных выстрелов. Ни один не попал в Лиамы.

Он чувствовал, как утекают секунды с каждым ударом пульса. Скоро может прибыть группа реагирования — нужно торопиться.

Поднявшись на ноги, забежал за близлежащий вал и укрылся за толстым стволом дуба. M4 висел на перевязи, когда он нащупал последнюю осколочную гранату и взгляделся в

безлистные деревья. Он прикинул свой бросок, определяя, выполним ли он. Так оно и было.

Лиам выдернул чеку и бросил гранату. Она пролетела по воздуху, задев несколько веток, и отскочила к кусту ежевики в нескольких ярдах позади грузовика.

Он упал на землю за насыпью. Кто-то из врагов разразился проклятием, которое больше походило на вопль ужаса. Прежде чем кто-то из них успел убежать, граната с треском и облаком дыма взорвалась.

Лиам подполз к валу, оставаясь на земле, и изучил причиненный ущерб. Он взглянул на грузовик внизу. Граната сделала свое ужасное дело. Двое из противников корчились на земле, третий все еще оставался на ногах.

Лиам прицелился, выдохнул и сделал три выстрела. Два выстрела попали парню в правую ногу. С криком он упал на землю. За несколько секунд Лиам прикончил всех троих.

Он на мгновение остановился, вдыхая холодный воздух, в ноздрях стоял запах кордита и вонючего дыма. Отработанные гильзы разлетелись по снегу вокруг него.

Лес молчал — птицы онемели от оглушительной перестрелки. У него самого звенело в ушах.

Он взглянул на часы. Прошло всего три минуты с тех пор, как раненая ополченка вызвала по рации помощь.

Лиам предвидел появление резервных сил и планировал это. Место засады находилось в трех милях к северу от Фолл-Крик. Примерно в миле вниз по дороге отряд реагирования столкнется с неприятностями.

Он положил поперек дороги доски с вбитыми восьмидюймовыми гвоздями, острым концом вверх и засыпал снегом, ветками и сосновыми иголками.

Учитывая, что их машины будут выведены из строя, возвращаться в «Винтер Хейвен» пешком придется долго. Снегоходы могли бы проехать невредимыми. Поэтому он протянул через дорогу еще несколько проволок.

Поздний полдень сменился вечером. Тени удлинились, стало труднее видеть в сумерках. Пора уходить.

Лиам встал, его ноги ослабли от выброса адреналина, нижняя часть позвоночника горела, и прислонился к дереву. Убедился, что в магазине всего два патрона. У него не осталось свежих патронов для М4, и только один магазин к «Глоку». И гранаты закончились.

К счастью, ополченцы только что решили эту проблему для него.

Он вышел на дорогу, держась настороже, и обобрал мертвых ополченцев, прихватив все ценное.

Он забрал их рации, горловые микрофоны и наушники для улучшения связи и повесил четыре винтовки AR-15 на плечо. В рюкзак он положил три пистолета, включая «Хеклер» и «Кох Марк 23» со встроенным подавителем и лазерным прицельным модулем и два магазина 45-го калибра к нему.

Лиам вытащил все патроны из их нагрудных ремней — больше необходимого 5,56, немного 308 и несколько магазинов девятимиллиметровых патронов, а также еще одну осколочную гранату.

Он не думал о жизнях, которые оборвал. Об их родителях, братьях и сестрах, женах и детях. Они воровали, убивали и терроризировали, ополченцы ничем не лучше врагов, которых он уничтожал в Ираке, Иране и Сирии.

Он не жалел ни секунды о кровавой бойне, которую устроил.

Лиам терял сон из-за многих вещей, но не из-за этого.

Оставив позади восемь трупов, он повернулся и двинулся через лес, уверенным шагом направляясь обратно к Фолл-Крик.

Глава 29

Розамонд

День сорок девятый

— Что, черт возьми, произошло? — Щеки Розамонд покраснелись, на лбу пульсировала вена. — Как можно потерять восемь человек?

Саттер стоял напротив ее стола из красного дерева. Его бледные глаза пылали гневом.

— Там сработали ловушки. Напали из засады. Они действовали против нас.

— Кто?

— Фолл-Крик. Жители.

Она застыла.

— Народ, который мы кормили и обеспечивали жильем, ценой огромных усилий?

Ноа прочистил горло. Он стоял в задней части кабинета возле двери, обеспокоенный и нервный.

— Мы не знаем этого наверняка...

— Мы знаем! Сделай хоть раз свою чертову работу, шеф Шеридан. — Саттер выплюнул слова как проклятие. — Коулман ведет их. Группа недовольных — и эти чертовы горожане их защищают! Мы уже допросили дюжину. Никто не называет имен. Пока.

Ярость захлестнула Розамонд, почти поглотила. Она ударила кулаками по столу.

— После всего, что я для них сделала! Всего, что я им дала!

Саттер навис над ее столом, возвышаясь над ней. Она не желала уклоняться от него.

— Пора, Розамонд. Ты знаешь, что время пришло.

Розамонд закрыла глаза. Она знала, что он имел в виду. То, о чем он просил с самого начала. Она сопротивлялась по доброте душевной, по великодушию. В ней больше не осталось доброты. Она открыла глаза.

— Да.

— Время для чего? — спросил Ноа.

Саттер уставился на нее.

— Скажи это.

— Мы больше не будем помогать избалованным, неблагодарным жителям Фолл-Крика, — объявила Розамонд. — Мы не будем их кормить. Мы не будем давать им кров, дрова или бензин для отопления их домов, и мы больше не будем их защищать.

Ноа уставился на нее, пораженный.

— Ополчение отступит к «Винтер Хейвену», — добавил Саттер. — Мы оставляем блокпосты и прекращаем патрулирование. Фолл-Крик теперь сам по себе.

— Они не смогут защитить себя! — воскликнул Ноа. — В основном это женщины, дети и старики. Они устали и голодны. Как они будут добывать еду?

— Это уже не наша проблема. — Ей было больно это говорить. Она любила этот город как мать.

— Ты привела ополчение, чтобы обезопасить Фолл-Крик!

— Все меняется, — холодно проговорила Розамонд. — Ты знаешь это лучше всех.

Он отшатнулся.

— Мы так не договаривались.

— Фолл-Крик — это незначительная точка на карте, — с усмешкой произнес Саттер. — «Винтер Хейвен» — это жемчужина, Эдем, за который люди будут сражаться, проливать кровь и умирать. Мы потратили слишком много ресурсов на жалкое местечко, которое не имеет никакого значения и которое все равно умрет от голода. Мы должны сосредоточиться на том, что действительно важно.

— «Винтер Хейвен» — это будущее, — отчеканила Розамонд. — Оно принадлежит нам.

— Там же женщины и дети... — попытался снова Ноа, слабо и жалко.

— Ты не слышал ничего из того, что я сказала?

— Когда придут банды, они их перебьют...

— Значит, они умрут!

Ноа уставился на нее, разинув рот, ошеломленный.

— Они сделали свой выбор. Мы делаем то, что правильно для нас. — Она обошла стол. Саттер отодвинулся с дороги, когда Розамонд прошла мимо него и подошла к Ноа. Она смягчилась и положила руку ему на плечо. — Они настроены против нас. После всего, что я для них сделала. Все, чем я пожертвовала ради них, отдала им! И вот как они отплатили мне? Ненавистью? Убийством тех самых людей, которые их защищали?

— Это не все они, это только несколько...

— Ты видишь, как кто-то сдает бунтовщиков? Слышишь чьи-нибудь возмущенные крики? Или только молчание? Их соучастие. Они убили моих мальчиков, Ноа. Они забрали у меня все.

— Это не может остаться без ответа, — заявил Саттер. — Пока мы говорим, мои люди складывают тела своих друзей и братьев в этот ваш импровизированный морг. Горожане должны заплатить за то, что сделали. Не только преступники — город. Все они.

— Убивай, кого хочешь. — Розамонд отвернулась от Ноа и посмотрела в окно. — Сожги город дотла, мне все равно.

Ей хотелось разбить окно, разнести его на тысячу осколков. Она хотела раздавить и уничтожить, заставить кого-то — любого — страдать так же, как страдала она.

Рот Ноа открылся, как будто он собирался протестовать. Вместо этого он кивнул в знак покорности.

— Мне нужно вернуться к Майло.

— Тогда иди! — Саттер указал на дверь. — Теперь ты — никому не нужный начальник полиции. Мы в тебе больше не нуждаемся.

— Маттиас! — укорила Розамонд. — Ты не это имел в виду.

— Все в порядке, — уныло отозвался Ноа. — Я в порядке.

— Помни, о чем я тебя просила, — сказала она. — Помни, что ты мне обещал.

— Я помню, — бесстрастно произнес он. Во взгляде тоже не проскользнуло никаких эмоций.

Не говоря больше ни слова, Ноа повернулся, открыл дверь и вышел. Он тихо закрыл ее за собой.

Они молча слушали грохот грузовика на подъездной дорожке, когда Ноа отправился обратно в свой большой светлый дом, к своему маленькому сыну, уютно устроившемуся в своей постели.

Ревность прожгла Розамонд насквозь. У Ноа был его ребенок. Как ему повезло. Какое счастье. А он даже не ценил этого, не то что она.

Саттер опустил в одно из кожаных кресел. После некоторого молчания он заговорил.

— Ты не можешь ему доверять.

Она не могла доверять никому, вообще никому. Даже мужчине, сидящему напротив нее.

— Почему он тебя вообще волнует? Он нам больше не нужен. Он может исчезнуть вместе с городом.

— Он был лучшим другом Джулиана. Конечно, ты можешь это понять. Он для меня как семья.

Саттер закатил глаза.

— Пожалуйста, Розамонд. Помни, с кем ты говоришь.

Саттер понимал только бизнес. Деньги. Удовольствие. Комфорт. Для него все сводилось к сделке. Он не мог понять, что ей не все равно. Она просто следила за тем, чтобы не переживать слишком сильно.

Если она чему-то и научилась, так это необходимости контролировать эмоциональные связи. Чувства недолговечны. Привязанности ценны только тогда, когда они приносят пользу.

Она вздохнула.

— Ноа все еще должен сыграть свою роль в этом. Он все еще может помочь нам. Он убьет Коулмана. Сделает то, в чем ты потерпел неудачу.

Задетый ее оскорблением, Саттер оскалился.

— У него есть друзья в этом городе. Бишоп. Его жена. Некоторые полицейские. Шеридан не будет предан тебе.

— Тогда, я думаю, ты должен позаботиться о том, чтобы он оставался верен.

— А как же ребенок?

Розамонд вздрогнула.

— Что?

— Она ведь твоя внучка?

Ее губы скривились в презрении.

— Нет!

Саттер откинулся в кресле и сложил руки за головой.

— Нет?

Отвращение переполняло Розамонд.

— Это... существо не имеет ничего общего со мной, ничего общего с Гэвином! Ты слышал меня?

Саттер подмигнул.

— Конечно, босс.

Она стиснула челюсть до боли, скрежеща зубами, как стеклом. Никто никогда не поймет безмерность ее утраты.

— Кроме того, это девчонка. Девочки — слабый пол. Она никогда не сможет заменить мне сына.

Саттер просто смотрел на нее.

Розамонд сцепила пальцы на столе, тяжело дыша, пытаясь держать себя в руках.

— Если у тебя есть еще дела, приступай. В противном случае, убирайся из моего кабинета.

— Кого ты хочешь защитить? Если не младенца, то кого? Майло?

В этом заключалась ее сила. Она переступит любую черту, необходимую для достижения своих целей. Она шла туда, куда другие боялись ступить.

Если Ноа предаст ее, она, не раздумывая его убьет. Она уничтожит все, что он когда-либо любил. Включая Ханну Шеридан. И его сына.

Розамонд не колебалась.

— Никто не освобожден от ответственности.

— А Ноа? Как ты предлагаешь обеспечить его лояльность?

Она встретила жесткий взгляд Саттера.

— Мы дали Ноа все, разве нет? Мы можем и отнять это.

Саттер улыбнулся.

— Отлично.

Глава 30

Лиам

День пятьдесят первый

Бишоп указал на исписанную от руки бумагу в центре стола.

— Это не к добру.

— Вполне ожидаемо, — заметил Лиам. — Это был лишь вопрос времени.

Лиам, Бишоп, Перес и Рейносо сидели в кабинке в задней части бара в гостинице «Фолл Крик». Они приехали за час до открытия по просьбе Дейва Фарриса. Теперь они с наслаждением распивали последнюю бутылку бурбона.

У Дейва почти ничего не осталось. Ополченцы некоторое время снабжали его запасами — они любили зайти выпить холодного пива, как и любой другой парень, — пока Дейв не попал в черный список, заступившись за мальчишку Маршалла у хозяйственного магазина.

Люди по-прежнему приходили сюда за теплом и компанией. Даже если у них не находилось коробки макарон или банки бобов на обмен, Дейв не отказывал им. Он говорил, что не способен на указать на дверь — не в случае, если это его соседи, его друзья, его город.

В баре больше никого не было. Другие кабинки пустовали. Ранний утренний свет струился сквозь грязные окна. В Фолл-Крике царил тишина, на улицах не встречалось обычных патрулей ополченцев.

Лиам сидел, прислонившись спиной к стене, лицом к остальной части комнаты. Он отметил выходы, близость к бару и другим кабинкам, а также дробовик, который Дейв держал за стойкой. Его «Глок» снятый с предохранителя, лежал на колене под столом.

Хейс и Труитт наблюдали за происходящим снаружи, но Лиам все равно не терял бдительности. Ему не нравилось чувствовать себя таким незащищенным. Он не притрагивался к алкоголю, считая важным сохранять остроту ума и внимательность.

Позавчера он напал на колонну ополченцев. Сегодня утром Фолл-Крик проснулся от хлопающих на ветру красных бумажек, прикрепленных к электрическим столбам, деревьям и входным дверям по всему городу.

Суперинтендант отменила собрания мэрии и совета. Так теперь тиран Фолл-Крика распространяла свои послания.

Текст листовки сводился к следующему:

Из-за «террористических атак» ополчение больше не будет защищать Фолл-Крик. Их собственностью стал «Винтер Хейвен». Нарушителей будут расстреливать на месте.

Лиам удивился, что за его голову не назначена награда, как во времена Дикого Запада. Возможно, скоро это случится.

По крайней мере, Ханна уехала из «Винтер Хейвена». Она вернулась на Тэнглвуд-Драйв

несколько ночей назад — без Майло.

Лиам не хотел, чтобы кто-то ночевал в старом доме Ханны, так как это первое место, на которое нападет ополчение. Он уже отогнал шпионов Саттера, разведывавших улицу.

Вместо этого Ханна и Призрак переехали в свободную спальню в доме Молли и Квинн. Он порадовался, что она живет с ними. Лиам поселился в одном из близлежащих пустующих домов, где мог наблюдать за происходящим.

Ханна находилась в большей безопасности за пределами «Винтер Хейвена». Ему хотелось бы, чтобы Майло не оставался там, но если Ноа и умел что-то делать, так это заботиться о своем сыне. Они заберут Майло, как только смогут.

Лиам не задумывался о том, почему Ханна решила уйти от Ноа. Он не мог позволить сейчас себе отвлекаться.

Сначала ему нужно разобраться с ополченцами.

Дейв подошел к табурету, с полотенцем для посуды, перекинутым через плечо. На голове у него красовалась бейсболка «Детройт Тайгерс», низко надвинутая на редущую шевелюру.

Он с отвращением посмотрел на красную листовку.

— Может быть, все не так уж плохо.

— В каком смысле? — спросил Рейносо.

— Они могут забрать «Винтер Хейвен». Фолл Крик останется у нас. Может, теперь они оставят нас в покое.

— Ты действительно думаешь, что они забудут про нас? — недоверчиво спросил Рейносо. — Смирятся с тем, что мы убили восьмерых из них? Вспомни, кто эти люди. Они мародеры, воры и убийцы. Они захотят отомстить.

Перес заправила свои короткие черные волосы за уши. Ее волосы сильно засалились, и она не накрасилась. В ее глазах застыло ожесточение.

— Зная Саттера, он сначала отомстит городу.

Бишоп потер виски.

— Я хочу мира так же, как и ты, Дейв, но они правы. Ополченцы не остановятся только потому, что «Винтер Хейвен» полностью в их распоряжении. Мы все еще в опасности. Весь этот регион в опасности.

— Мы должны нанести им сильный удар, — отчеканила Перес. — Достаточно сильно, чтобы положить этому конец.

— Ты серьезно? — спросил Лиам.

— Да, черт возьми, я серьезно.

Рейносо обменялся взглядом с Перес.

— Мы дали клятву защищать и служить. Наша задача — защищать город от всех угроз, включая угрозы изнутри. Мы сделаем то, что должны сделать.

— Что бы ни собирались делать, мы должны действовать осторожно, — подчеркнул Бишоп. — И не только с ополчением. Ноа Шеридан скомпрометирован...

— Мы знаем. — Рейносо помрачнел. — Это паршиво. Но это то, что есть. — Он взглянул на Лиаму. — Мы не он.

Лиам кивнул. Он не доверял копам Фолл-Крика, хотя среди них встречались надежные люди — Рейносо, Перес, Труитт и Хейс в особенности.

Бишоп доверял им. Это уже кое-что.

— Тогда что нам делать? — спросил Дейв. — Фолл-Крик уязвим. Черт, на нас напали

неделю назад. Другой город может снова напасть на нас. Если ополченцы не будут нас защищать, то мы — легкая добыча.

Лиам переместился в своем кресле. Он не сводил взгляда с входных дверей.

— Наш приоритет — оборона. Как от атаки ополчения изнутри, так и от угроз извне — бандитов, отчаянных групп, кого угодно. Мы установили оборону по периметру и ночной дозор. Ставим блокпосты, следим, чтобы у всех при себе были рации для связи.

— Это растянет нас еще больше, чем сейчас. — Рейносо вздохнул и взболтал жидкость в своем стакане. Он выглядел осунувшимся, поникшим от усталости и беспокойства. Он не щадил себя. — Нам нужно больше добровольцев.

— Похоже, добровольцы в дефиците, — отозвался Лиам.

— Я займусь поиском добровольцев. — Перес ткнула Рейносо в бицепс. — Я умею лучше общаться с людьми, чем этот здоровенный бык.

Рейносо проглотил остатки своего напитка и налил себе еще стакан.

— Удачи тебе.

— Если они хотят, чтобы их дети не пострадали, должны помочь, — сказала Перес. — Речь не идет о том, чтобы заставляя их идти в бой. Они должны охранять себя и своих близких. В любом случае, я не собираюсь давать им выбор.

Рация Рейносо затрещала.

— Четверо гражданских направились в бар, — доложил Труитт. — Внимание.

— Принято, — отозвался Рейносо.

Через минуту зазвонил колокольчик над дверью. Две женщины и двое мужчин вошли внутрь, топая ногами и дрожа. Дейв поднялся и усадил их в кабинке у входа. Он поставил напитки для своих гостей и вернулся к компании.

Рейносо поднял свой стакан.

— Допустим, Перес найдет достаточно добровольцев, чтобы поставить блокпосты и организовать разношерстный дозор. «Винтер Хейвен» находится в центре Фолл-Крика. Ополченцы все еще сидят в курятнике, как лиса в гнезде. Однажды Лиам застал их врасплох. Сомневаюсь, что нам повезет снова.

— Мы должны решить это как можно скорее, — проговорил Дейв. — Половина наших людей голодает; другая половина скоро будет голодать. Чем дольше это затягивается, тем сильнее их позиции и тем слабее мы становимся.

— У них много оружия и бесконечный запас патронов, — вступил в разговор Лиам. — Нам нужен склад оружия ополчения. Если мы завладеем им, то, возможно, уравнием наши шансы.

Он расстегнул молнию на сумке у своих ног левой рукой — правой все еще держа пистолет под столом — и достал карту. Расстелив ее между ними, он указал на «Винтер Хейвен» — крошечный овал, зажатый между рекой на северо-востоке и школьным кампусом в полумиле на юго-западе.

— Склад оружия здесь.

— Это может быть любой из пятидесяти одного дома, — пробурчала Перес. — Мы не можем обыскать их все.

— Нам нужно пробраться внутрь и разведать местность, — заявил Лиам.

— Они там плотно засели, — проворчал Рейносо. — Снайперы, патрули, все дела.

— У нас еще трое посетителей, — передал Хейс по рации.

Через минуту зазвенел колокольчик над дверью. Вошли трое горожан, одетые в куртки,

сапоги и шарфы. Двое держали в руках в перчатках красные листовки. Они окинули взглядом Лиам и остальных, подозрительно сузив глаза.

Дейв спрыгнул со своего табурета и двинулся к ним. Он усадил их за барную стойку в другом конце зала. Лиам, Бишоп и остальные понизили голоса и наклонились поближе.

Лиам сканировал комнату, медленно и размеренно, внимательно рассматривая гостей, изучая лица и язык тела. Следил за любой угрозой, не доверяя никому ни на секунду.

Один мужчина — дряхлый старик лет семидесяти — постоянно поворачивался на своем барном стуле и бросал на Лиам враждебные взгляды. Он мог стать проблемой.

— Нам нужны добровольцы не только для охраны, — добавил Рейносо. — Мы должны создать себе маленькую армию.

Перес поставила свой пустой стакан и покрутила его на столешнице.

— Давайте попросим помощи у этой группы «Общественного альянса». Мы позволили им уйти, когда могли этого не делать. Они в долгу перед нами.

— Они могут нам помочь, — согласился Бишоп. — Нам нужно больше мужчин. У них есть мужчины.

Лиам скептически покачал головой.

— Им все равно, убьют ли они ополченцев или нас — для них мы все враги.

— Я поддерживаю контакт с Миком, — рассказал Бишоп. — Я работаю над установлением регулярного общения и доверия. Они все еще пугливы, но я думаю, что смогу их переубедить. Но они потеряли много людей во время нападения. У них мало оружия и боеприпасов.

Лиам не доверял им. Это противоречило его инстинктам — объединиться с людьми, которые винили в своих бедах Фолл-Крик не меньше, чем ополченцев.

У него не возникало желания сражаться рядом с людьми, которым он не мог доверять — которые могут ударить им в спину, как только они победят ополченцев.

— Все равно плохая идея.

Бишоп разочарованно вздохнул.

— У нас нет хороших идей. Вот в чем проблема.

Старик снова посмотрел на Лиам и нахмурился. Он повернулся на барном стуле, поджал ноги и встал.

Лиам напрягся, наблюдая за руками этого типа.

Вот и неприятности пожаловали.

Глава 31

Лиам

День пятьдесят первый

Старик из бара подошел к ним, указывая трясущимся пальцем на Лиам.

— Ты! Ты это сделал. Ты — причина всех наших проблем!

— Это неправда, Альберт, — возразил Бишоп. — Пожалуйста, успокойся.

— Успокоиться? Успокоиться? Простой ночью ограбили мою ферму на Рейндж-роуд. Они забрали пять моих кур, бензопилу и последние канистры с бензином. Как я доберусь до города, когда моя машина сдохнет? Как я буду заправлять свой генератор, чтобы жена не замерзла? Кто нас теперь защитит, а?

Перес выскользнула из кабинки и поднялась на ноги.

— Мы, Альберт, — произнес Бишоп. — Все мы. Мы защитим себя и позаботимся друг с

друге. Можешь на это рассчитывать.

Все насторожено переглядывались. В помещении витало напряжение.

Лиам стиснул зубы. Он хотел просто уйти оттуда. Он бы предпочел гулять по лесу один, вернуться в дом с Ханной или укачивать маленькую Шарлотту, вдыхая запах детской присыпки и лавандового лосьона.

Оказаться в любом месте, только не здесь.

Мужчина средних лет со щетинистыми усами и пятнистой кожей крутился на барном стуле. Его отросшие волосы торчали в беспорядке. От него исходил отчетливый запах невымытого тела. Руки мужчины были сжаты в кулаки.

— Для тебя есть подходящее определение. Террорист.

Крепыш, стоявший позади него, одной рукой держал пиво, а левую руку спрятал на коленях. Нахмурившись, он встал рядом со своим другом и хлопнул пивом по стойке бара.

— Мы все голодаем из-за тебя!

Лиам крепче сжал пистолет. В нем бурлил адреналин, все чувства работали в режиме повышенной готовности. На против него Рейносо и Перес напряглись.

— Лиам, — тихо окликнул Бишоп, в его голосе прозвучало предостережение.

Лиаму пришлось напомнить себе, что эти люди не злодеи. Они заблуждались, боялись, впали в отчаяние. Овцы, а не волки.

Горожане не готовы к этому, к нему и к тому, что он отстаивал, к тому, что он собирался сделать.

Они попали в ловушку привычного мышления — бесконечные разговоры и политика, любое неприемлемое насилие, тщательно скрываемое за кулисами, вне поля зрения.

Они все еще не понимали, что нужно делать, чтобы выжить.

Он вышел из кабинки, заправив «Глок» за пояс, и остановился. Он бы сдержал себя. Но как только кто-нибудь из них достанет оружие, сразу станет поздно. Последствия будут неизбежны.

— Я здесь не для того, чтобы драться с вами, — произнес он медленно и четко. — Но это не значит, что я не буду.

Оба мужчины отодвинули табуреты и направились к Лиаму, их позы излучали агрессию, глаза сверкали от сдерживаемого страха и разочарования.

Рейносо и Перес не двигались. Они наблюдали, готовые в случае необходимости вмешаться.

Усатый упрямец встал перед ним.

— Мы должны сдать тебя! — прорычал он. — Спорим, это все исправит!

— Это ничего не исправит. И ты это знаешь. А теперь отвали.

— Это мы еще посмотрим, правда? — Усатый не отступил. Он сдвинул ноги и напряг плечи, демонстрируя свои намерения.

Лиам кивнул и улыбнулся, подняв обе руки в примирительном жесте, чтобы запутать парня в его ожиданиях. Рванувшись вперед, он поставил подножку и ударил его открытой ладонью по лицу. Усатый упал назад, сильно ударившись головой об пол.

Мужчина покатился по полу, оглушенный и стонущий. Несколько человек шумно вздохнули.

Старик, Альберт, выглядел ошеломленным. Он не ожидал, что его приятель так быстро окажется на полу. Крепыш нахмурился, сжал кулаки, готовый замахнуться на Лиаму.

— Прекратите! — Из кабинки возле двери поднялась женщина. Ей было около сорока

лет, короткие каштановые волосы убраны за уши, на носу сиреневые очки. Это была Коринна Маршалл, владелица хозяйственного магазина.

— Вы ведете себя как дети, Дуэйн Лоусон и Кейл Берроуз! — воскликнула Коринна. — И Альберт Эдлин, вы уже сказали свое слово. Теперь позвольте мне сказать свое. Четыре дня назад этот человек спас жизнь моему мальчику. Ополченцы чуть не убили Джонаса. И убили бы, если бы не он. Лиам Коулман рисковал своей жизнью и здоровьем ради глупого ребенка. Никто другой, только он. Незнакомец. Вы, горожане, знали Джонаса всю свою жизнь. Кто-нибудь из вас сделал бы то, что сделал этот человек?

Никто из мужчин не ответил. Они смотрели на нее с неммым удивлением.

Коринна скрестила руки на груди.

— Вот что я думаю. Заткните свои пасти и позвольте этим людям рискнуть своей жизнью, чтобы защитить вас и ваших близких.

Дейв нагнулся и помог парню, лежащему на полу, подняться на ноги. Он указал в сторону двери.

— Никаких драк в моем заведении. У тебя есть претензии к солдату, защищающему наш город? Уходи и не возвращайся.

— Я не хотел проявить неуважение, — пробормотал Честер. Парень с усами — Тим Рейнольдс — потер затылок, поморщившись, но ничего не сказал. Крепыш отступил, опустив глаза в пол.

Вдоволь натешившись, мужчины вернулись на свои барные стулья и принялись лелеять свои страдания.

Лиам вернулся в кабинку. Он не расслабился, но его пульс успокоился. Ему стало легче дышать.

Опасный момент миновал.

— Спасибо, Коринна. — Бишоп широко ухмыльнулся сквозь бороду. — Ты спасла наши шкуры.

Коринна закатила глаза и направилась к их кабинке. Небольшая выпуклость на бедре выдавала ее пистолет скрытого ношения. Хотя она выглядела беспечной, Лиам подозревал, что это не так.

Она поправила очки.

— Я уверена, что вы в состоянии справиться сами. Но мне не хотелось видеть, как этим упрямым идиотам проломают головы. Они не плохие парни. Не держите на них зла.

— Не будем, — ответил Бишоп.

Лиам хмыкнул.

Коринна повернулась к Лиаму, ее глаза смягчились.

— Вы заслужили мою вечную благодарность. Мы с мужем заставили нашего сына понести ответственность за его безрассудное поведение. Он усвоил урок. У него почти не было шанса научиться. Мы этого не забудем. Если я или моя семья можем что-то сделать для вас, скажите.

У Лиамы против воли сжалось горло.

— Обязательно, — хрипло произнес он.

Она протянула ему потрепанный лист бумаги — красного цвета, нижняя половина листовки. Список из двадцати одного имени поспешно нацарапан ручкой.

— Что это?

— Я ветеран. Как и мой муж, Уэйн. Мы изо всех сил пытаемся выжить и восстановиться

после краха. Здесь нет места для тиранов. Мичиганцы не терпят такого дерьма. Ни за что.

Она постучала пальцем по бумаге перед ним.

— Многие из нас говорили между собой. И, в отличие от этих придурков, мы понимаем, что для решения проблемы нужны не только разговоры. Если нужны люди, готовые помочь, то это именно те, кто вам нужен. Считайте меня и моего мужа одними из них.

Лиам сложил и положил лист в карман.

— Спасибо.

— Все, что угодно, — ответила Коринна. — Я серьезно.

— Рада тебя видеть, Коринна, — улыбнулась Перес. — У меня такое чувство, что скоро мы снова будем общаться.

Бишоп хитро ухмыльнулся Лиаму, когда Коринна вернулась к своему столику.

— Видишь? Фолл-Крик — не совсем безнадежен, друг. Не сомневайся в нас.

Лиам потер затылок.

— Это начало. Признаю.

Глава 32

Ноа

День пятьдесят второй

— Я не понимаю? — сказал Майло. — Где мама?

Ноа напрягся. Утренний свет лился через огромные витражные окна. Он стоял на кухне у огромного острова, готовя блинчики.

Зачерпнув половник теста, он вылил его на шипящую сковороду. В некоторые дни Ноа так радовался электричеству, что ему даже становилось физически больно.

Майло нуждался в лакомстве — его любимое блюдо на завтрак — блинчики, намазанные арахисовым маслом и взбитыми сливками. Банка арахисового масла «Джиф» стояла рядом с миской из нержавеющей стали. Взбитые сливки уже невозможно достать, но он купил пакет полусладких шоколадных чипсов, чтобы компенсировать это.

Майло нуждался во многих вещах, некоторые из которых Ноа больше не мог ему дать. Эта мысль приводила его в ярость. Он взбивал тесто все сильнее, пока его бицепс не начал гореть.

Его сын сидел на табурете на другой стороне острова, на столе в беспорядке лежали цветные карандаши, мелки и фломастеры. Майло рисовал свое последнее увлечение супергероем — Росомаху — на цветных листах бумаги.

Теперь он выжидающе смотрел на Ноа, ожидая ответа, который имел бы смысл.

Разумных ответов не находилось. Мир рушился на глазах, а Ноа понятия не имел, что с этим делать, и как объяснить все своему восьмилетнему сыну.

Майло спрашивал о Ханне с тех пор, как она уехала четыре дня назад. У Ноа закончились отговорки.

Он посмотрел на свой безымянный палец, на светлую полоску кожи. Вчера был День Святого Валентина — еще один нож в его сердце. Не то чтобы они могли праздновать.

— Мама... — Слово застряло у него в горле. — Твоя мама... она должна была уйти.

— Куда?

— Она поселилась в другом месте. В нашем старом доме.

— Почему?

Ноа вырос в семье, где царили разногласия: его озлобленные родители постоянно

ссорились друг с другом, часто втравливая в это своего ребенка. Он поклялся, что никогда не поступит так же.

Он проглотил свою злость и обиду, пусть и едкую, и заставил себя улыбнуться. Получилось изобразить только подобие улыбки.

— Ей нужно немного пространства. Она через многое прошла.

Он добавил в тесто немного соли. Соли по-прежнему хватало, но что делать, когда ее не станет? Соль необходима для сохранения пищи, для выживания человеческого тела. Ноа отогнал эту мысль подальше.

Майло пожевал конец маркера, нахмурившись.

— Когда она вернется?

«Никогда. Она оставила тебя, и никогда не вернется. Вы никогда больше не будете единым целым».

— Я не знаю.

— Разве мы не можем ее навестить? Наверняка она хочет, чтобы мы приехали к ней. Я могу поиграть с Призраком и помочь ей и мисс Молли со всеми их приготовлениями. Мы могли бы поболтать с Квинн. Мы можем пойти прямо сейчас?

— Я должен работать.

— После работы?

— Не сегодня.

Майло положил маркер и наклонился вперед, его лицо выражало нетерпение и надежду.

— Значит, завтра?

Ханна просила его — умоляла — привезти Майло к ней в гости. Она хотела видеть Майло каждый день, предлагая заботиться о нем, пока Ноа работает.

Ханна больше не могла въехать в «Винтер Хейвен», но Ноа мог выезжать. Он мог отвезти Майло к ней, если бы захотел.

Он не хотел. Конечно, это мелочно и немилосердно, но он ничего не мог с собой поделаться. Мысль о встрече с ней пронзала кинжалами его горькое, сжавшееся сердце.

Вместо этого он попросил жену ополченца, живущего по соседству, присмотреть за Майло. Дэррил Виггинс, бывший банкир, который жил через дорогу и, похоже, не занимался никакой работой, согласился подстраховать в обмен на несколько бутылок виски.

— Нет, завтра тоже не получится.

Майло погрустнел.

— Что насчет Квинн? — спросил он после некоторого молчания. Он переложил свои рисунки и достал подробный набросок Росомахи. Это была работа Квинн, и очень хорошая. — Почему я должен идти в дом этой странной женщины? Если я не могу быть с мамой, я хочу быть с Квинн.

— Ты не сможешь видится с Квинн пока. Прости.

Он уставился на свой рисунок.

— Это нечестно.

— Жизнь вообще не справедлива.

— Почему она не может прийти сюда, как раньше?

— Таковы правила. Мы должны их выполнять.

Вчера Квинн помогала волонтерам в школьном приюте, когда он зашел проверить, как дела. Улыбаясь, она достала из кармана куртки карточную игру «Монополия» и пригласила его и Майло на ужин к своей бабушке.

Он помнил ее лицо, когда отказался, — растерянность, разочарование и обиду, которые она не смогла скрыть.

Квинн ему нравилась, правда. Но он не мог допустить, чтобы Майло проводил больше времени с ней и Молли. Их бунтарские идеи небезопасны. Они могут подвергнуть Майло серьезной опасности. Он не мог рисковать.

Ноа вылил еще один половник теста. Он выпрямил руку, чтобы она не дрожала.

— Там небезопасно для тебя.

Майло сузил глаза.

— Почему нет?

— Случаются плохие вещи. Люди причиняли друг другу боль. Люди умирали.

— Ты говорил Нана Синклер и ополчение смогут защитить нас.

— Они защищают «Винтер Хейвен».

— А как же остальной город? Как насчет мамы, Квинн, мисс Молли и всех остальных?

— Их тоже, — соврал Ноа. — Но нигде так не безопасно, как здесь.

— Значит, мама не в полной безопасности, как мы.

— Твоя мама достаточно взрослая, чтобы сделать свой собственный выбор, — проговорил он резко. — А ты нет.

Майло посмотрел на рисунок. Он провел пальцем по голове Росомахи. Лицо супергероя напоминало лицо Лиама Коулмана.

— Мама хочет, чтобы я был с ней? Она хотела, чтобы я пришел?

Ноа застыл на месте. Долгое время он не знал, что сказать. Ревность съедала его. Темная обида разлилась по его венам.

Ноа не знал, как отреагирует сын, если он скажет правду, и кого выберет Майло. Это злило его еще больше.

— Нет, сынок. Она не хотела.

Его маленькие плечи опустились.

— Ох.

Ноа проигнорировал укол вины и взглянул на часы.

— Завтрак почти готов. Пора принять лекарство.

Майло ничего не сказал.

Ноа перевернул блинчики, затем взял с кухонного стола рюкзак, расстегнул его и достал таблетку гидрокортизона. У него хранился запас лекарств на годы вперед, но в этом рюкзаке лежала последняя экстренная инъекция. Несмотря на поиски ополченцев, они так и не наткнулись на другую.

Он включил кран и наполнил стакан холодной водой. Ноа не сводил глаз с воды, льющейся из крана. Какая простая вещь, но какая драгоценная. Тепло, проникающее через вентиляционные отверстия. Свет, который включался одним щелчком выключателя.

Раньше все воспринимали эти удобства как должное; теперь они стали бесценным товаром. Ресурсы, за которые люди сражались, из-за которых убивали.

Он не хотел отказываться от такого ценного имущества. Этот дом — «Винтер Хейвен» — сохранил жизнь его сыну.

Он стоил всего, что бы Ноа или кто-либо другой ни сделал, чтобы сберечь его. Он стоил каждой унции пролитой крови.

Ему плевать, что думают Ханна, Бишоп или Лиам Коулман. Они заблуждались. Они ошибались. Ноа прав.

Он выключил кран и передал Майло стакан с водой и таблетку. Майло проглотил ее и поставил стакан рядом со своими рисунками.

Ноа изучал своего сына, проверяя, не слишком ли бледна его кожа, выглядит ли он крепким и здоровым.

— Как ты себя чувствуешь? Есть головокружение? Расстройство желудка?

Майло угрюмо пожал плечами. Ноа его расстроил.

Скрывая раздражение, Ноа зачерпнул лопаточкой несколько шипящих блинчиков и положил их на тарелку Майло. От восхитительного аромата сладких пушистых лепешек у него пересохло во рту. Он намазал их липким арахисовым маслом и подтолкнул тарелку к сыну.

Майло уставился на еду, его глаза поблескивали. Но он не взял вилку. И не стал есть.

Вспышка негодования пронзила Ноа. Майло должен быть благодарен за все, что он сделал для него, за все жертвы и компромиссы, на которые пошел, хотел пойти, собирался пойти.

— Ешь, Майло! По крайней мере, у тебя есть что поесть! Ты даже не представляешь, как тебе повезло!

Майло сморщился. Он съежился, обхватив себя худыми руками за грудь, его лопатки напоминали птичьи крылья.

Раскаяние пронзило Ноа. Он пожалел о своем тоне. Он испытывал стресс, его нервы не выдерживали, нити вины и ужаса, страдания и гнева змеились внутри него.

Все навалилось на него — работа, ополчение, Ханна — весь мир рассыпался по швам.

Он должен взять себя в руки, иначе тоже развалится. Он чувствовал это внутри себя, медленное неумолимое разрушение.

Мысли о соглашении с Розамонд преследовали его. Ноа отбросил свою осторожность. Это необходимо. Они вынудили его к этому своими собственными действиями. У него не оставалось выбора.

Если у Фолл-Крика еще есть шанс на мир, это должно быть сделано.

Он должен это сделать. Одно темное дело, и тогда он сможет начать собирать мир воедино. Все встанет на свои места. Город. Ханна. Его семья.

Ноа смирился с этим. Трудно сожалеть о том, что сделано ради любви.

Он с грохотом уронил нож для хлеба на столешницу.

— Прости, если напугал тебя, дружок.

В ответ Майло промолчал. Его тонкий подбородок опустился, непокорные черные кудри скрывали черты лица.

Ноа обошел остров и наклонился поближе. Его пульс громко стучал в ушах, все тело напряглось и сжалось, как кулак.

— Я люблю тебя больше всего на свете. Ничто в мире не изменит этого. Даже если вся планета сойдет с ума, я все равно буду рядом с тобой. Я не подведу тебя. Ты понимаешь?

Майло уставился на рисунок Росомахи, словно в нем крылось его спасение.

Ноа потребовалась вся выдержка, чтобы не выхватить рисунок и не разорвать его в клочья.

— Майло! Ты меня слушаешь?

Майло кивнул.

Ноа вздохнул. Тяжесть в его груди разрослась еще на пару миллиметров.

— Что бы ни случилось, сынок, знай. Я сделал все это ради тебя.

Глава 33

Лиам

День пятьдесят третий

Лиам ждал Ноа.

Сумерки окрасили небо в оттенки индиго, несколько снежинок спиралью летели к земле.

Майк Дункан охранял баррикаду в верхней части улицы. Несколько минут назад он связался по рации с Лиамом.

— Шеф Шеридан хочет поговорить с тобой. Я не думаю, что мы сможем ему отказать. Джамал сейчас заговаривает ему зубы, пытаюсь задержать хоть на минуту, но нам придется его пропустить.

— Принято. Все в порядке. И спасибо.

Лиам прикрепил рацию к нагрудному снаряжению, отложил молоток и взял в руки М4, прислоненный к стене рядом с ним.

Он остановился в пустом доме через пять домов от дома Ханны, за поворотом дороги. Из окна спальни на втором этаже он мог наблюдать за ее домом в бинокль, оставаясь скрытым от посторонних глаз.

Если ополченцы нападут на ее дом, их ждет неприятный сюрприз.

Отсюда он мог скрыться или провести внезапную контратаку, в зависимости от ситуации.

Он также укреплял безопасную комнату в подвале. Ханне, Квинн, Молли, Майло и Шарлотте нужно будет где-то спрятаться, когда начнется стрельба.

Схватив походный фонарь, Лиам вышел из затемненной кухни на заднее крыльцо, спустился по обледенелым ступеням и поспешил через несколько дворов к дому Ханны.

Он добрался до дома раньше Ноа. Через заднюю дверь террасы он вошел в дом как раз в тот момент, когда полицейский грузовик Фолл-Крик с грохотом подъехал к дороге. Лиам перевесил М4 на грудь, взял с кухонного стола полотенце для рук и открыл входную дверь до того, как Ноа припарковал грузовик.

Двигатель выключился. С минуту Ноа сидел на водительском сиденье, глядя на Лиама через обледеневшее лобовое стекло.

Лиам смотрел в ответ. Он не боялся Ноа, но и не доверял ему.

Ноа вылез из грузовика. Он был одет в полицейскую форму, ботинки и куртку. На голове низко надвинутая на лоб кепка «Лайонз». Он шел медленно, пробираясь по снегу, как измученный человек, который дошел до последних резервов и обнаружил, что у него больше нет сил.

Ноа добрался до ступенек и остановился. Посмотрел мимо Лиама в дом.

— Она здесь?

— Они в приюте, кормят людей ужином. Ты просто разминулся с ней.

Бишоп, Рейносо, Перес и Хейс находились с Ханной, вместе с детьми, Молли и Квинн, и Призраком. Рейносо выставил охрану в приюте, и все они были при оружии.

Лиам хотел пойти с ними, но они пришли к выводу, что ему нужно держаться в тени.

Рот Ноа искривился. Что-то захлопнулось в его глазах.

— Я здесь не из-за Ханны. Я здесь из-за тебя.

— Чего ты хочешь?

— Поговорить.

— Зачем?

— Думаю, нам есть что обсудить. — Он огляделся вокруг, ища соседей. Никого поблизости не наблюдалось. Ноа вернул свое внимание к Лиаму. — Я бы спросил разрешения войти, но это мой дом.

Лиам отошел в сторону.

— Конечно.

В маленьком домике горел тусклый свет, единственным источником которого служил светодиодный походный фонарь. Окна закрывали шторы. Тяжелые тени притаились в углах. Огонь в камине потух, угли светились оранжевым светом. В доме царил холод, как в коробке со льдом.

Лиам отступил на несколько футов, чтобы освободить место для Ноа, но сам остался на открытом пространстве, не заслоненном диваном или журнальным столиком. В одной руке он держал полотенце для посуды, в другой — пистолет.

Ноа переминался с ноги на ногу и беспокойно оглядывался по сторонам. Его взгляд метался повсюду, кроме Лиамы, покрасневшие глаза казались стеклянными. Он выглядел так, будто не спал месяц, как человек, которого преследует собственный призрак.

Лиам просто наблюдал за ним.

Ноа прочистил горло.

— Мне неприятна вражда между нами. Я хочу сгладить ситуацию.

Лиам почувствовал раздражение. Для чего бы Ноа ни приехал, он не собирался заводить друзей. Лиам ничего не сказал.

Ноа сделал шаг к нему. Между ними оставалось пять футов.

— Мы на одной стороне.

— Правда?

— Мы хотим лучшего для Фолл-Крик. Для города и людей.

— Люди устали от того, что их контролирует начинающий тиран. Они хотят вернуть свою свободу.

— Свобода — это идеал, — заявил Ноа. — Это роскошь. Сейчас мы не можем себе этого позволить.

— Некоторые с этим не согласны.

Ноа нахмурился.

— Если бы люди просто подчинялись правилам, все было бы хорошо!

— Если бы они просто отдали все, что у них есть, их бы не морили насильно голодом, ты хочешь сказать? Их бы не били на улицах за то, что они сказали что-то не то или посмотрели не туда? Их еду не воровали бы прямо из их домов?

Ноа напрягся.

— Ты заявился сюда, думая, что какой-то спаситель, но это не так! По твоей вине погибли люди! И еще больше погибнет. Сейчас Саттер на взводе, и невинные люди заплатят за это!

Лиам вспыхнул.

— Тебе лучше знать.

— Все, что им следовало делать, это то, что им сказали. Вот и все! Они получали бесплатную еду, топливо и припасы! Розамонд и ополченцы спасли их. Разве ты не понимаешь? В Фолл-Крик все шло хорошо до твоего появления!

— Судя по положению вещей, я сомневаюсь в этом.

Глаза Ноа потемнели.

— Это твоя вина! Во всем! Они называют тебя террористом.

— А ты — пособник тирана.

— Я пытаюсь сохранить мир! Если бы вы, люди, просто увидели это, просто увидели разум...

Лиам стиснул зубы, сдерживая свой гнев. У него не хватало терпения на подобное дерьмо.

— Я спрошу еще раз, чего ты хочешь? Если стоять здесь и причитать, то у меня нет времени.

Тень пересекла лицо Ноа. Он начал что-то говорить, остановил себя, затем опустил взгляд в пол. Его челюсть работала беззвучно.

Лиам ждал с растущим раздражением.

— Она бросила меня, — с горечью произнес Ноа. — Но ты уже знаешь это.

— Что тебе нужно, Ноа? Почему ты здесь?

— Ты забрал ее у меня!

— Ханна способна принимать решения сама.

Ноа сильно нервничал, держался напряженно. Он ожесточенно тер лицо левой рукой. Что выглядело странно, ведь он правша. Его правая рука оставалась неподвижной на боку.

Сердцебиение Лиамы участилось. Он не двигался, не подавал вида, что что-то заметил.

— Тебе пора домой, Ноа.

— Дом там, где Ханна.

— Не для тебя.

Ноа нахмурился.

— Какой же ты герой, раз крадешь чужую жену.

— Ты ведешь себя жалко. Хорошо выпись, обними своего сына и возьми себя в руки.

Ноа слегка сдвинулся. Рукав куртки закрывал его правую руку. Только пальцы торчали наружу. Не пальцы — костяшки. Он что-то держал.

Инстинктивно Лиам перешел в боевую стойку. Слегка согнутые колени, вес сосредоточен на бедрах, левая нога слегка выдвинута вперед. Его тело наклонилось, чтобы на него нельзя было навалиться.

— Я знаю, что ты задумал, — с отвращением прорычал Лиам. — Уходи отсюда, пока я тебя не убил.

Цвет лица Ноа стал болезненно бледным. На лбу выступили бисеринки пота.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь!

— Ты пришел сюда, чтобы убить меня.

Ноа сделал шаг к нему, его движения стали быстрыми и резкими.

— Нет, я бы не...

Лиам посмотрел на него тяжелым взглядом.

— Нет? Значит, у тебя нет ножа, спрятанного в рукаве куртки?

С яростным рыком Ноа бросился на Лиаму.

Глава 34

Лиам

День пятьдесят третий

Ноа бросился на него, зажав в руке спрятанный нож.

На волне адреналина Лиам сделал шаг влево, нанося сильный удар рукой. Он использовал край правой руки, чтобы перенаправить нож Ноа в сторону от своего тела.

Схватив верхнюю часть рукоятки ножа Ноа, он просунул большой палец под его запястье, создав точку опоры. Согнул запястье внутрь и рывком вывел Ноа из равновесия, выкручивая руку с ножом вниз и назад.

Обычно Лиам наклонял корпус, чтобы еще больше вывести цель из равновесия. Используя импульс движения вперед, он вогнал бы нож под грудную кость врага в сердце.

Вместо этого он вывернул запястье Ноа так сильно назад, что тот вскрикнул и выронил нож. Он упал на ковер. Лиам отбросил нож ногой. Он отпустил Шеридана и отошел назад.

Ноа упал на спину, застонав от боли в вывернутом запястье. Затем резко выпрямился и потянулся за пистолетом.

Он едва успел взять его в руку, как Лиам отшвырнул пистолет в сторону. Тот пронесся по ковру и упал куда-то под журнальный столик.

Ноа снова бросился на Лиам. Лиам легко парировал его руки и нанес удар локтем в лицо Ноа. Удар рассек ему верхнюю губу и выбил несколько зубов.

Ноа пошатнулся, кровь хлынула из его носа и рта.

— Ты уже закончил? — спросил Лиам.

Ноа взревел и снова бросился на Лиам, обрушив на него ливень ударов. Ноа сделал дикий замах, от которого Лиам легко уклонился. Прежде чем Ноа смог восстановить равновесие, Лиам шагнул вперед, согнул руку и ударил его под подбородок острием локтя.

Голова Ноа откинулась назад. Его руки метнулись к горлу. Лиам мог бы нанести удар, разрывающий дыхательные пути, но предпочел нанести мощный удар в живот.

Задышавшись от боли, Ноа медленно и неуклюже опустился на колени. Он так и остался стоять на коленях перед Лиамом, склонив голову. Его плечи опустились в знак поражения.

Лиам быстро обыскал его, затем уставился в упор, с трудом подавляя отвращение. Горячий гнев пронесся по телу, как электрический ток.

— Я должен убить тебя. У меня есть полное право.

Ноа не мог даже смотреть на него. Он выглядел ничтожным, слабым, жалким человеком.

Лиам боролся с желанием покончить с ним, здесь и сейчас. Все в его подготовке призывало это сделать. Все, кроме его сердца.

Ради Ханны Лиам сдержался.

Как бы ему ни хотелось, он не стал бы убивать мужа женщины, которую любил. Он не стал бы убивать отца ее ребенка.

Он знал, что Ханна никогда не сможет смириться с этим. Даже если она захочет, даже если простит его. Это всегда будет присутствовать между ними — тень, призрак, темная и уродливая вещь, которая не умрет.

Стиснув зубы, он ткнул пальцем в сторону трусящего Ноа.

— Уползай, как пес, поджавший хвост. Хотя беру свои слова обратно. В правой лапе Призрака больше чести, чем во всем твоём теле.

Ноа, пошатываясь, поднялся на ноги. Он смахнул кровь с разбитой губы и уставился на свои забрызганные кровью руки, словно они ему не принадлежали.

— Мне жаль, — прошептал он. — Я не хотел этого.

— Хотел, — прорычал Лиам. — А теперь убирайся с глаз моих долой.

Глава 35

Розамонд

День пятьдесят третий

Розамонд чувствовала, как ее железный контроль ускользает.

Ноа ее подвел. Сегодня вечером он планировал убить Лиама Коулмана.

Она только что говорила с ним по радию. Его попытка не увенчалась успехом.

Он поклялся, что попытается снова, но вряд ли ему удастся подобраться достаточно близко, чтобы увидеть солдата, не говоря уже о его ликвидации.

Она стояла перед окном своего кабинета, зажав в руках небольшой предмет, и смотрела сквозь стекло в ночь. Деревья не шевелились, луна наполовину скрыта лентами темных облаков.

Позади нее на столе стояла наполовину пустая бутылка шардоне, а рядом с ней — пустая чашка. Все лампы в доме горели, что мешало разглядеть улицу. Прямоугольник желтого света тянулся через снег.

Ужин состоял из стейка, картофельного пюре с подливкой и нескольких бокалов красного вина под музыку Баха на одном из старых CD-плееров, которые раздобыл Саттер.

Если бы только она могла наслаждаться ужином. Вместо этого она едва попробовала еду, едва услышала музыку.

Она не могла перестать думать о той ночи много лет назад. В тот вечер Розамонд наконец узнала, кто она, на что способна и на что готова пойти, чтобы получить желаемое.

Большинство людей не считали себя способными на убийство.

Она знала то, что люди не хотели признаваться себе — что каждый из них способен буквально на все. Но только если достаточно сильно этого захотеть.

Она помнила, как стояла на коленях на холодном кафеле, как в ее дрожащих руках блеснул окровавленный нож, а на полу рядом с ней распростерлось тело. Как адреналин и страх захлестнули ее, от чего сильно закружилась голова.

Ее испугал шум. Повернувшись, она увидела сына, стоявшего в коридоре и наблюдавшего за ней, за всем происходящим.

Худые руки семилетнего Гэвина свисали по бокам, три пальца на левой руке были забинтованы. Кэлу нравилось причинять боль всем, кто оказывался слабее его.

Они не пошли к врачу. Они никогда не ходили к врачу.

Лицо Гэвина не выражало ничего, рот представлял собой тонкую красную линию. Он не проявлял никаких эмоций. Ни страха, ни печали. Ничего.

Розамонд не знала, как долго он стоял там. Наверное, он видел, как его отец повалил ее на пол и начал душить. Видел, как она сопротивлялась, вонзая кухонный нож между ребер Кэла Пайка и ввинчивая его в его легкие. Как тот хрипел, барахтаясь на полу кухни, словно умирающая рыба.

Они никогда не говорили об этом — ни в ту ночь, ни после.

Гэвин подошел и встал рядом с ней. Он взял нож из ее рук и завернул его в посудное полотенце. «Я закопаю его», — сказал он без слез и театральности. Вот так просто.

Тело они тоже похоронили, глубоко в лесу на своем участке в двадцать акров. Возможно, оно все еще там — груды пожелтевших костей, все, что осталось от монстра, который терроризировал ее восемь лет.

Розамонд отвернулась от окна и посмотрела на книжный шкаф, ее взгляд остановился

на фотографии в рамке, рядом с которой лежал сверкающий револьвер.

С той ночи ее никто не запугивал. Даже жесткий, наводящий страх диктатор-отец. Она оставила его позади, как оставляла мужей и любовников, которые приходили после.

Отец Джулиана был слабым человеком. Угрюмый, симпатичный музыкант, который и пальцем не посмел бы прикоснуться к ней. Чтобы избавиться от него, не потребовалось насилия. Когда она устала от него и выгнала, он уехал на какой-то музыкальный фестиваль на западе и больше не вернулся.

Она так и не взяла фамилию музыканта, вернувшись к своей девичьей фамилии для себя и Джулиана. После этого она не нуждалась в мужчинах и не хотела их. У нее были сыновья.

Она решила стать хозяйкой своей жизни, стать лучше всех и каждого, кто попадался ей на пути. Ей это удалось.

Она воспитала своих сыновей в том же духе, внушив им, что мир принадлежит им по праву. Чтобы получить власть, богатство и влияние, нужно хотеть этого больше, чем все остальные.

Вы должны быть готовы сделать больше, чем кто-либо другой, чтобы получить желаемое.

Сила заключается в контроле. И Кэл, и ее отец научили Розамонд этому. Уроки дались ей нелегко, но она их усвоила.

В первую очередь, властвуй над другими. Никогда не сгибайся, никогда не ломайся. Будь лучше своих врагов и друзей — сильнее, умнее, хитрее и коварнее.

К сожалению, сыновья не унаследовали ни ее амбиций, ни неутомимого стремления.

Джулиана больше прельщали удовольствия, чем накопление власти. Он был вспыльчив, склонен к ревности и раздражительности, а не к действиям. Он хотел благ, не прилагая усилий, чтобы их заработать.

Она любила его, как любая мать любит своих детей, но не пыталась скрыть своего крайнего разочарования в нем.

Гэвин был по-своему целеустремленным. Опытный, упорный охотник, который делал все, что она от него требовала, и многое, чего она не просила.

Он был тем, кем был. И она любила его за это.

Со страшной болью Розамонд вспомнила цветы, которые он всегда приносил ей — букет белых лилий. В ней вспыхнули гнев и печаль. Его уход оставил в ее сердце дыру, которую никогда не заполнить.

Она загнала печаль куда-то вглубь и сосредоточилась на текущей задаче. Взглянула на громоздкий спутниковый телефон в своей руке.

Лайл Томлин все-таки справился. Он поклялся, что сохранил его в тайне от Саттера. Никто не знал, что телефон у нее. Никто не знал, с кем она связывается и зачем.

Тревога закрутилась внутри нее, порождая сомнения, как змея, пожирающая свой собственный хвост.

Как только она позвонит, пути назад уже не будет. Нельзя положить червей обратно в банку, а зубную пасту — в тубик.

Саттер не смог выполнить работу. Ноа не справился. Ополчения больше недостаточно.

Проблема теперь не ограничивалась одним человеком. Силы Саттера сокращались. Восемь человек погибли в засаде. Один ранен в плечо, двое ранены во время бунта, но они еще держались на ногах. Остался сорок один человек.

Ей нужен кто-то сильный, чтобы защитить «Винтер Хейвен». Кто-то сильный и

опасный. Гораздо опаснее, чем Маттиас Саттер и его отмороженная банда бойцов. Возможно, опаснее, чем она сама.

Если она потеряет «Винтер Хейвен», значит, ее сыновья погибли напрасно. Ради этого стоило пережить все, что будет дальше.

Розамонд подняла трубку и набрала номер, который давно запомнила. Один гудок, два гудка, три гудка.

Ее ладони скользили по корпусу. Она расправила плечи и подняла подбородок. Шесть гудков. Семь.

Может быть, это ошибка. Может, ей следует просто...

Телефон щелкнул.

— Алло?

Глава 36

Ханна

День пятьдесят четвертый

Ханна провела день в приюте вместе с Молли, Квинн, Бишопом и Призраком. У Бишопа нашлась последняя канистра бензина, которой хватило для заправки «Оранж Джулиуса» еще на несколько миль.

В приюте они дали Аннет Кинг передохнуть, пока кормили всех обедом из тушеного чили, жареного риса, консервированной зеленой фасоли и консервированных груш.

Верный своему слову, Бишоп принес пожертвованную еду в приют. Люди предположили, что это остатки пищи из кладовой Кроссвей. Бишоп решил не разубеждать их в этом.

Ханна понимала необходимость секретности. С трудом заработанная Молли зачка исчезла бы через несколько недель, если бы они использовали ее, чтобы накормить всех. Но сегодня вечером, появившиеся улыбки на изможденных лицах горожан стоили потраченных средств.

Закончив с обедом, они несколько часов играли с детьми. Квинн носил Шарлотту на руках, а Ханна устроила импровизированный урок музыки с несколькими скрипками, флейтами и укулеле, которые Аннет собрала в оркестровом зале.

Детям музыкальный урок очень понравился. Некоторые взрослые тоже увлеклись: стали подпевать, хлопать в ладоши и топтать ногами.

Все соскучились по музыке до глубины души. Эту потерю трудно выразить словами или количественно, но она все равно остро ощущалась. Ханна наблюдала как оживились люди при звуках музыки, словно зажглась искра света в их пустых взглядах.

Призрак, как обычно, стал главной звездой шоу. Он стоял в центре толпы восторженных детей, как царственный принц, терпеливо сносящий ухаживания обожающей его публики.

Призрак вернул этих детей к жизни. Они гладили его, обнимали, ласкали его мягкий мех и хихикали, когда он нежно тыкался носом в их лица.

Бедная Аннет совсем измучилась. Она практически в одиночку поддерживала работу приюта. Кроме того, она заботилась о полудюжине детей, потерявших родителей после катастрофы.

Она не говорила об этом, но один взгляд сказал Ханне, что Аннет близка к своему пределу. Всего одна женщина, но смогла сделать так много.

Ханна подумала о том, что стоит организовать сменный график помощников для нее. И

сделала мысленную пометку, что нужно чаще приглашать Призрака и добавить в расписание музыкальные занятия.

А еще лучше — вытащить людей из унылого, переполненного приюта в настоящие дома, чтобы они начали шевелиться, искать самостоятельно варианты как себя обеспечить, строить планы на будущее, за которое стоит держаться.

Слишком многие из них все еще сидели и ждали, когда мир вернется в нормальное состояние. Сколько бы им ни говорили, они все еще не могли поверить, что в обозримом будущем их прежняя жизнь закончилась.

Однако это вовсе не конец света. Американцы не обречены на жалкую жизнь, полную рутины и простого выживания. Они могли процветать. Они могли вернуть мир, но должны сами быть готовы работать для этого. Сражаться, проливать кровь и бороться за лучшее будущее.

Она не видела этого упорства на лицах большинства из них. Впрочем, это не означало, что они не смогут добиться успеха. Она верила, что они справятся — со временем, упорным трудом и надеждой.

Ханна и остальные только что вернулись из приюта, когда Лиам по рации созвал импровизированное экстренное совещание. Он не сказал, по какому поводу; только отметил, что это важно.

Они встретились на заднем дворе Молли рядом с сараем, где Лиам пополнял растущую кучу дров. Шарлотта лежала пристегнутая в переноске. Она заснула, утомленная всеми событиями в приюте.

Рейносо, Перес и Хейс по-прежнему работали в полицейском управлении. Майк Дункан и его сын охраняли баррикаду в начале Тэнглюуд-драйв, а Дейв занимался радиосвязью.

Бишоп закончил патрулировать окрестности по периметру и вышел из леса навстречу им с винтовкой в руках.

Призрак наострил уши, приподнял холку, пока рысью не подошел и лично не осмотрел Бишопа, а затем одобрительно зафыркал. Бишоп почесал ему под подбородком.

— Ты что-нибудь заметил? — спросил Лиам.

— Час назад мужчина и пара подростков крались вокруг сарая Путмана. Я выстрелил им под ноги и спугнул их. Двое ополченцев, которых мы обнаружили позавчера вечером, осматривающих дом Ханна, вернулись сегодня утром. Они отступили, как только я приблизился. Я так и не смог разглядеть их лица.

— Долго они не будут отступать.

— Нет, — мрачно согласился Бишоп. — Не будут.

— Что за жуткие новости, Росомаха? — нетерпеливо спросила Квинн.

— Ноа. — По выражению лица Лиам ничего не удалось понять, но Ханна могла сказать, что что-то не так. Его широкие плечи заметно напряглись, одна рука лежала на перевязи М4, костяшки пальцев побелели.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Квинн. — Он в порядке? Ополченцы что-то с ним сделали? Он ранен?

— Не совсем. — В коротких, отрывистых фразах Лиам объяснил, что произошло. Как Ноа сначала пытался завоевать доверие Лиам, затем повздорил с ним и, наконец, напал на него.

Сердце Ханна замирало с каждым словом. Она чувствовала тошноту, гнев и ужас, и, наконец, глубокое разочарование.

Она встретила взгляд Лиама. Его серо-голубые глаза смотрели на нее мрачно. Ханна попыталась прочесть ответ на свой вопрос еще до того, как задала его, но он ничем не выдал себя.

— Он мертв?

Все молча ждали ответа. Птицы щебетали на деревьях. В хрупком подлеске пробежала белка. Порыв ветра растрепал волосы Ханна. Она вздрогнула и посмотрела вверх. Небо, затянутое серыми облаками, потемнело, превратившись в сплошное пятно.

— Нет, — ответил Лиам. — Я прогнал его.

Облегчение затопило Ханну. Не из-за Ноа, не из-за нее самой, а из-за Майло. Она сделала шаг назад и привалилась к куче дров, ее ноги внезапно ослабли.

Квинн покачала головой.

— Это не имеет смысла. Это должно быть просто ошибка.

— Он опасен, — добавил Лиам. — Ему нельзя доверять.

Бишоп ходил по кругу и теребил рукой свое афро.

— Ох, Ноа. Я не хотел верить, что он способен на такое. Знал, что он с ними заодно, что его все глубже затягивает в их безумие, но все же...

Как Ноа мог решиться на такое? Ханна не могла этого понять.

И все же, это правда. Люди ежедневно совершали шокирующие поступки. Если они испытывали достаточно ненависти, злости, отчаяния.

Человеческое сердце представляло собой глубокий колодец, непостижимый и непознаваемый, иногда даже для тебя самого.

— Почему? — с недоумением спросила Квинн. — Зачем он это сделал? Почему он пытался убить тебя?

Лиам ничего не сказал. Он бросил вопросительный взгляд на Ханну.

— Вероятно, Розамонд попросила его об этом, — произнесла Ханна.

В глазах Квинн появилось понимание.

— Потому что Розамонд считает, что Лиам убил Гэвина Пайка, и она хочет отомстить. Она подумала, что Ноа сможет подобраться к Лиаму достаточно близко, чтобы сделать это.

— Это вероятная причина, да.

Квинн перевела взгляд с Лиама на Ханну и обратно на Лиама. Ее глаза сузились.

— И он тоже винит тебя. За то, что Ханна здесь, а не с ним. Ноа ревнует.

— Ревность не слишком хорошая причина, чтобы убивать кого-то, — заявила Молли. — Почитай Шекспира. Люди всегда пожирают то, что сеют. Это никогда не заканчивается хорошо.

— Ничто в Шекспире не заканчивается хорошо. — Квинн нахмурилась и принялась теребить кольцо в губе. — Он просто сошел с ума от потери, как Отелло. Или Макбет. Или Гамлет. Ноа больше так не поступит.

— Квинн, — произнесла Молли с нежностью, которая удивила Ханну.

Обычно она держалась с внучкой очень сурово и язвительно, но Квинн отвечала ей тем же. Так они выражали свою привязанность. Никто не сомневался в их преданности друг другу.

— Что? — ответила Квинн, вздернув подбородок. — Люди совершают ошибки. Они эмоциональны. И что?

— Это другое, — возразила Молли.

— Он же Ноа Коп! Он отец Майло! Ты не можешь стоять здесь и так говорить о нем

Как будто он заслуживает... как будто он должен быть... — Она сглотнула, яростно моргая. — Он наш друг!

— Все души можно спасти, — произнес Бишоп. — Я верю в это. Я до сих пор в это верю.

Как Ханна хотела, чтобы Бишоп оказался прав. Что до Ноа еще можно достучаться, можно спасти. Но когда он попытался убить Лиама, он прошел точку невозврата, по крайней мере, для нее. Некоторые поступки не могут быть прощены.

Грудь Ханны сжалась. Ее сердце болело от грусти, сожаления и сочувствия. Когда-то она любила этого человека, родила от него ребенка, строила жизнь. Но это ничего не меняло.

Ноа сделал свой выбор. Теперь Ханна должна сделать свой.

— Вот видишь? — воскликнула Квинн.

Бишоп тяжело вздохнул.

— Я также верю, что некоторые сердца настолько ожесточаются, что в них не остается человечности. Они не хотят быть спасенными.

— Только не он! — закричала Квинн. — Ты ошибаешься!

— Квинн... — проговорила Молли.

— Замолчите! Просто заткнитесь все! — Квинн повернулась и побежала к дому, опустив голову, ее голубые волосы развевались позади нее, а руки были сжаты в кулаки.

— Квинн! — Ханна позвала ее, но девушки уже и след простыл.

Глава 37

Ханна

День пятьдесят четвертый

Молли выругалась. Она виновато посмотрела на Бишопу.

— Простите, пастор.

— Не нужно извиняться, — отозвался Бишоп. — Бог понимает наши сердца. Это тяжело для нее и для нас. Мы все переживаем за Ноа.

— Ей шестнадцать лет, — добавила Ханна. — Мы должны сделать скидку на ее возраст, позволить горевать на ее собственных условиях. Она ведет себя старше, чем есть, но она все еще ребенок. Ребенок с разбитым сердцем.

— Эту девочку подвел практически каждый взрослый в ее жизни. — Глаза Молли увлажнились, на ее лице проступило сожаление. — Отец бросил ее, когда она была еще ребенком. Моя дочь оказалась ужасной родительницей. А ее черед дрянных бойфрендов и того хуже. Мы с мужем пытались быть рядом с Квинн, заменить то, что она потеряла. Боюсь, что этого слишком мало. У нее в сердце дыра размером с Техас, дыра, которую она пытается заполнить с самого детства.

— Ноа спустил их с того ужасного подъемника из самого ада. Он был там, когда умер ее дедушка. Ноа уважал Квинн и относился к ней как к другу. Он стал для нее тем самым отцом, которого она так долго искала. Это ей очень помогало. Он был ей очень нужен.

Сердце Ханны разрывалось от боли за Квинн. Ей хотелось броситься за ней и подхватить на руки. А еще ей хотелось свернуть шею Ноа.

Молли сердито покачала головой.

— Будь он проклят за то, что подвел ее. Будь он проклят!

Бишоп положил свою большую руку на плечо Молли.

— Мы все хотим, чтобы все сложилось иначе, чем есть. Все, что я могу сказать, это то, что Бог знает конец его истории. Мы не знаем. Может быть, все сложится совсем не так, как мы думаем.

— Нет ни малейшей разницы, что знает Бог, — прокомментировал Лиам. — Ноа Шеридан больше не ступит на эту улицу. Несмотря ни на что.

Бишоп кивнул.

— Согласен.

— Введи всех в курс дела, — сказал Лиам. — Он может быть начальником полиции, но Шеридан прочно сидит на поводке Розамонд и Саттера.

Ханна отошла от группы, рассеянно потирая больную руку. Неправильно сросшиеся суставы пульсировали. Небо окрасилось в ровный серый цвет, тоскливый и холодный. Темные тучи обещали осадки. В непогоду рука всегда болела сильнее.

— Ханна. — Лиам подошел к ней. Он пристально смотрел на нее, нахмутив брови, в глазах светилась озабоченность и, возможно, намек на чувство вины.

— Спасибо, что не убил его, — тихо проговорила она. — Я знаю, что он заслужил это. Ты был в своем праве сделать все, что считал нужным.

Лиам вздохнул с облегчением.

— Я не могу ничего обещать. Когда начнутся стычки...

Ей было больно произносить эти слова, но их нужно сказать.

— Он выбрал свою сторону. Что случится, то случится.

Лиам кивнул. Он шагнул ближе, и Ханна сразу почувствовала его присутствие, его силу.

— Мне жаль, Ханна.

— Не стоит.

Она подумала о Майло, и ее желудок сжался. Сын застрял в «Винтер Хейвене» без нее. Хотя это разбило ей сердце, она оставила его с Ноа, потому что верила, что с отцом он в безопасности.

Это больше не казалось правдой.

— В чем дело?

Ханна подняла на него глаза, борясь со страхом и тревогой, когтями, впивающимися в ее грудь.

— Майло.

Его лицо помрачнело.

— Ему не причинят вреда, я позабочусь об этом. Я пойду за ним. Только скажи.

— Он не поймет. О своем отце. О том, почему мы должны забрать его от Ноа.

— Он ребенок. Твоя задача — защищать его, независимо от того, понимает он или нет.

В конце концов, Майло все поймет.

Ханна втянула воздух, успокаиваясь.

— Ты прав. Хорошо. Давай его заберем.

Лиам натянуто улыбнулся ей.

— Я сделаю это сегодня вечером.

Она не смогла улыбнуться в ответ. Над ними словно сгущались тени. Угроза насилия висела над Фолл-Крик, как грозовая туча. Ее можно было увидеть, почувствовать, знать, что она приближается, но ничего невозможно сделать, чтобы это остановить.

Все, что оставалось — это встретиться ее лицом к лицу и молиться, чтобы те, кого они любили больше всего, выжили.

Призрак вскочил на ноги, из глубины его груди вырвался низкий рык.

Лиам сузил глаза. Он медленно повернулся и принялся.

— Что это? — спросила Ханна.

— Что-то горит.

Он не ошибся. В воздухе витал запах гари. Небо затянуло дымкой, особенно на севере, над крышами домов.

Призрак оглянулся через плечо на Ханну, а затем снова повернулся к северу, его морда уставилась в это удивительно серое небо. Шерсть на его позвоночнике зашевелилась. Он беспокойно тьякнул.

Ханна напряглась, положив руку на «Ругер» в кармане куртки.

— Что-то не так. Призрак чувствует это.

Лиам схватил свой М4 и направился к дому, двигаясь быстро и целеустремленно.

— Проверь периметр, — велел он Бишопу.

— Понял. — Бишоп развернулся и трусцой побежал к опушке леса, выбирая круглой путь, чтобы обогнуть соседский забор.

Призрак оставался рядом с Ханной, но при этом разочарованно пыхтел, как будто ему хотелось побежать вперед с Лиамом, чтобы провести расследование. Он ткнулся мордой в ее бедро, чтобы поторопить.

Задняя дверь дома Молли с грохотом распахнулась. Квинн высунула голову.

— Ребята! В городе что-то происходит!

Отсюда они не могли этого видеть. Дома закрывали им вид на север. Шарлотта проснулась, заерзала в своей переноске и разразилась голодным плачем. Ханна погладила малышку по спине, чтобы успокоить ее, и поспешила за Лиамом.

Они обогнули угол дома. Квинн стояла на переднем дворе с биноклем и смотрела на север. Лиам уже находился рядом с ней.

Ужас сковал грудь Ханны, кровь в венах застыла. Через дорогу, над деревьями и домами, в небо поднимался огромный столб черного дыма.

— Пожар! — воскликнула Квинн.

Глава 38

Лиам

День пятьдесят четвертый

Линия горизонта угрожающе потемнела, когда дым окутал надвигающиеся с запада грозные тучи.

Лиам потянулся к рации.

— Рейносо, мы видим дым в городе.

Рация затрещала.

— Школа горит! — прокричал Рейносо. — По главной улице вспыхнули несколько пожаров, а в распределительном центре хранятся запасы продовольствия всего города. Это все, что у нас есть!

— А что с часовыми, которых мы там поставили?

— Им перерезали горло. Они были хорошими людьми, но не солдатами и вообще никак не обучались. Может быть, они заснули, я не знаю. Кто-то подкрался и расправился с ними. Это точно сделали намеренно.

Лиам выругался, его охватил гнев.

— Ополченцы. Это мечь.

Как он и предполагал, они начали с того, что принесет наибольший ущерб. Стоит лишить их еды, и бойцы не смогут долго сражаться. Женщины и дети тоже умрут от голода.

Саттер уже доказал, что ему наплевать на все правила ведения боя. Если уничтожение всех запасов продовольствия в городе давало ему преимущество, то какое ему дело до каких-то там правил? У ополченцев достаточно еды, и они готовы убивать, чтобы получить больше.

— Мы должны потушить пожар, — проговорила Ханна. — Вся эта еда...

Бишоп выбежал из-за угла дома, направляясь к «Оранж Джулиусу».

— Поехали!

— Собирайте всех! — приказал Лиам в рацию. — Людей, чтобы тушить огонь, и людей, чтобы сражаться. Это не просто подлянка для Фолл-Крика. Там может быть ловушка.

— Уже занимаемся, — отозвался Рейносо.

Лиам выключил рацию и повернулся к Ханне, Квинн и Молли.

— Вы должны остаться здесь.

Молли хлопнула по своему «Моссбергу».

— Ты шутишь, крутой парень? Мы не беспомощны.

— Мы в деле, — яростно проговорила Квинн. — Мы ни за что не позволим сжечь наш город.

Ханна, извиняясь, улыбнулась ему.

— Если они идут, то и мы тоже.

Призрак одобрительно фыркнул.

Лиам не ожидал ничего другого. Он указал на «Оранж Джулиус».

— Тогда хватит болтать. Садитесь в этот чертов грузовик.

Все забрались в машину: Лиам и Бишоп впереди, Ханна с Шарлоттой, Молли и Квинн сзади. Призрак почувствовал напряжение и следовал за Ханной по пятам. Он запрыгнул на сиденье грузовика, поджав хвост, и лаял на темнеющее небо.

Пока они ехали несколько миль до города, грузовик дребезжал и грохотал. Справа за окнами промелькнули покосившиеся дома трейлерного парка, слева — поля с посевами и пастбища, потом мост и заброшенный блокпост.

Ополченцы исчезли — ни патрулей вдоль Главной улицы, ни вооруженных людей, сгрудившихся на каждом углу. По мере их приближения дым становился все гуще, неприятно щипля ноздри.

Горели фасады продуктового магазина, пиццерии и закусочной Пэтси. Десятки людей бегали вокруг, неистово крича и вопя, зачерпывая снег ведрами и лопатами и бросая в огонь все, что могли.

Лиам не сбавлял темпа. Здания могли как уцелеть, так и сгореть до тла. В любом случае, в них не хранилось ничего важного. Пожар вряд ли распространится, если только не поднимется ветер.

Они проехали мимо старого здания суда с белыми колоннами, похожего на древнегреческий храм, и повернули направо на единственном в городе светофоре. Школьный комплекс располагался по левую сторону дороги, широкие полосы грязно-коричневого снега покрывали бейсбольное и футбольное поля.

Начальная школа стояла нетронутой. Дальше по дороге старшая школа тоже выглядела в порядке.

Средняя школа находилась в центре комплекса между зданиями начальной и старшей

школы. Она горела как факел. Пламя плясало по крыше и вырывалось из разбитых окон на первом и втором этажах.

В пятидесяти ярдах от школы Лиам притормозил у обочины за грузовиком доставки продуктов, который разграбили еще несколько недель назад. Он не хотел, чтобы его увидели.

Все вылезли и захлопнули двери. Призрак выпрыгнул из грузовика и рысью побежал к Ханне.

Бишоп подошел к нему с биноклем, AR-15 висел на перевязи у него на груди. Лиам связался по рации с Рейносо, затем поднял вверх сомкнутый кулак, велел остальным подождать, пока он оценит обстановку.

Он отстегнул прицел, поднес M4 к плечу и настороженно осмотрел окрестности. Просканировал перекресток, бейсбольные поля, прошелся взглядом по начальной и средней школе, проверяя окна, двери и крыши.

Около пятидесяти человек из приюта столпились перед средней школой возле флагштока, указывая на него и крича в тревоге. Но на каждого человека, стоявшего и наблюдавшего за происходящим, приходилось двое, которые пытались бороться с огнем.

Горожане использовали все, что могли, чтобы сбрасывать снег и воду на пламя. Некоторые использовали большие пятигаллоновые ведра для уборных. Другие зачерпывали снег кастрюлями и сковородками, молочными кувшинами с отрезанными верхушками и большими ведрами. Они закрывали носы и рты тем, что было у них на руках: рубашками, банданами и шарфами.

Из-за жара огня они не могли подойти достаточно близко, чтобы принести пользу.

На другой стороне улицы Рейносо и Перес появились из-за угла и бегом направились к ним. Бишоп закрыл глаза и склонил голову в быстрой молитве.

— Господи, помилуй нас.

Лиам принял бы все молитвы, но он предпочитал действовать.

— Пожарные сейчас бы точно не помешали, — заметила Молли. — Жаль, что ополченцы выкачали весь бензин из пожарной машины для себя.

Фолл-Крик делил с соседним поселком небольшое отделение из трех человек с одним грузовиком. Ополченцы забрали с собой все оборудование — кислородные баллоны, костюмы, маски и шланги.

— Розамонд все равно бы не прислала их, — возразил Рейносо, и в его голосе слышался гнев. Лиам никогда не видел Рейносо рассерженным. Обычно тот оставался невозмутимым, как скала. — Это ее идея. Или, по крайней мере, с ее благословения.

— Что же нам делать? — воскликнула Квинн. — Мы не можем просто стоять здесь!

— Все сосредоточили свои усилия на расчистке пути к кафетерии, — сообщила Перес. — Именно там находятся припасы. Забудьте о здании — нужно спасти еду.

— Где Ноа? — спросила Квинн.

Рейносо нахмурился.

— Розамонд приказала ему тушить пожар во «Френдли». Они не хотят, чтобы он появлялся здесь сейчас.

Перес покачала головой.

— И он просто согласился, не задавая вопросов. Такой вот шеф полиции. Я скучаю по Бриггсу. Он был занозой в заднице, но у него хотя бы были мозги. Он бы никогда не позволил этому случиться.

— Как ты и просил, я обеспечил охрану, — отчитался Рейносо. — Труитт и Хейс

организуют новых добровольцев, чтобы они следили за окружающими зданиями.

Если верить Коринне Маршалл, двадцать один житель города согласился дежурить на блокпостах, помогать в патрулировании и сражаться, если потребуются, чтобы защитить Фолл-Крик. Двадцать один — не так уж много, но это намного лучше, чем ни одного. Если, конечно, они действительно появятся.

Лиам охватило беспокойство, но он кивнул.

— Мы присоединимся к вам.

Он постоянно вертел головой, осматривая окна в пустых зданиях на другой стороне улицы, ища движение, блеск винтовочного ствола, любой признак врагов.

Квинн протиснулась мимо Лиам и Бишопа.

— Хватит болтать!

Призрак гавкнул в знак согласия и помчался вперед.

Ханна последовала за Квинн.

— Позаботься об ополчении, — бросила она через плечо. — А мы поможем спасти припасы.

Глава 39

Лиам

День пятьдесят четвертый

Лиам пробрался к переднему бамперу грузовика, постоянно сканируя местность на предмет угрозы.

Ледяной ветер выл, растрепывая его волосы и одежду. Воздух словно напитался электрическим зарядом, электроны искрились друг о друга, сжимаясь все плотнее и плотнее.

Вот-вот начнется снежная буря. Остается надеяться, что она потушит этот проклятый пожар.

Стоя на коленях, он осмотрел здания через дорогу через прицел — парикмахерскую, стоматологию и небольшое одноэтажное почтовое отделение.

Его взгляд зацепился за что-то. Отблеск в затемненном окне второго этажа.

Он напрягся и поднял свой М4.

— Враг на четыре часа. Сорок ярдов. Возможно, снайпер.

Бишоп повернулся, уже поднимая AR-15 к плечу. Перес опустилась в оборонительную позицию возле пассажирской двери и поводила дробовиком из стороны в сторону.

Рейносо опустился на колени у задней части грузовика и заглянул за крыло.

— В окне над парикмахерской наблюдаю движение. Похоже, у нас два возможных снайпера. А может, и больше.

Рация затрещала.

— Это Молл. По крайней мере шесть ополченцев зашли в начальную школу менее десяти минут назад.

— Они собираются открыть огонь по людям, — ужаснулась Перес.

Страх прошиб Лиам как неожиданный удар в живот. Кровь бросилась в уши, когда он мысленно представил себе эту сцену. Два снайпера на другой стороне улицы, спрятавшиеся на вторых этажах соседних зданий с удобными для стрельбы позициями. Еще шестеро — в начальной школе, примыкающей к распределительному центру.

Между двумя зданиями школы раскинулись открытые поля. Кроме нескольких металлических и бетонных конструкций на игровой площадке, нет практически никаких

укрытий.

Снайперы могли уничтожить сотни невинных людей за несколько минут. Им будет просто некуда бежать. Ханна сейчас тоже там. И маленькая Шарлотта. И Квинн.

— Мы должны их остановить, — отчеканил Лиам.

— Будем считать, что все ополченцы настроены враждебно, — без колебаний заявил Рейносо. — Уничтожим их.

— Принято, — отозвался Труитт. — Мы идем внутрь.

Рейносо выключил рацию, когда Лиам обратился к Бишопу.

— Мы снимем снайпера в стоматологии.

Рейносо дернул подбородком в сторону Перес.

— А мы займемся вторым.

Пригнувшись, Рейносо и Перес быстро обогнули здания, чтобы проникнуть в парикмахерскую с тыла.

Лиам следил за ними, посматривая влево и вправо через оптику. Когда они скрылись за углом, он изучил расположенный на втором этаже стоматологический кабинет на возможность подхода.

Входная дверь уцелела, но большие витражные окна по обе стороны оказались разбиты. Боковых окон и дверей не имелось.

Лиам ожидал, что ополченцы оставят на первом этаже дозорных. Но их внимание, скорее всего, приковано к горящей школе и выбору целей.

Он указал в сторону входа; Бишоп кивнул. Лиам заставил себя подавить нарастающую панику, страх за Ханну и остальных. Необходимо сконцентрироваться на первостепенной задаче, в противном случае ему грозила смерть.

Лиам пригнулся, поднял оружие и бросился через двадцать ярдов открытого пространства к ближайшей стороне стоматологии. Присевший на корточки возле грузовика Бишоп его прикрывал.

Лиам достиг здания, прижался к стене, оглянулся назад, затем жестом велел Бишопу следовать за ним.

Пастор проскочил через двор, удивительно быстро для своих внушительных размеров, и расположился позади Лиамы. Они замерли, прислушиваясь к доносящемуся реву огня вперемешку с криками и воплями людей.

Не услышав ничего подозрительного, они двинулись вдоль внешней стены к входу. Лиам завернул за угол, держа наготове М4.

Изнутри послышалось ворчание. Что-то заскрежетало, как будто стул отодвинули назад. А затем из окна наверху раздался шквал выстрелов.

Глава 40

Квинн

День пятьдесят четвертый

Квинн и остальные встретились с директором Кинг и Шеном Ли, медбратом, возле ближайшей к игровой площадке стороны школы.

Директор школы знала, где что находится, поэтому она руководила спасательными работами, а Ли организовал тушение пожара.

Несколько подростков и молодых людей вызвались войти в школу, чтобы забрать и вынести коробки с едой. Рядом образовалась шеренга из мужчин и женщин, которые

передавали спасенные коробки и сбрасывали их в безопасное место на игровой площадке.

Подросткам разрешили заходить в школу только по пять раз. Они обязательно должны были поменяться с кем-то из очереди снаружи, чтобы избежать повреждения легких от вдыхания дыма.

Больше не работали ни больницы, ни машины скорой помощи. Не осталось никаких систем безопасности.

Десятки людей бегали взад и вперед от заправочной станции со своими емкостями с водой, чтобы вылить ее на огонь, пытаясь отбить переднюю линию пламени от секции, где хранились самые жизненно важные запасы.

Казалось, все их усилия бесполезны. Огонь ревел, трещал и шипел, как живое существо. Даже на расстоянии их обдавало жаром.

Поскольку Ханна не могла подойти близко к огню с Шарлоттой, пристегнутой к груди, она осталась возле детской площадки, помогая наполнять ведра и кастрюли водой из двухсотпятидесятигаллонной цистерны, которую кто-то привез на грузовике.

Призрак попеременно то проверял Ханну, то бегал туда-сюда вдоль шеренги, задрав хвост, и угрожающе лаял на пламя.

Квинн подбежал к директору Кингу.

— Мы должны сделать противогазы. Я не знаю, насколько хорошо они будут работать против дыма, но это все же лучше, чем ничего. Нам нужны только двухлитровые бутылки из-под пива, ножницы или канцелярские ножи, скотч и противопылевые маски, как у маляров и уборщиков.

Аннет Кинг вытерла пот со лба тыльной стороной ладони. Ей было около сорока лет, серебристые волосы коротко подстрижены, на лице застыла тревога. При словах Квинн она оживилась.

— У нас в старшей школе эти материалы в избытке. Я собирала на переработку все бутылки, которые попадались под руку.

Она огляделась вокруг, и ее взгляд остановился на Уитни Блэр, которая стояла неподалеку.

— Ты можешь собрать все необходимое? Все должно быть на складе или в учительской. Противопылевые маски будут в кладовке уборщика. Там должен стоять ящик с ними. Упакуй все на одни из саней. И прихвати кого-нибудь в помощь.

— Сделаю, — ответила Уитни.

Она совсем не походила на ту кипучую болельщицу, которую помнила Квинн: ее некогда блестящие рыжие волосы стали тусклыми и слипшимися, скулы исхудали, под глазами — синяки.

Она больше никогда не будет выступать в группе чирлидеров. Уитни потеряла все. Свой дом, свою семью. Ее отца застрелили ополченцы, когда он пытался присвоить себе дом в «Винтер Хейвене». Ополченцы убили его прямо у нее на глазах, как и мать Квинн.

Как быстро все изменилось.

Не говоря больше ни слова, Уитни помчалась в сторону старшей школы. Если она помогала, то Квинн уж точно могла что-то сделать. Она повернулась к директору.

— Меня возьмите. Я быстрая и сильная.

Директор Кинг неохотно кивнула, выражая серьезную озабоченность, словно ей невыносимо просить об этом «своих детей», как она всегда называла их на собраниях, когда школа еще не стала чем-то особенным. Тогда все закатывали глаза. Сейчас никто этого не

делал.

— Будь осторожна.

— Я всегда осторожна.

— Внучка знает, что я выпорю ее, если она не будет осторожна, — ехидно отозвалась бабушка, не смотря на тяжелейшие обстоятельства.

Безграничная любовь и нежность растеклась в груди Квинн. К бабушке. К Уитни. Ко всему этому дурацкому городу.

— Хотела бы я посмотреть, как ты попытаешься, — проворчала Квинн, обматывая шарф вокруг лица. — Но ставлю на то, что...

Ее прервал залп выстрелов. Громкий треск разнесся по воздуху. Снег взорвался в двадцати футах от того места, где они стояли.

Сердце Квинн остановилось. Люди закричали и пригнулись. Несколько человек бросились на землю. Другие разбежались, укрываясь в ближайших зданиях.

Снова стрельба. Еще больше криков.

Квинн охватила паника. Она обернулась, инстинктивно пригибаясь, и схватилась руками за голову.

— Бабушка! Пригнись!

Бум! Бум! Бум! В тридцати футах от них мужчина вздрогнул и упал на землю. Женщина, тащившая желтое пятигаллонное ведро, упала вперед. Кровь забрызгала снег.

На них напали.

Глава 41

Лиам

День пятьдесят четвертый

Крики ужаса сотрясали воздух — вопли боли и страха, детский плач. Над всей этой суматохой раздавались выстрелы.

Кровь Лиама похолодела. Они должны действовать — немедленно.

Держась ближе к стене, он достал осколочную гранату из подсумка на груди. Обогнув угол, он выдернул штырь и бросил гранату в разбитое окно.

Пригнувшись, он прижался к наружной стене из шлакоблоков, толкая Бишоп за спину.

Граната взорвалась. В окно полетели осколки, шрапнель и клубы дыма. Входная дверь закрипела на петлях. Крики и стоны наполнили округу.

Лиам и Бишоп повернулись к окну, пролезли через него и ринулись в бой, держа оружие наизготовку, Лиам — слева, Бишоп — справа.

Густой и удушливый дым окутал помещение. В комнате валялись сломанные стулья, опрокинутые столы, искореженные металл и пластик. На против изрешеченной шрапнелью стойки администратора, в аквариуме с рыбками из образовавшихся паутиной трещин сочилась мутная вода.

В центре комнаты на полу, прислонившись к стойке, сидел ополченец. Кровь запеклась на мочках его ушей; куски шрапнели пробили его защитный жилет.

Он поднялся из сидячего положения, окровавленный, но в сознании. В руках он держал двуствольное ружье двенадцатого калибра и приводил его в боевую готовность.

Бишоп выстрелил дважды; мужчина упал.

Второй неприятель выскочил из-за стойки регистрации и открыл бешеную стрельбу из модифицированного AR. Пули пробивали стены и потолок.

Лиам повернулся и нажал на спусковой крючок. Хлоп! Хлоп! Голова мужчины дернулась назад. Он сделал один шатающийся шаг и сполз по дальней стене, оставляя за собой красную полосу.

Сверху снова раздались выстрелы.

Лиам помчался в коридор за стойкой администратора, отбросив в сторону опрокинутый стул. Ситуация требовала немедленных действий. Страх и ужас гнали его вперед. Он бежал напрямик, на ходу орудуя карабином.

Зайдя в рентгеновский кабинет, он увидел громадные белые очертания оборудования, вырисовывающиеся из дымчатых теней. Он быстро осмотрел его, пока Бишоп проверял небольшой кабинет справа, затем они направились к лестнице в конце коридора.

Свернув за угол, Лиам стрелял вслепую, уже мчась вверх по ступенькам. В таком замкнутом пространстве стрельба звучала оглушительно. В ушах звенело так, словно по черепу били молотом.

На полпути вверх по лестнице мимо его головы просвистел снаряд. В футах слева раскололся гипсокартон. Лиам упал, продолжая стрелять по вспышке движения над ним.

Твердые выступы лестницы врезались в его голени, бедра, низ живота и грудь. Дыхание с шумом вырывалось из легких.

Он поднял М4 и выстрелил снова: пули прошли живот ополченца, бросившегося к нему, его винтовка повисла на перевязи. Окровавленное тело ударило Лиаму, когда он вскочил на ноги. Двести фунтов мертвого веса едва не опрокинули его назад, на Бишопу.

Снаряды разрывались над головой и врезались в стены по обе стороны от него. С верхней площадки лестницы по ним открыл огонь еще один стрелок. Отработанная латунь загрохотала по ступеням, ударяясь о ботинки.

В замкнутом пространстве было слишком тесно. Оружие Лиаму оказалось зажато между торсом мертвеца и его собственным телом. Он едва мог двигаться, не говоря уже о том, чтобы сражаться.

Он все еще не мог нормально дышать. Его легкие разрывались от боли.

Адреналин зашкаливал, пока он изо всех сил пытался вырвать М4, одновременно разворачивая тело мертвеца перед собой в качестве щита. Свинцовая пуля пробила спину застреленного ополченца, его тело дернулось навстречу Лиаму.

Бишоп, державшийся за спиной, выстрелил через плечо Лиаму. Пули пролетели мимо его уха. От грохота выстрелов он едва не оглох.

Бишоп попал точно в цель. С глухим стуком и возгласом ополченец пошатнулся, его колено превратилось во вздыбленное месиво, но оружия он не выронил.

Он навел свою винтовку на Лиаму и выпустил еще три пули в тело своего мертвого приятеля. Одна из пуль прошла насквозь, ударившись о бронежилет Лиаму. Как будто кувалда врезалась ему в ребра.

Лиам захрипел, покачнулся, чуть не потерял равновесие и не рухнул на Бишопу. Ему все же удалось освободить одну руку и достать свой «Глок». Наклонившись под негнущейся рукой мертвеца, он быстро нажал на спусковой крючок.

Противник упал, как марионетка, у которой перерезали ниточки. Покатившись вниз по трем ступенькам, он остановился, его тело завалилось набок.

Задыхаясь, Лиам отбросил первого мертвеца в сторону и, пошатываясь, поднялся по лестнице, Бишоп наступал ему на пятки. Нижние ребра справа явно сломаны. Боль пронзила его бок, грудь горела. Как же нужна еще граната, но у него не осталось ни одной.

Он стиснул зубы и перезарядил М4: выбросил магазин, вставил новый, зарядил рукоятку и оказался на вершине лестницы. Лиам нырнул в комнату, ведя непрерывный огонь. Бум! Бум! Бум!

Пули разорвали ткань стоматологического кресла. Поднос из нержавеющей стали разлетелся по комнате, множество мелких инструментов рассыпались по ковру — ротовые зеркала, стоматологические зонды и сверла.

Снайперская винтовка «Макмиллан ТАС-338» стояла на белом складном столике, ее дуло по-прежнему смотрело в окно. В комнате никого из неприятелей.

Снайпер, должно быть, из числа тех ополченцев, которых Лиам уже успел достать — возможно, тот парень с простреленным коленом.

Лиам опустил М4. В воздухе висела пыль от гипсокартона, в ноздрях стоял сильный запах кордита. Все звуки стали глухими и далекими. Его ушибленные ребра пульсировали болью, смешиваясь с жжением в позвоночнике.

— Ты в порядке? — спросил Бишоп у него за спиной.

Лиам сделал несколько неровных вдохов.

— Нормально.

Бишоп включил рацию.

— Снайпер в стоматологии уничтожен.

— В парикмахерской тоже, — ответил Рейносо. — Двое противников выведены из строя — навсегда. Труитт, доложи о ситуации.

Тишина.

Лиам выглянул в окно, М4 в одной руке, другой осторожно прощупывал ребра. Огонь все еще пылал, на земле лежала дюжина тел. С такого расстояния он не мог их опознать.

Его сердце сжалось от страха. Если среди них окажется Ханна... или Квинн, или Молли...

Ему нужно спуститься туда. Он должен быть с ними.

Раздался треск рации.

— На въезде к начальной школе мы попали в засаду, — хрипло произнес Труитт, его голос срывался, он едва мог говорить без паники. — Меня подстрелили. Повторяю, я ранен!

Глава 42

Квинн

День пятьдесят четвертый

— Они стреляют в нас, — закричал кто-то.

— Бежим! — прокричал один из мужчин.

Еще выстрелы. Точные и выверенные. Бум! Бум!

Один из подростков дернулся и упал на землю. Он застонал, вцепившись пальцами в снег, на его спине расцвело пятно крови.

Квинн в ужасе уставилась на него. Она не помнила имени, но знала его. Он сидел позади нее на химии. Он всегда грыз карандаши.

Бум! Бум! Бум!

Она не могла пошевелиться. Квинн застыла в ужасе, все мышцы одеревенели, сердце колотилось в груди со скоростью миллион миль в минуту.

Перед ее глазами пронеслось воспоминание о церкви. Падающие десятки тел, бесконечные падения. Хлоя и Юнипер, бесконечно зовущие ее по имени и не получающие

ответа.

Кто-то схватил Квинн за рукав куртки и дернул ее за руку, выводя из оцепенения.

— В укрытие! — прокричала Ханна.

Квинн бросилась вперед, Ханна наполовину тянула, наполовину тащила ее за один из больших разрисованных бетонных туннелей, в которых Квинн играла тысячу лет назад.

Ханна толкнула Квинн к бабушке и директору Кинг, убедившись, что ее руки и ноги надежно укрыты. В бетонную конструкцию над их головами врезалась пуля.

Квинн вскрикнула, с трудом разжимая стиснутые зубы. Она быстро моргнула, вытесняя из головы ужасные образы церкви.

Она не застряла в церкви, переживая один и тот же кошмар снова и снова. Она здесь, снаружи, и ей, черт возьми, нужно подумать.

— Откуда они стреляют? — выдавила она из себя. — Я их не вижу!

— Снайперы. — Бабушка прислонилась к бетону, прижимая к груди свой «Моссберг». Ее трость лежала в снегу в нескольких футах в стороне. Она подняла голову, сделала несколько выстрелов в сторону начальной школы, затем пригнулась обратно. — Это ополченцы. Они устроили пожар. Теперь они стреляют в нас, как в рыб в бочке!

Директор Кинг в оцепенении смотрела на бабушку. Вся кровь отхлынула от ее лица.

— Как они могли? Как кто-то мог сделать такое?

Никто не ответил ей. Хорошего ответа просто не существовало.

— Полиция займется ими, — отчеканила Ханна. — Лиам и Бишоп тоже. Нам просто нужно подождать.

Квинн сжала челюсти. Она бы предпочла быть там с ними, уничтожить проклятое ополчение, защищать людей, делать что-то смелое. А не трусить здесь, чувствуя себя испуганно и беспомощно.

— Еда, — произнесла она. — Мы не можем допустить, чтобы еда сгорела.

Снова стрельба. Крики эхом доносились со школьного двора. Шарлотта сморщила свое крошечное личико и издала яростный вопль. Ханна накинула на голову Шарлотты утепленное детское одеяло, чтобы защитить ее, но малышке это не понравилось.

С замиранием сердца Квинн опустилась на колени и выглянула из-за угла. Ополченцев нигде не видать. Они прятались в зданиях, расстреливая безоружных граждан в свое удовольствие.

У нее имелись рогатка и флешетты, которые она сделала из гвоздей. Они получились лучше ее самых смелых ожиданий, летели быстро, прямо и верно. Но она не могла стрелять в то, чего не видела.

Снова треск выстрелов. Квинн пригнулась. Когда она снова выглянула, то не увидела ни падающих людей, ни снежных клубов, когда рядом с ними раздались выстрелы.

Может быть, на этот раз стреляли не ополченцы.

— Это Росомаха. Он справится. — Квинн хотела верить, что Ноа будет на их стороне, встанет между ними и снайперами, но не могла.

Она не знала, чему теперь верить. Какая-то ее часть ненавидела Ноа за это.

Ханна подползла на четвереньках и заглянула за противоположный угол, одной рукой обхватив голову Шарлотты.

— Квинн права. Мы должны попасть в эту школу.

— Нам нужно оставаться здесь, — проговорила директор Кинг.

— Если мы потеряем еду, все равно все умрут с голоду, — возразила Квинн.

— Внучка права, — согласилась бабушка.

Огонь ревел. Ветер гнул деревья. Крики, вопли и стоны эхом отдавались вокруг них. Шарлотта пронзительно кричала и плакала, но они больше не слышали выстрелов.

Квинн поднялась на трясущихся ногах. Она дрожала, наполовину ожидая пули в позвоночник.

Ничего не случилось.

— Чисто, — проговорила она. Потом громче: — Все чисто!

Люди сгрудились на земле, закрыв головы руками. Другие прятались за инвентарем детской площадки. Они смотрели на нее, широко раскрыв глаза от паники и неверия, все еще пребывая в шоке.

— Все в порядке! — закричала Квинн. — Мы должны спасти продукты!

Директор медленно встала, дрожа от страха, но с крепко сжатой челюстью.

Другие наблюдали за ними. Когда выстрелов не последовало, еще несколько человек рискнули подняться на ноги. Потом еще несколько.

Директриса включила рацию.

— Ли, скажи всем, что на нашей стороне друзья. Полиция и другие добровольцы. Они защитят людей.

— Хорошо, — прозвучал по рации голос Ли. — Я должен позаботиться о раненых.

Какая-то женщина стонала, хватаясь за окровавленную ногу. Несколько человек бросились ей на помощь. Мужчина закричал, подбегая к обмякшей фигуре, лежащей на снегу. Возможно, его жена. Или сестра.

Пять человек убиты. Еще около десяти ранены. Члены семьи и друзья стояли на коленях рядом с телами, пока другие подходили, чтобы оказать помощь раненым.

Постепенно люди вставали. Некоторые побежали обратно в безопасное помещение старшей школы, другие остались, чтобы помочь. Горожане настороженно оглядывались по сторонам, прежде чем направиться к упавшим ведрам. Один за другим они возвращались к борьбе с огнем.

Кто-то тронул Квинн за руку. Уитни смотрела на них поверх шарфа, обернутого вокруг ее лица. Рядом с ней стоял Джонас Маршал.

— Я собрала материалы для маски. И привела помощников.

Спустя несколько минут дюжина добровольцев соорудила простые противогазы. Они вырезали U-образную форму в каждой двухлитровой бутылке, обмотав края скотчем для удобства, и чтобы маска плотно прилегала к лицу человека. Отрезав резинки от пылезащитной маски, они приклеили ее к горлышку бутылки, запечатав со всех сторон. Пластиковая бутылка действовала как защитная маска, а верхняя часть бутылки стала нижней частью маски.

— Это примитивно, и надолго его не хватит, — предупредила бабушка, вырезая по два отверстия с каждой стороны маски, прикрепляя резинки и заклеивая их скотчем. Она протянула ее Квинн. — Туда и обратно, девочка. Не больше пяти раз, и все.

Директор Кинг посмотрела на небо. Еще только середина дня, но густые темные облака, клубящиеся на горизонте, полностью закрывали солнце. Ветер усиливался, свирепел, бил в них и доводил до иступления пламя на крыше.

— Нам нужен этот снег, — пробормотала директор Кинг. — И нам нужно чудо.

Квинн надела резинку на голову и поправила маску.

— Давайте сотворим его.

В тринадцатый раз Квинн вбежала в школу, в глазах слезы и жжение, все настолько размыто, что она едва могла видеть.

Края импровизированной маски впивались в кожу. При каждом вдохе пластик запотевал. Ее обдало жаром, дым обрушился на нее как стена, черная и плотная.

Она пробиравалась по коридору и натолкнулась на раму открытой двери кладовой. Квинн провела в этой школе три года. Она могла найти дорогу вслепую — практически так и происходило.

Пламя уже успело сожрать запасы в одной кладовой. Вторая комната оказалась отрезанной, но через чулан уборщицы и запасную дверь можно добраться до противоположной стороны школы.

Войдя туда, они проскользнули в столовую и кладовую, чтобы спасти все, что можно, пока удушливый дым не загнал их обратно, а огонь не поглотил все.

Квинн схватила тяжелую картонную коробку с надписью «макаронны», написанной черным карандашом, прижала ее к ребрам, чтобы не перегружать уставшие руки, и, спотыкаясь, направилась к выходу.

Каждый вздох с болью вырывался из ее легких. Пульс грохотал в ушах. Ей казалось, что она пробежала десять миль под водой. От гула пожара содрогались дверь, стены, потолок.

Джонас Маршалл прошел мимо нее, потный и покрытый пеплом, пошатываясь от усталости. Он уже сделал более десяти ходок и возвращался снова.

Очевидно, Лиам не во всем прав.

Квинн протиснулась мимо еще одного подростка — Уитни — и выскочила на улицу. Она положила коробку с макаронами на стопку упаковок и отступила назад. Груда спасенных припасов выглядела ничтожно маленькой. Ей казалось, что она бегала в этой дымной мгле уже несколько часов.

Квинн сняла маску с лица и на мгновение замерла, задыхаясь от нехватки кислорода. Холодный воздух как осколок стекла ударил ее по горлу.

Изредка воздух разрывали выстрелы, но они звучали издалека. Лиам и остальные сделали свою работу. Квинн лишь надеялась, что и она сможет сделать достаточно.

Вдохнув глубоко еще один раз, она опустила маску и повернулась, чтобы снова отправиться в школу.

Ханна появилась из ниоткуда и схватила ее за руку.

— Квинн! Ты закончила. Тебе нужен перерыв.

— Еще... один... раз. — Ее голос прозвучал грубо и хрипло. Он словно принадлежал кому-то другому. Незнакомцу.

Ханна ее не отпускала.

— Молли велела присматривать за тобой. Она убьет меня, если я этого не сделаю.

Квинн повернулась к ней лицом, приготовившись спорить. Она будет помогать до тех пор, пока не упадет от усталости. Она будет ползти, если придется. Она не могла стоять без дела, когда можно было...

Что-то мелькнувшее за спиной Ханны привлекло ее внимание. Что-то, что остановило ее сердце в груди.

— Ханна.

Ханна замерла. Ее острый взгляд прошелся по лицу Квинн.

— В чем дело? Что случилось?

Квинн молча показала пальцем.

На северо-востоке, за старшей школой и лесом, в небо поднимался новый столб дыма. — Это «Винтер Хейвен»! — Ханна сдавленно вскрикнула. — Майло!

Глава 43

Лиам

День пятьдесят четвертый

Лиам и Бишоп зашли в начальную школу с восточной стороны.

Они быстро, но осторожно двинулись по широким коридорам, покрытым густой тенью, прямоугольные люминесцентные светильники, прикрепленные к потолку, не горели и были бесполезны. По обе стороны стояли металлические шкафчики. Двери классов распахнуты настежь, предлагая возможности для засады.

Мокрые ботинки Лиама скользили по кафельному полу. Повсюду валялись стреляные гильзы. Стены и потолок испещрены многочисленными пулевыми отверстиями. В воздухе пахло учебниками и гарью.

С другой стороны здания послышалась далекая, единичная стрельба. Рейносо, Перес, Хейс и их команда отгоняли около десятка ополченцев.

— Не бросайте меня! — раздался голос впереди. — Пожалуйста!

С бешено колотящимся пульсом, они с Бишопом обогнули угол, держа оружие наготове. Русоволосый мужчина в полицейской форме прислонился к стене шкафчиков в конце коридора. Под ним растеклась огромная лужа темной крови. Это был Орен Труитт.

— Ты иди, — сказал Лиам Бишопу. — Я позабочусь о нем, а потом догоню.

Бишоп кивнул без слов и отправился на помощь команде Рейносо.

— Он выстрелил в меня, — простонал Труитт, в его голосе звучало удивление. — Это сделал Саттер. Этот подонок даже не колебался. Я до сих пор не могу в это поверить...

Держа пистолет наготове, Лиам приблизился и направился в класс справа, чтобы его проверить. Там он увидел опрокинутые парты и стулья, бумаги, разбросанные по полу.

Внутри лежали два трупа — один ополченец, другой — гражданский средних лет, один из добровольцев, которых привела Коринна Маршалл. Большая часть его лица отсутствовала, но Лиам все равно узнал его — Уэйн Маршалл. Муж Коринны, отец Джонаса.

— Все чисто, — прохрипел Труитт. — Остался только я.

Чувство вины пронзило Лиама. Он отогнал его прочь и опустился на колени рядом с раненым, хрипя от боли в ребрах.

— У меня есть мой ИПШ. Потерпи.

— Их было слишком много. Думаю, одного я все же прикончил. Но не Саттера. Я сдерживал их, пока не прибыл Хейс с подкреплением и не вытащил нас из ловушки. — Он поморщился и тяжело вздохнул. — Впрочем, слишком поздно для меня.

— Вы хорошо поработали. Ты отлично поработал.

Труитт посмотрел вниз на себя, его лицо стало ужасающе белым. Темно-красная жидкость пузырилась из дыр, пробитых в плече, и стекала в промежность, заливая штаны.

Кровь сочилась между его пальцами, сложенными на животе. На нем был тактический жилет, но пули прошли слишком низко.

Лиам переложил пистолет в одну руку, взял перевязочный пакет из нагрудного кармана и зажал упаковку между зубами, чтобы разорвать ее. Одним глазом он следил за концом коридора, а другим — за выполнением поставленной задачи.

— Нет, — слабо выговорил Труитт. — Оставь это. Не трать его на меня.

Лиам не стал спорить. В этом не было никакого смысла.

Даже если бы у них имелась поддержка с воздуха и медицинская эвакуация через шестьдесят секунд, даже с травматологической бригадой наготове — у Труитта нет шансов. Он знал это так же хорошо, как и Лиам.

Лиам положил пакет обратно в карман.

— Мне жаль, — произнес он, потому что сказать ему было больше нечего. Никакие слова не могли снова собрать этого человека воедино. Так же как не могли вернуть Уэйна Маршалла к жизни.

— Я всегда хотел быть полицейским. — Труитт снова закашлялся, кровь пузырилась на его губах. — Я всегда хотел быть героем, понимаешь? Тем, кто бежит навстречу опасности, а не убегает от нее. — Он слабо рассмеялся. — Никто не говорит тебе, что все совсем не так, как в кино. Что это чертовски страшно. Что ты обделаешься от страха.

— Мне это знакомо.

— Скажи этому мешку с навозом Рейносо... скажи ему... — прохрипел Труитт, его глаза расширились, взгляд стал отстраненным. — ...он чертовски хороший... коп.

— Я скажу.

— Позаботься... о... позаботься...

Лиам положил ладонь на окровавленную руку Труитта.

— Обязательно.

Вдалеке послышались выстрелы. Стрельба велась с запада, со стороны Главной улицы.

Он посмотрел на Труитта. Ни один человек не заслуживал смерти в одиночестве. Лиам потерял слишком много братьев в адских пустынях Ирана и Афганистана. И всегда это были хорошие парни, их бессмысленные смерти неизменно приводили его в ярость

Лиам не знал хорошо ни Труитта, ни Уэйна Маршалла. Они оба погибли за дело, которое он возглавлял.

Такова цена, которую требовала свобода. Она всегда оплачивалась кровью. Всегда.

Лиам так и оставался рядом с Труиттом, сжимая его перепачканную кровью руку, пока тот не умер. Они вернутся за телами позже.

Он вытер кровь о штанину, встал и двинулся по коридору в сторону битвы. Ему хотелось пойти в противоположном направлении, найти Ханну, но долг не позволял. Клятва, которую нужно сдержать.

Рейносо успешно отвлекал ополченцев, но надолго ли? Они должны вести перестрелку вдали от гражданских лиц, подальше от Ханны и всех остальных.

Лиам чувствовал усталость в узлах на плечах, в жжении в ребрах, в сдавленных нервах в пояснице, похожих на скрученные нити колючей проволоки — каждая клеточка его тела болела.

Но он по-прежнему жив. Он все еще мог бороться за то, что имело значение. Он все еще мог защищать город.

Глава 44

Квинн

День пятьдесят четвертый

— Я иду с тобой, — объявила Квинн. — Даже не пытайся меня останавливать.

Страх когтями впился ей в грудь. Майло в беде, а ее нет рядом.

Она увидела тот же ужас в глазах Ханны.

— Мы должны его спасти.

— Как, черт возьми, мы попадем в «Винтер Хейвен»? Эти маньяки пристрелят нас на месте.

— У реки есть брешь в системе безопасности, — поспешно сказала Ханна. — Патрули сосредоточены на главном входе и окружающем лесу. Только один или два парня патрулируют хребет над рекой. Я обратила на это внимание, когда там жила. Думаю, мы сможем пробраться туда — если будем осторожны.

— Тропинка начинается в общественном парке за фермой Джерри Стовера и тянется вдоль реки прямо в «Винтер Хейвен». Она не обозначена на картах. Местные жители знают ее. Но сомневаюсь, что липовые солдаты в курсе.

До «Винтер Хейвена» примерно миля. Слишком далеко, чтобы быстро добраться до него пешком. Квинн ткнула пальцем через игровую площадку в сторону парковки старшей школы.

— У директора есть квадроцикл.

Старый «Хонда Фортракс 300» красного цвета, принадлежавший Рэю и Октавии. Поскольку они оба мертвы, он им больше не нужен. Молли и Квинн отдали квадроцикл директору, чтобы помочь с нуждами приюта.

Они не могли взять «Оранж Джулиус» — он мог ездить только по расчищенным дорогам. Четырехколесный маневренный квадроцикл мог проехать, но он слишком шумный.

— Мы должны рискнуть, — решила Ханна, словно прочитав мысли Квинн. — У нас нет времени идти пешком. Их патрули будут редкими, если они вообще сейчас патрулируют. Ведь они заняты здесь.

— Я принесу ключи.

Шарлотта громко закричала. Ханна выглядела растерянной, разрываясь между защитой своей малышки и спасением сына.

— Бабушка, — произнесла Квинн. — Бабушка за ней присмотрит.

Ханна напряженно кивнула.

— Призрак! За мной!

На другом конце поля Призрак поднял голову и наострил уши. Он побежал к Ханне.

Они помчались в школу, Ханна искала бабушку, Квинн — директора. Она пробиралась зигзагами сквозь толпу, пока не нашла Аннет Кинг у той стороны здания, где пожар бушевал сильнее всего.

Задыхаясь, она наклонилась, положив руки на колени.

— Нам нужно одолжить «Фортракс».

Директор Кинг откашлялась, стерла мокрый пепел с лица и без слов достала брелок из кармана куртки. Она не стала тратить время на расспросы о причинах. Передала ключи Квинн и жестом показала кому-то позади себя.

— Еще больше воды в восточное крыло! Мы должны держать этот коридор свободным от огня!

Квинн больше ничего не слышала. Она уже мчалась за Ханной, Призраком и квадроциклом. Страх подгонял ее ноги. Она никогда в жизни не бегала быстрее.

Они должны добраться до Майло. Если эти ублюдки причинили ему вред...

Она едва не поскользнулась на раскисшей смеси снега и льда. Ее волосы замерзли. На щеках, ресницах и мочках ушей образовались сосульки. Дыхание вырывалось густыми белыми струями.

Квинн добралась до машины как раз в тот момент, когда подбежала Ханна, без переноски и ребенка. Она бросила Ханне ключи и забралась следом за ней. Ханна уже надела шлем. Второго шлема для Квинн не нашлось, но она все равно надела свой импровизированный противогаз.

Ханна повернулась и протянула ей 45-й калибр.

— Ты знаешь, как этим пользоваться?

Квинн кивнула.

— Я должна вести машину. Увидишь кого-нибудь из них — стреляй. Не медли. Просто стреляй.

— Справлюсь.

Двигатель взревел. Квинн наклонилась вперед и обхватила Ханну за талию выше бедер, зажав пистолет в правой руке одеревеневшими от холода пальцами. Она повернула голову в сторону, чтобы сквозь снегопад заметить любую угрозу.

Видимость становилась все хуже. Они могли видеть примерно на сто футов вперед. Ханна не сбавляла скорости. Холодный ветер пронизывал ее одежду насквозь. Квинн стиснула челюсти и прижалась крепче.

Призрак бежал за ними с лаем. Они не могли замедлиться из-за него. Он умный пес. Хотелось надеяться, что он сможет пойти по их следу.

Старый двигатель хрипел, извергая удушливые газы. Колеса грохотали, скрежетали и скользили по обледенелым колеям, проложенным по твердым гребням снегоуборочной техникой. Они мчались по задней части города, проносясь мимо домов, деревья расплывались вдоль дороги, когда они неслись в сторону «Винтер Хейвена» и Майло.

Они проскочили через парк, огибая хаф-пайпы и рампы скейтбордистов, и резко свернули вправо на узкую дорожку между высокими соснами. Куртка Квинн хлопала, как развевающийся на ветру флаг. Она прищурилась, глаза слезились.

В десяти футах справа от них блестела замерзшая река. Ветер свистел в хрупких безлистных деревьях, их ветви сковало толстым льдом, и они покрылись зазубренными сосульками, похожими на зубы.

По дороге им не встретился никто из ополченцев. Никакого движения между деревьями.

Ханна ехала по склону оврага, окаймлявшего задний периметр «Винтер Хейвена», неровным зигзагом, двигатель надрывался. Квадроцикл поднялся на гребень хребта. Квинн разглядела в лесу несколько домов «Винтер Хейвен».

Ханна с грохотом приближалась к нужному дому, проезжая через несколько задних дворов. Впереди показался столб черного дыма.

У Квинн сжалось сердце. Она надеялась и молилась, что это какой-то другой дом, не дом Майло. Кто угодно, только не Майло.

Но нет.

Огонь лизал карнизы. Дым валил с крыши и вырывался из разбитых раздвижных стеклянных дверей. Внутри мерцали и плясали злые красные языки пламени. Горела кухня. Возможно, и весь дом тоже.

Остановив квадроцикл в десяти футах от заснеженной задней террасы, Ханна спрыгнула, сдернула шлем и бросила его на снег.

Квинн слезла и огляделась вокруг, не видя никакой угрозы, кроме огня. Она держала 45-й калибр Ханны в обеих руках.

Ханна подбежала к дому и поднялась по ступенькам крыльца. Фасад дома еще не горел. Квинн осталась на переднем дворе, чтобы следить за улицей.

— Что, если он не внутри, Ханна? Что, если Ноа отвел его в безопасное место?

Ханна обхватила лицо руками, чтобы заглянуть в окно сбоку от входной двери.

Она пошатнулась, сделала шаг назад и закрыла рот руками. Ее лицо побледнело, когда она оглянулась на Квинн.

— Его рюкзак лежит на журнальном столике.

Сердце Квинн перехватило от страха. Она знала, что это значит, так же, как и Ханна.

Майло никогда никуда не ходил без него. Никогда.

Если рюкзак в доме, то и Майло тоже.

Глава 45

Квинн

День пятьдесят четвертый

— Я пойду, — сказала Квинн. — Я вытащу его...

— Оставайся здесь и следи! — Ханна открыла входную дверь. Та оказалась незапертой. Не колеблясь и не оглядываясь, она вбежала внутрь за сыном.

— Возьми мою маску! — закричала Квинн, но Ханна уже исчезла, растворившись в дыму.

Квинн боролась со слезами, когда ветер и снег хлестали ее по лицу. Она ненавидела чувствовать себя беспомощной, ненавидела ужас и страх, сжимающие ее горло.

Сзади раздался скрип. Хруст ботинок по снегу.

Она повернулась, подняла пистолет 45-го калибра и сняла его с предохранителя.

— Уо! — Дэррил Виггинс поднял руки вверх. — Эй! Не стреляй в меня!

Квинн не опустила оружие.

Дэррил Виггинс пошевелил пальцами.

— Я безоружен, видишь? Я не плохой парень, ясно.

Его синяки поблекли, порезы на лице зажили. Квинн вспомнила, как он выглядел в тот день, когда она выстрелила в Десото из рогатки, как мистер Блэр и тот другой человек безжалостно избили Виггинса, когда они дрались за его дом. Он жил неподалеку от Ноа.

— Кто устроил поджог? — спросила она. — Вы видели что-нибудь?

Он перевел взгляд со ствола пистолета на горящий дом позади нее. Его глаза расширились, выражение лица изменилось.

— Я ничего не знаю...

— Тогда почему вы выглядите таким виноватым? — Она направила на него пистолет. — Говорите мне правду!

— Хорошо! Хорошо! Шеф Шеридан просил меня присмотреть за сыном в случае необходимости. Я был запасным вариантом. В городе начались пожары — шефу пришлось уехать. Та самая чрезвычайная ситуация. Я хорошо присматривал за мальчишкой, потом он заснул в своей комнате, играя с Лего. Я ненадолго отлучился в свой дом, чтобы приготовить обед. Вот и все. Всего на несколько минут...

Она стиснула зубы.

— Сколько минут?

— Несколько! Я не знаю точно! Может быть, тридцать. Может, больше. Это не моя вина!

Квинн выругалась. Она не узнает от него ничего полезного. Как же ей хотелось прострелить ему яйца за то, что он такой невероятно эгоистичный придурок.

— Могу я опустить руки, пожалуйста? — занял он.

Квинн оглянулась на дом. Ханна слишком долго отсутствовала. Она уже должна быть на улице.

Поставив пистолет на предохранитель, Квинн опустила его и засунула в карман куртки. Сделав глубокий вдох, она поправила маску на лице, стараясь закрыть его как можно лучше. Маска никуда не годилась, но это все, что у нее было.

Она направилась через двор к дому.

— Что ты делаешь? Ты не можешь туда войти!

Она не потрудилась ответить. Ей плевать, насколько это глупо, насколько безрассудно.

— Что бы ты обо мне ни думала, я не чудовище! — закричал Виггинс ей вслед. — Я один из хороших парней!

Квинн вбежала в горящий дом. От жара ей пришлось отступить назад. Густой черный дым обрушился на нее как стена. Она яростно закашлялась, горло мгновенно обожгло.

Огонь уже охватил кухню. Пламя подожгло шкафы, пронеслось по потолку, уничтожило огромный остров, за которым она сидела столько раз.

Гостиная и прихожая еще оставались целыми. Затаив дыхание, она опустилась на колени и поползла глубже в густую и удушливую темноту.

Добравшись до гостиной, она стала слепо шарить руками в поисках того, что ей нужно. Квинн не видела ничего, кроме дыма. Наконец, она нашла это, повернулась и направилась туда, где, по ее мнению, находился коридор.

Вместо пустого пространства коридора она врезалась в стену. Квинн охватила паника. Она знала этот дом как свои пять пальцев — каждую комнату, расположение каждого предмета мебели, но дым сбивал с толку.

Она чувствовала себя как в аду, как в ожившей преисподней Данте.

Квинн пробиралась вперед, нащупывая дорогу, пока не очутилась в коридоре. Дым тяжело висел над ней. Она едва ощущала двери, которые, как знала, находились там: ванная комната для гостей, спальня для гостей, бельевой шкаф и, наконец, комната Майло.

Дверь оказалась открытой. Вытирая слезы с глаз, она смогла разглядеть смутные очертания. Ханна скрючилась над Майло на полу, ее фигура силуэтом выделялась на фоне дыма.

Она взяла сына на руки, но с трудом удерживала его вес раненой рукой. Ханна кашляла, все ее тело дрожало, из глаз текли слезы. На ней не было маски, пусть даже такой плохонькой, и она быстро теряла кислород.

У Квинн тоже дела шли неважно. Нити дыма проникали в ее мозг, наполняя его густым туманом. Стало трудно сосредоточиться, думать.

С ужасающим скрежетом дрогнул фундамент дома, затрещали балки, посыпались щепки, все разлеталось на куски.

Теперь уже в коридоре замерцало пламя. Огонь шипел и потрескивал. Спальня Майло светилась, как уголек, который вот-вот сгорит.

— Окно, — прохрипела Ханна.

Они не смогли бы пройти по длинному коридору, через гостиную в прихожую и через парадную дверь. Дым был слишком ядовит, свирепый огонь распространялся слишком быстро.

Квинн вползла в спальню, кубики Лего впились ей в колени и ладони. Ханна захлопнула за ней дверь, чтобы дать им несколько драгоценных секунд.

Квинн забралась на кровать и потянулась к шторе со «Стражами Галактики». Она боролась с оконным замком, ее легкие пульсировали, пальцы сделались неуклюжими и медленными. С трудом ей все-таки удалось разблокировать его и поднять створку вверх. Для того чтобы выбить стекло, потребовался лишь пинок.

Стоя на коленях, она обернулась к Майло. Ханна перетащила его на кровать, и сама забралась на матрас, задыхаясь от усилий.

Квинн вслепую нащупала его грудь и ухватила за подмышки. Она потянула Майло на себя, ее руки стали невероятно тяжелыми.

Она задыхалась, воздух, горячий и клубящийся, кипел в горле. Воздух пропитался ядом. Он отравлял их.

В голове помутилось. Темнота сковала ее зрение. Горло сжалось, легкие кричали, требуя кислорода, который она не могла им дать.

Квинн теряла сознание. Она не могла дышать, не могла двигаться...

Вдруг что-то сильно ударило ее по ребрам. Ханна вытолкнула Квинн в окно.

Глава 46

Квинн

День пятьдесят четвертый

Квинн выпала из окна, держа Майло на руках, и грохнулась на землю, сугробы смягчили падение с высоты в пять футов.

Она приземлилась на бок, а Майло на нее. Казалось, что он весит тысячу фунтов.

Какое-то время она лежала в оцепенении. Ее легкие болели, голова раскалывалась. Она вцепилась свободной рукой в маску, сорвала ее и втянула ртом кислород. Снег осыпал ее лицо.

Ханна рухнула рядом и скрючилась над ними. Кашляя, она стащила Майло с Квинн, и вместе они оттащили его на безопасное расстояние от горящего дома.

Ханна прижала палец к его горлу.

— Я не могу нащупать пульс! — простонала она. — Он не дышит!

Квинн тяжело втягивала воздух. Она слышала слова так, словно Ханна говорила издали, с другой планеты.

— У него адреналиновый криз! Его организм отключается!

Страх пробился сквозь пелену, яркий, как падающая звезда. Квинн вспомнила, как Ноа говорил, что криз надпочечников может привести к шоку, коме и смерти.

Она заставила себя встать на четвереньки возле Майло. Он лежал на снегу, одетый в джинсы и красную толстовку с изображением Железного человека, один носок скатался до щиколотки. Его нежные веки напоминали синяки. А прекрасная оливковая кожа выглядела слишком белой. Белая, как у призрака, как при смерти.

Ханна смотрела на нее, охваченная ужасом.

— Его экстренный шприц! Он все еще внутри!

— Нет! — Квинн с трудом приподняла куртку и вытащила рюкзак, который засунула за пояс. От него воняло дымом, но в остальном он был цел и невредим.

Вопрос первостепенной важности. Разница между жизнью и смертью Майло. Ноа вбил в нее этот факт, и Квинн никогда его не забывала.

— Он у меня, — прохрипела она. — Он у меня есть.

Ханна вздохнула с облегчением.

— Спасибо, спасибо, спасибо, — повторяла она, как молитву, как заклинание.

Квинн, шатаясь и чуть не уронив его, расстегнула рюкзак и вытащила шприц. Она не могла снять дурацкую обертку в перчатках, ее пальцы окоченели от холода. Пришлось разорвать обертку зубами, чтобы достать шприц. Как только у нее это получилось, она нацелилась на правое бедро Майло...

— Стоять! — прокричал мужской голос.

Квинн замерла. Она стояла на коленях, держа шприц в воздухе, большой палец лежал на поршне. В ужасе она подняла глаза.

Прямо на нее был направлен пистолет.

Владелец оружия, покачиваясь, направился к ним и остановился, не дойдя каких-то двадцать футов. Его узкое лошадиное лицо исказилось в знакомой усмешке.

— Ну, разве не прекрасное зрелище, — проговорил Вик. — Я вас помню. Вас обеих.

Бандольер Вика отсутствовал. Его плечо было сильно перебинтовано, левая рука в перевязи, под правым глазом набухал неприятный фиолетовый синяк.

Он направлял на нее пистолет, держа одной рукой.

— Не надо никаких глупых идей. Мне не нужны две руки, чтобы прикончить вас, и ты это знаешь. А теперь, где эта твоя большая тупая шавка? Я ждал, чтобы прикончить этого гребаного пса, как он того заслуживает. Эта тварь — угроза. Как и вы двое.

Квинн проглотила язвительный ответ. В одном кармане у нее лежал пистолет Ханны, в другом — рогатка и флешетты, но ни до того, ни до другого со шприцем в руке быстро не дотянуться.

Все, что требовалось от Вика, это нажать на спусковой крючок.

Майло — вот что имело значение. Квинн опустила взгляд на шприц.

— Не смей двигаться!

— Это экстренный укол! Я спасаю ему жизнь!

— Двинешь рукой, и я убью тебя! Вас обеих!

Жизнь Майло висела на волоске. Каждая секунда имела значение.

Ханна встретилась взглядом с Квинн поверх тела Майло. И слабо кивнула.

Квинн погрузила шприц в бедро Майло и нажала на поршень. Она вздрогнула, ожидая пули в затылок.

Выстрела не последовало.

В уголке ее глаза мелькнула белая полоса. Как из ниоткуда появился Призрак, вылетевший из-за угла дома.

Со свирепым рыком он пронесся по заснеженному двору и обрушил на Вика все свои сто сорок фунтов твердых мышц.

Квинн потрясенно наблюдала, как Призрак повалил Вика и опрокинул его на спину. Большой пиреней склонился над ним, рыча и скалясь.

Вик пытался поднять руку для защиты. Призрак вцепился в его предплечье, легко прорвав ткань куртки и впившись в плоть.

Вик завыл, когда пистолет вылетел из его руки.

— Ты тупой...

Призрак вцепился ему в горло, прежде чем Вик успел закончить фразу. Зубы пса глубоко вонзились в шею ополченца, оборвав его испуганный крик. Призрак сомкнул

челюсти и мотал головой вперед-назад.

Разбрызгивая красную кровь, пиреней вырвал мерзавцу горло. Руки и ноги Вика плюхнулись на снег, а затем затихли. Он даже не закричал.

Призрак поднял голову, все еще склонившись над своей жертвой, обнажив клыки, каждый дюйм его тела выражал свирепость и смертоносность. Он напоминал одного из древних боевых псов Аттилы Гунна, обагренного кровью после битвы.

— Призрак, — выдохнула Ханна.

Он посмотрел на нее, его рык затих в горле. В мгновение ока свирепый зверь превратился обратно в любящего семейного питомца. Он фыркнул, встряхнулся и рысью подошел к Ханне.

— Хороший мальчик. Хороший пес. — Она потянулась к нему, не обращая внимания на кровь на его шерсти. Он прижался к ее боку, предлагая опору и поддержку, предлагая себя.

Пульс Квинн грохотал в ушах. Вик мертв, но Майло все еще в опасности.

Она сорвала зубами перчатку и прижала два пальца к восковой шее Майло. Его кожа была прохладной на ощупь. Пульс бился слабо, неровно. Он жив — но едва-едва.

— Очнись, Майло, — просила Ханна. — Очнись!

Страх и паника пронзили Квинн.

— Что случилось? Почему это не работает?

— Я не знаю. Майло, очнись!

— Ну же! — Квинн схватила его за узкие плечи и встряхнула. — Мелкий! Давай! Подъем!

Майло не ответил. Он лежал такой же хрупкий, такой же бледный. Призрак принялся к нему, поджав хвост, и беспокойно заскулил. Он ткнулся мордой в плечо Майло.

Ханна низко завывала, как раненое животное. Она раскачивалась взад-вперед, одной рукой сжимая пальцы Майло, а другой зарывшись в шерсть Призрака.

— Нет, нет, нет!

В голове Квинн тикали секунды. Снег прилипал к ее лицу, таял, стекал по щекам и лбу. Она чувствовала оцепенение. Оглушение, отрыв от реальности. Все это нереально. Этого не происходит.

Они спасли его из огня. Майло должен быть в порядке. Он должен жить, черт возьми!

Весь мир жесток и бесчеловечен, бессмыслен и непостоянен. Но Майло не виновен. Он хороший. Он не мог умереть. Он просто не мог.

Ханна не поднимала глаз. Она обняла Майло и зарыдала. Снег собирался в ее волосах, покрывая голову и плечи кристаллами льда.

Огонь за ее спиной полыхал все сильнее. С грохотом обрушилась крыша, стены дома задрожали, закрипели и затрещали. По ним пронесся жуткий треск.

Призрак громко залаял, его шерсть поднялась дыбом.

Скрип ботинок. Приближающиеся шаги.

Квинн потянулась за пистолетом.

Виггинс появился из-за угла дома. Он остановился, увидев пистолет Квинн, направленный ему в грудь.

— Это я! — Его взгляд упал на Майло. — Что с ним?

Квинн опустила пистолет. Она уставилась на него, вытирая снег с глаз, ее оцепеневший мозг пытался думать, черт возьми, думать!

— У тебя есть рация?

Виггинс уставился на изуродованное тело мертвого ополченца с выражением ужаса на лице.

— Ну, да, но...

— Тогда используй ее! — Квинн, пошатываясь, вскочила на ноги. Майло умирал, но он еще не мертв. — Позвони медбрата. Позвони ему и скажи, что он нужен нам прямо сейчас!

Глава 47

Ханна

День пятьдесят четвертый

Отчаяние растеклось по телу Ханны. Сын лежал без сознания у ее ног. В трех ярдах от нее на снегу дымилась еще теплая кровь мертвого ополченца.

Они с Квинн стояли на заднем дворе Ноа в центре «Винтер Хейвен», окруженные врагами, беззащитные и беспомощные.

Они находились в огромной опасности, но не могли просто уйти, не попытавшись сначала спасти Майло.

Квинн наставила пистолет на Виггинса, чтобы он не пытался кричать, пока Ханна по рации вызывала помощь.

— У нас закончились внутривенные жидкости, — ответил Шен Ли, когда она дозвонилась до него.

— Что значит «закончились»? — хрипло спросила Ханна. — Как они могли закончиться?

— Я сейчас пытаюсь спасти восемь человек с огнестрельными ранениями, или ты не помнишь перестрелку сегодня днем? — Обычно бодрый голос Ли звучал устало и обиженно. — Спасибо Лиаму Коулману за это.

— Ополченцы подожгли распределительный центр! Ты забыл про эту часть? — прокричала Квинн через плечо Ханны.

Ханна схватилась за рацию побелевшими костяшками пальцев.

— Мой восьмилетний сын умирает. Ты отказываешься ему помочь?

— Конечно, нет. Я же сказал, что использовал последний пакет для капельницы. Больше нет. У ополченцев их тоже нет. Мне очень жаль. Правда. Но я не могу оставить здесь своих критических пациентов. Я не могу. Я должен идти.

Рация выключилась.

Ханна уставилась на нее, дрожа от гнева и страха, не зная, что делать дальше.

— Ханна, — позвала Квинн. — У нас еще остались остатки солевого раствора с того времени, когда Майло заболел от испорченной речной воды. У нас есть иглы, трубки и пакеты. Нам просто нужно добраться до них.

— Как? Нам нужен план.

— У меня есть подходящий. — Квинн указала на Виггинса стволом 45-го калибра. — Разворачивайся. Возвращайся в свой дом. Мы идем с тобой.

— Ни в коем случае...

— Послушай меня, ничтожество! — прошипела Квинн. — Единственная причина, по которой ты еще не мертв, заключается в том, что ты можешь нам понадобиться. Ключевое слово «можешь». Видишь того парня, чья шея стала жевательной игрушкой Призрака? Призрак сделал это примерно за две секунды. Ханне достаточно сказать слово, и ее боевой пес вырвет твою сонную артерию, прежде чем ты успеешь заплакать о своей маме.

Как по команде, Призрак повернулся и угрожающе шагнул к Виггинсу. Зарычав, пес обнажил крупные белые зубы.

Глаза Виггинса округлились. На его лице промелькнул ужас, а обе руки поднялись в воздух.

— Хорошо, хорошо!

— Нам нужно безопасное место, куда мы сможем отнести Майло, пока он не очнется. Твоя берлога подойдет.

Виггинс яростно покачал головой.

— Ни за что! Это слишком опасно! Если Саттер узнает, он убьет меня.

— Ты наш должник! Майло может умереть из-за тебя. Ты спрячешь нас. Скажешь ополченцам, что понятия не имеешь, где мы. Прикинешься идиотом. Для тебя это не должно быть слишком сложно.

Испуганный взгляд Виггинса переместился с собаки на пистолет Квинн, направленный ему в грудь, и снова на собаку. Неохотно он кивнул.

— Верное решение. Продолжай принимать правильные решения, и сможешь остаться с позвоночником, все еще прикрепленным к черепу. Может быть. А теперь двигайся!

Если бы ситуация не была такой мрачной, Ханна бы улыбнулась. Другие могли бы удивиться свирепости Квинн, но она — нет.

Когда становилось трудно, Квинн делалась еще жестче.

— Держись за ним, Призрак, — приказала Ханна. — Если он двинется не туда, хватай его за пах.

Призрак зарычал, сделал выпад вперед и укусил Виггинса за колени. Вскрикнув, Виггинс попятился назад, едва не споткнувшись.

На передней части его брюк образовалось мокрое пятно.

Его лицо стало свекольно-красным.

— Теперь ты довольна?

— Вполне. — Квинн спрятала пистолет обратно в карман. Она схватила Майло за голени, пока Ханна держала его под лопатками, подворачивая и выкручивая свою плохую руку, пока не добилась удовлетворительного захвата.

Призрак шел по пятам за Виггинсом, пока Квинн и Ханна несли Майло во двор. Они обошли горящий дом стороной. Огонь ревел, шипел и злобно плевался, а снег хлестал пламя.

Горло и легкие Ханны все еще саднило от дыма, но она почти не думала о себе. Единственной ее заботой был Майло.

Двух охранников, дежуривших у особняка Розамонд Синклер, нигде не было видно. Через дорогу прогрохотало несколько снегоходов, но они не приближались.

На улице Ханна напряглась, ее адреналин резко подскочил. В конце дороги патрулировали двое ополченцев — мужчина и женщина. К счастью, они находились к ним спиной и направлялись в противоположную сторону.

Ополченцы не проявляли беспокойства по поводу пожара в доме шефа Шеридана. Возможно, это они его устроили.

Призрак зарычал.

Квинн посмотрел на Ханну с выражением чистого ужаса.

— Ш-ш-ш, мальчик, — пробормотала Ханна. — Не сейчас. Не шуми ради меня.

Призрак продолжал рычать, глубокий низкий гул, но он не лаял. Ханна не сводила взгляда со спины ополченца, ее сердце колотилось от страха. «Продолжайте идти. Просто

продолжайте идти...»

Они перешли улицу и направились к дому Виггинса. Снег вихрем летел им в лицо. Их ботинки хрустели при каждом шаге. Бицепсы Ханны горели. Ее больная рука болела от неловкого захвата за подмышки Майло.

Ханна все ждала крика, выстрела, внезапного появления вооруженных охранников, надвигающихся на них.

Никто не появился.

Ополченцы не обернулись. Патруль обогнул поворот дороги и исчез.

Ханна почти не дышала, пока они не добрались до дома Виггинса. Они еще не были в безопасности.

Вместе они устроили Майло на диване в гостиной. Им нужно найти место получше на случай неожиданных гостей, но сначала необходимо оказать сыну медицинскую помощь.

Квинн быстро закрыла все шторы, затем заставила Виггинса сесть на стул на кухне и держала его на мушке, пока Ханна по рации звала на помощь Лиам и Бишоп.

Она не хотела подвергать их большей опасности, но Майло нужны капельницы. Они отчаянно нуждались в медицинских знаниях Бишоп. А Ханне... Ханне нужен Лиам.

Глава 48

Ханна

День пятьдесят четвертый

Лиаму и Бишопу не потребовалось много времени, чтобы добраться до дома Виггинса. По ее ощущениям, это заняло вечность. Они пробрались в «Винтер Хейвен» по той же тропе на берегу реки, что и Ханна с Квинн, только пришли тихо, пешком.

Рейносо, Перес и горстка добровольцев продолжали преследовать ополченцев, чтобы отвлечь основную их часть от «Винтер Хейвена». Они использовали несколько мин-ловушек и тайников с боеприпасами, которые Лиам спрятал по всему Фолл-Крику.

Снег шел все сильнее и сильнее. Видимость ухудшилась. Бой почти закончился — пока что. Метель потушила пожары в городе, включая распределительный центр.

Половина здания сгорела до тла. Горожане спасли примерно четвертую часть запасов — три дня продовольствия на каждого мужчину, женщину и ребенка.

И все. Потом все закончится. Начнется настоящий голод.

Лиам и Бишоп перенесли Майло вниз, чтобы спрятать подальше от посторонних глаз. Ханна даже не сопротивлялась. Это не напоминало подвал. Здесь было так же хорошо, как и наверху — толстые бежевые ковры, дубовые книжные шкафы, стеклянные кофейные и торцевые столики, богато украшенный бильярдный стол в дальнем углу.

Ханна сидела на пуфике, который она придвинула к дивану, лицом к сыну, поглаживала Призрака по загривку своей больной рукой и молилась, умоляла и торговалась с Богом.

Она наклонилась вперед и проверила канюлю, прикрепленную к руке Майло. Тонкая трубка уходила в наполненный внутривенной жидкостью пакет, который Бишоп прикрепил к крючку и повесил на вешалку, найденную наверху.

Майло не приходил в себя. Он все еще находился в коме, вызванной адреналиновым кризом. Он дышал с трудом, пульс бился слабо, цвет лица — ужасный голубовато-серый, как ледниковая вода.

Сын выглядел таким маленьким. Таким пугающе неподвижным для ребенка, который всегда любил бегать, всегда был полон света и смеха.

Призрак прислонился к дивану, его большая голова покоилась на груди Майло. Он тихонько поскуливал, его карие глаза смотрели с недоумением и беспокойством. Пес все время тыкался в руку Майло, в плечо, в щеку, пытаясь уговорить его очнуться.

— Я знаю, мальчик. Знаю. Мы тоже хотим, чтобы он пришел в себя.

Часы проходили с мучительной медлительностью. Уже перевалило за восемь вечера, и на улице стемнело. Свет нигде не горел, кроме маленькой электрической лампы на соседнем столике.

В помещении оказалось так тепло, что Ханна смогла снять зимнюю куртку. Она прекрасно могла жить без электричества, но сейчас испытывала огромную благодарность за него. Она радовалась, что Шарлотта в безопасности и тепле в доме Молли.

Наверху Лиам и Бишоп охраняли дом, а Квинн присматривала за Виггинсом, который все еще сидел на стуле в столовой. Они хотели привязать его, но если кто-то подойдет к двери, Виггинс должен ответить, чтобы отвести подозрения.

Около девяти вечера вернулись ополченцы, шумные, злые и жаждущие крови. Ханна и остальные сидели тихо и спокойно, прислушиваясь к разговорам возле дома.

К счастью, Лиам успел выскользнуть и избавиться от тела Вика до появления ополченцев. Один взгляд на разорванное горло трупа, и Саггер сразу бы понял, что это сделал Призрак.

Заметание следов не заняло у Лиамы много времени. Он оттащил тело в лес, наспех присыпал его снегом и пробрался обратно к дому Виггинса. Если бы кто-нибудь присмотрелся, то увидел бы брызги крови, отпечатки ног и обнаружил бы тело.

Проблема не была решена окончательно, но им нужно лишь выиграть немного времени.

Они планировали устроить Майло на ночлег, дожидаться, пока большинство ополченцев улягутся спать, а потом как-то тайно вывезти всех из «Винтер Хейвена» до рассвета.

Оставаться здесь и дальше для них невероятно опасно. Если Виггинс выдаст их, или Призрак залает, или Ноа или Розамонд увидят кого-то из них в окне...

Все понимали серьезность ситуации. Они говорили шепотом и двигались только при необходимости, с напряженными и застывшими выражениями на лицах.

Они чувствовали, как стены смыкаются, как тишина давит на них. Смерть нависла над ними, как огромный валун, готовый упасть.

Они находились в центре осинового гнезда. Один толчок, один удар, и десятки вооруженных мужчин и женщин обрушатся на них в приступе ярости и ненависти.

Одна маленькая ошибка, и все они погибнут.

Глава 49

Ханна

День пятьдесят четвертый

Ханна крепче сжала руку Майло, прислушиваясь к крикам наверху.

Она узнала взволнованный голос Ноа. Догадалась, что произошло — Ноа вернулся в «Винтер Хейвен», увидел пожар и прибежал к двери Виггинса. Виггинс ответил притворившись, что он не заложник.

Лиам прятался за дверью, вне поля зрения, нацелив «Глок» на череп Виггинса. Одно неверное слово, одна ошибка, и мозговое вещество Дэррила Виггинса украсило бы крыльцо.

Виггинсу велели сказать Ноа правду — что он оставил Майло спать в его комнате, чтобы заняться делами в собственном доме. Остальное Ноа мог додумать сам: пожар,

удушливый дым, верная смерть его сына.

Вытоптаные следы вокруг дома могли бы рассказать совсем другую историю, если бы их не стер свежий снег. Сам дом представлял собой полуразрушенную развалину. Тут и там полыхали небольшие огни, все выгорело, опалилось и потеряло устойчивость.

Ноа не мог попасть внутрь дома, чтобы искать тело своего сына.

Ханна не могла разобрать его слов — крик, ругань, а затем рыдания, надрывные и полные скорби причитания, невообразимая боль, которая отражала ее собственную.

Она закрыла глаза, слезы заструились между ресницами. Жутко рассказывать человеку о том, что его сын умер. Майло висел на грани, но он еще не ушел. Но это все равно ложь.

Выбирать не приходилось. Ноа не мог обнаружить здесь Лиама и Бишоп. И Квинн тоже.

Он бы предал их, а Саттер и его люди убили бы их всех.

Через некоторое время наверху стало тихо. Ноа наконец ушел. Куда он пойдет или что будет делать, она не знала. Ханна жалела его, но ее жалость имела свои пределы.

Ноа доверился людям, которым, как он знал, нельзя доверять. Майло лежал в коме из-за решений Ноа, его бездействия и трусости.

Она не забыла этого. Ни на секунду.

Через несколько минут Бишоп спустился вниз, чтобы проверить жизненные показатели Майло, отрегулировать поток и сменить пакет для капельницы. Он прислонил свой АК-47 к ножке дивана и поставил несколько банок кокосовой воды.

— Молли прислала их с нами. Как только Майло очнется, мы сможем добавить немного соли для пероральной регидратации и регулирования уровня электролитов.

— Как он?

— Я ведь не настоящий доктор, но, насколько могу судить, у него гипотония. Его кровяное давление слишком низкое. В больнице ему бы ввели большую дозу гидрокортизона, чем мы можем, а также внутривенно декстрозу для понижения сахара в крови. Нам же остается только молиться. Молитва — это не пустяк.

— Спасибо, Бишоп. За все.

Бишоп опустился на край дивана, стараясь не придавить ноги Майло.

— Мне жаль, — мягко сказал он. — Я знаю, что слышать Ноа наверху было невероятно трудно для тебя.

Ханна молча покачала головой.

— Мне это, конечно, ненавистно, но так нужно. Мы расскажем Ноа правду, как только это будет безопасно. После того, как Майло очнется.

— Я надеюсь на это.

Бишоп посмотрел на Ханну, его глаза глядели доброжелательно и были полны сострадания.

— Как ты держишься?

Она почувствовала, как внутри открывается старая тьма, пустота, которая поглощала ее разум, когда все становилось слишком ужасным. Такой костыль, механизм выживания, который она изо всех сил пыталась преодолеть.

Ханна смотрела на Майло, пока ее зрение не затуманилось.

— Я только что обрела его снова. У нас появился второй шанс. Это было чудо. Как будто Бог присматривал за мной, в конце концов. — Она судорожно вдохнула. — Как я могу потерять его? Как я смогу это вынести?

Бишоп сильно тряхнул головой. В его глазах блестели слезы.

— Я задавал себе те же вопросы. Снова и снова. В темноте ночи, когда просыпался от их криков. В тишине, когда их смех отдается эхом.

Ханна закрыла глаза, ее сердце разрывалось от боли. Бишоп остался один, ему некого обнимать. Он потерял даже больше, чем она, — его семью хладнокровно убили.

И все же он здесь, крепкий, как дуб, защищал ее, дарил утешение, как и подобает пастору, которым он был.

— У меня есть вера, Ханна. Моя вера поддерживает меня. Моя надежда.

— А когда ты ее не чувствуешь? Когда ты не видишь надежды?

— В этом и проявляется вера. Верить в то, чего не видишь. Доверять, когда путь труден и неясен. Верить, что даже в самую темную ночь взойдет солнце.

Она кивнула.

— Мои молитвы непрестанны, Ханна. Я молюсь за Майло, за тебя, за этот город.

— Мы благодарны за эти молитвы. — Ей удалось слабо улыбнуться. — Спасибо, Бишоп.

Призрак вскочил на ноги и повернулся к лестнице. Ханна и Бишоп посмотрели вверх.

Лиам спускался по ступенькам, его М4 висел в перевязи на груди.

— Есть изменения?

Ханна покачала головой.

Бишоп поднялся на ноги и взял свою винтовку, прислоненную к дивану.

— В любом случае, мне нужно заступить на вахту. Пора размять ноги.

Когда Бишоп вернулся наверх, Лиам заметался по комнате, как пантера в клетке, и от него исходила осязаемая темная энергия. Он вымыл лицо, но грязь и засохшая кровь все еще покрывали его шею, а одежда и вовсе была грязной и рваной.

— Лиам.

Он повернулся к ней лицом.

— Я здесь. Что бы тебе ни понадобилось, я рядом.

Ханна не могла смотреть на него. Она бы разрыдалась. Она похлопала по пуфику рядом с собой.

— Посидишь со мной?

Лиам неохотно сел, отстегнул М4 и положил его у ног. «Глок» он положил в пределах досягаемости.

Призрак приветственно вильнул хвостом, но не покинул своего места рядом с Майло. Лиам наклонился и почесал пса за ушами.

Сердце Ханны слишком сильно болело, чтобы она думала, стоит или не стоит. Ханна действовала инстинктивно, когда прижалась к нему и положила голову на плечо Лиамы.

Он напрягся. Затем его тело расслабилось, и он обнял ее за плечи. Ханна растворилась в его силе и тепле.

Его присутствие облегчило боль в ее сердце, как мазь, положенная на сырую, открытую рану. Несколько минут они просто сидели вместе, разделяя бремя своих страхов, тревог и боли.

— Я совершила ошибку, — с горечью проговорила она. — Я не должна была оставлять его с Ноа.

— Может быть, и нет, но ты приняла лучшее решение, которое могла принять, располагая той информацией, которая у тебя имелась на тот момент. Ты не можешь отвечать за большее.

— Легко сказать. — Гнев нахлынул на нее, сжигая горе. — Он оставил Майло с незнакомцами. Он пытался убить тебя. Если бы я знала...

— Ты не знала. Забрать Майло силой означало бы навлечь на себя огромные неприятности и потери. Началась бы война.

— Мы уже на войне.

— Война, к которой мы не были готовы.

— А сейчас готовы?

— Будем.

— Его лекарства. Пятилетний запас. Все было в том доме, Лиам. Там лежало все. Онс ему нужно. Майло умрет без него.

— Мы найдем еще. Я обещаю, Ханна. Найдем.

Она протянула свою искалеченную руку и погладила шелковистую спину Призрака. Пес грустно заскулил, его голова все еще покоилась на бедрах Майло.

— Когда сидела в том подвале, я думала только о том, чтобы остаться в живых. Я отказывалась умирать. День за днем, час за часом, выбор оставался за мной. Я делала его снова и снова. Повторяла себе из раза в раз: «Я не умру. Я буду той, кто выживет. Девочкой, которая выжила».

В ее глазах блеснули слезы.

— Теперь я готова отдать свою жизнь в одно мгновение. Я бы обменяла свою на его, без вопросов и колебаний. Я бы вылила каждую каплю крови из своих вен, если бы это вернуло Майло.

Лиам сжал ее плечо. Так легко, что Ханне могло показаться.

— Вот что такое любовь. В этом ты вся.

— Это так больно.

— Я бы хотел забрать твою боль.

— Я знаю, — прошептала Ханна. — Знаю.

Она не могла поддаться отчаянию, не могла позволить своему горю затянуть ее обратно в тьму. Она должна оставаться сильной. Ради Майло, ради Шарлотты, ради себя. И ради Лиамы тоже. Ради всех людей, которых она любила каждым яростным ударом своего сердца.

— Я не сдамся.

— Я и не ожидал от тебя меньшего.

Несколько минут они сидели молча.

— Мы не потеряем его, — тихо произнес Лиам, его голос звучал хрипло.

— Ты не можешь мне этого обещать.

— Я могу попытаться.

Ханна хотела верить ему. Она отчаянно хотела этого. Обычно это она цеплялась за надежду. Но сейчас, в момент сомнений, именно Лиам ее поддерживал.

Внезапно Призрак вскочил на лапы. Подняв голову, он издал свирепое рычание и бросился к лестнице.

Лиам мгновенно оказался на ногах, с оружием в руках.

Адреналин забурлил в жилах Ханны. Если их обнаружат, в опасности окажутся все, а не только Майло. Она включила рацию.

— Призрак что-то почувствовал. Вы что-нибудь видите?

— Сзади ничего нет, — ответила Квинн.

— Есть кое-что, — сообщил Бишоп сквозь шипение помех. — Посторонний в одиночку

приближается к подъездной дорожке с улицы. Двигаемся на перехват.

— Уже иду. — Лиам посмотрел на нее, выражение лица жесткое, плечи напряжены, весь собранный. — Оставайся здесь. Защищай Майло.

Ханна взяла в руки верный «Ругер», который вернула ей Квинн, и кивнула.

Лиам направился к лестнице.

— Призрак, оставайся с ней.

Призрак колебался, его тело дрожало, напрягаясь от желания ворваться на лестницу и атаковать все, что угрожает его маленькой стае.

— Призрак, — позвала Ханна. — Пожалуйста.

Он вернулся к ней жалобно поскуливая. Ханна погладила его по спине и посмотрела вниз на своего сына — ее сердце, ее жизнь.

— Живи, мой драгоценный мальчик. — Она положила руку на его хрупкую грудь. — Ты должен бороться за жизнь. Борись, Майло. Борись всем, что у тебя есть.

Глава 50

Лиам

День пятьдесят четвертый

Виггинс открыл входную дверь, дрожащей рукой. От него воняло мочой.

Холодный воздух ворвался внутрь, снег закружился у ног Виггинса.

Лиам присел за стенкой шкафа для одежды, М4 поднят и прижат к плечу, готовый к бою.

Бишоп проскользнул через кухню в гараж. Ему предстояло выйти через боковую дверь и обойти их с фланга, пока никто не догадался, что он там.

Квинн присела на корточки с противоположной стороны от входной двери, вне поля зрения. Она держала «Беретту», которую он ей дал, и целилась в Виггинса.

Лиам проинструктировал Квинн не вмешиваться, если в этом нет крайней необходимости. Одна только угроза ее пистолета Виггинсу позволяла держать в узде такого слабого, плаксивого человека, как он.

Послушается ли она — это уже другой вопрос.

— Что вам нужно? — Голос Виггинса прозвучал высоко и визгливо.

Лиам напрягся. Если Виггинс выдаст их, то ему конец.

— Я Лютер, — назвал себя человек. — Я здесь, чтобы поговорить с Лиамом Коулманом.

— Его здесь нет, — заикаясь, произнес Виггинс. — Я один. Совершенно один.

— Я единственный, кто в курсе. Я дежурил, когда увидел, как ваши люди пробрались внутрь. Я не доложил об этом. Я не стрелял в вас. Поверь мне, ты бы знал. Я не промахиваюсь.

— Вы явно не слушаете. Здесь никого нет. Я понятия не имею, о чем вы говорите. Я просто сидел за приятным ужином, пока меня так грубо не прервали.

— У меня есть важная информация для тебя, Лиам, — настойчиво продолжал Лютер. — У тебя нет причин доверять мне, но у меня нет необходимости приходить сюда без веских мотивов. Это я подвергаю себя риску, и ты это знаешь. Мы можем быть полезны друг другу.

Лиам тихо выругался. Он стремительно вышел из-за стены. Не сводя глаз с Лютера, он ударил Виггинса по ногам.

Виггинс упал, как мешок с картошкой. Приземлившись на задницу, он издал

изумленный визг, как поросенок.

Виггинс больше не загораживал обзор. Лиам сделал два быстрых шага вперед, его ребра заныли в знак протеста. И направил М4 в лоб Лютеру, прямо между глаз.

— Зайди внутрь. Сейчас же.

Лютер выглядел ошеломленным. Его руки инстинктивно потянулись к оружию. Он был вооружен М4, пистолетом и боевым ножом. Карабин висел на перевязи.

— Не очень хорошая идея, — заметил Лиам. — Держи руки так, чтобы я их видел.

Лютер поднял руки вверх.

— Я один.

В пятнадцати футах позади Лютера справа Бишоп вышел из тени гаража. Он стоял лицом к улице, расхаживая взад-вперед, ища кого-нибудь еще, скрытого в темноте. Снежные хлопья срывались с черного неба, заслоняя видимость.

Это могла быть засада или уловка. Если так, то решение не самое умное. У превосходящих сил ополчения хватало и более простых способов уничтожить несколько вражеских целей.

Тем не менее, Лиам оставался настороже. Каждый его нерв был напряжен, все чувства приведены в состояние повышенной готовности. Он взмахнул стволом М4.

— Вперед.

Лютер двинулся. Он поспешил в дом, размазывая снег. Топнул ботинками по входному коврику. Квинн закрыла дверь, и Лиам провел ополченца в гостиную, где обыскал его и конфисковал оружие.

Шторы были задернуты. Никто не мог заглянуть внутрь. Бишоп оставался на страже. Из окон гаража он хорошо видел улицу и двор.

Виггинс украдкой двинулся в сторону кухни, пытаясь сбежать через заднюю дверь.

Квинн подняла свою «Берретту».

— Э-э-э. Даже не думай об этом.

Лиам вытащил пару стяжек из своей нагрудной сумки и бросил их Квинн.

— Свяжи его.

— С удовольствием, Росомаха. — Квинн помахала стяжками перед Виггинсом. — Пора надеть поводок.

— Я сделал то, что вы просили! — захныкал Виггинс. — Почему я...

— Ты проверяешь мое терпение? Потому что я ненавижу тесты. Обычно я их проваливаю.

С болезненным вздохом он протянул свои запястья. Квинн застегнула руки Виггинса за спиной и толкнула его на кухонный стул, чтобы не мешал.

Лиам не сводил глаз с их гостя.

— Выкладывай. Соврешь хоть раз, и я гарантирую, что ты отсюда не выйдешь.

Лютер кивнул, выражение его лица было серьезным.

— Саттеру надоело играть в игры. До сих пор ваш суперинтендант держала его в узде, но теперь это уже не так. Я не знаю, отдает ли она приказы или он решил перестать их выполнять. Он хочет, чтобы вы все умерли. Его не волнует побочный ущерб. Его не волнует, что весь город сгорит.

— Мы это уже поняли. — Голос Квинн оставался хриплым от вдыхания дыма. — Попробуй еще раз, Эйнштейн.

— Они собираются атаковать на рассвете. Сегодня был просто предупредительный

выстрел, попытка выманить вас легким путем. Это не сработало. Теперь они придут с оружием наперевес и убьют любого, кто встанет у них на пути.

Лютер посмотрел на Лиама.

— У нас есть приказ убить тебя и Бишопа. Но не только вас. Дейва Фарриса, Анне Кинг, Майкла Дункана и его сына. Молли Денг. Коринну Маршалл и ее сына Джонаса. Всех кто подозревается в пособничестве бунтовщикам или поддержке антивластной пропаганды. Саттер объявил, что ополченцы полностью берут на себя охрану правопорядка. Труитт уже мертв. Рейносо, Хейс и Перес в списке на ликвидацию.

Лицо Квинн потеряло цвет.

— Бабушка.

У Лиама сжалась грудь. Он подумал о маленькой Шарлотте с Молли. Одна старая женщина и ружье против маленькой армии.

— Саттер перерезал бы весь город в их постелях — мужчин, женщин и детей, — если бы думал, что это даст ему преимущество.

— А Ноа знает? — спросила Квинн. — Он никогда бы этого не допустил!

— Он никогда не контролировал ситуацию, — возразил Лютер. — Теперь это игра Саттера.

Лиам покачал головой.

— У нас нет причин верить тебе. И полно причин не доверять.

— Не сомневался, что ты это скажешь. — Лютер посмотрел мимо Лиама, заглядывая дальше в дом. — Ханна Шеридан здесь?

— Что тебе от нее нужно?

Лютер нервно облизнул губы.

— Думаю, она заслуживает, чтобы услышать то, что я хочу сказать.

— Не верь ни слову из того, что он говорит, — предупредила Квинн. — Он лжец.

Лютер напрягся.

— Я не лжец.

Квинн бросила на него презрительный взгляд.

— Значит, просто вор-убийца?

— Я выслушаю его, — раздался голос позади. Ханна появилась на вершине лестницы. Она прошла справа от Лиама, Призрак следовал за ней. Пес поднял голову, оскалив зубы.

Встревоженный, Лютер сделал произвольный шаг назад. Его взгляд метался от Ханны к огромной собаке. Ополченец чувствовал себя чертовски неуютно.

Лиам сжал челюсти. Хорошо. Пусть поёрзает.

— В чем дело? — спросила Ханна. — Что ты хочешь рассказать?

Лютер сглотнул.

— Это сделал я, мэм. Я поджег дом шефа Шеридана.

Глава 51

Лиам

День пятьдесят четвертый

— Я выполнял приказ, — заикаясь, выдавил Лютер. — Это не оправдание...

— Нет, не оправдание, — резко заявила Ханна.

У Лютера отвисла челюсть. В его глазах промелькнуло что-то похожее на раскаяние.

— Я заслужил это. Саттер заявил, что необходимо устроить поджог. Он сказал, что

суперинтендант слишком долго проявляла мягкость по отношению к Шеридану, что ему давно пора усвоить урок и понять, кому именно он подчиняется. Он велел мне сделать это сегодня, пока шеф Шеридан занят пожарами на Главной улице.

— Пожары устроили ваши люди.

— Да. Мы их устроили. Все.

— Мой сын находился внутри. — Голос Ханны звенел сталью от едва подавляемой ярости. — Как вы могли!

— Я не знал! — Лютер резко вдохнул, его трясло от вида оружия, приставленного к его лицу, но еще больше потрясло жесткое обращение Ханны. Он смотрел куда угодно, только не на нее. — Я клянусь вам. Я взломал замок, вошел внутрь и направился прямо к гардеробу в главной спальне. Я облил бензином хозяйскую спальню, кухню, гостиную и ушел. В доме стояла полная тишина. Я подумал, что он пуст. Не было никаких признаков, что в нем кто-то есть.

— За исключением восьмилетнего мальчика, который спал на полу в своей спальне!

Лютер заметно сдулся. Стыд проступил на его лице, поселился в глубине морщин и затенял глаза.

Есть много эмоций, которые мужчины могут хорошо имитировать, но это не одна из них. Этот ополченец сожалел о содеянном.

— Мне жаль, — произнес Лютер. — Правда, жаль. Я был свидетелем ужасных вещей. Я принимал участие во многих из них, и лучше бы я этого не делал. Но это. Сжигание еды в городе? Стрельба по людям, пытающимся потушить пожар? Я не подписывался убивать детей.

Квинн усмехнулась.

— Только взрослых?

Лютер покраснел.

— Все совсем не так. Не так все начиналось. Я понимаю, к чему ты клонишь. Понимаю. С самого начала это были мы против вас. Я не буду врать. Я бы предпочел быть с «вами». И я не собираюсь отказываться от того, что мне нужно, чтобы выжить.

Лиам уставился на М4, который он снял с Лютера.

— Оружие ты украл у американского солдата? И осколочные гранаты.

— Мы увидели возможность и воспользовались ею. На атомной электростанции Кука расквартировано подразделение Национальной гвардии. Мы избавили их от некоторых вещей, которые они не смогут больше использовать, вот и все.

Его слова подтвердили то, что Дейв сказал ранее.

— Ты и его убил?

— Нет, вообще-то. Мы не убивали. Я готов делать то, что должен, чтобы жить. Людям не причиняли бы боль, если бы они знали, когда нужно смириться с тем, как обстоят дела.

Он сжал губы. Его глаза потемнели, выражение лица не поддавалось прочтению.

— Но в наш последний рейд, эта чертова девчонка, выбежала перед грузовиком. Видимо, мы взяли какое-то лекарство от диабета, которое требовалось ее матери. Она была еще ребенком, не больше четырнадцати лет. Саттер мог оттолкнуть ее или объехать. У нас имелось все необходимое. Никто не боролся и не преследовал нас. — Он опустил взгляд. — Саттер этого не сделал. Он просто ее застрелил.

Негодование пронзило Лиаму. Он представил себе эту девушку, более храбрую, чем машина с садистами-социопатами, которые ее убили. В его сознании у нее было лицо

Квинн. Ему потребовались все силы, чтобы не пристрелить Лютера, как собаку.

Квинн закатила глаза.

— Так теперь ты сожалеешь? Кого это, черт возьми, волнует?

Лютер вздрогнул.

— Я не святой. И не собираюсь притворяться таким. Но я хочу уйти. Я покончил с Саттером и его эгоистичной политикой. Я просто хочу жить, а не тратить все свое время на борьбу с людьми.

— Мне все равно, — заявила Квинн.

— Я пошел на самый большой чертов риск в своей жизни, придя к вам, — проронил Лютер.

Лиам сузил глаза.

— Вопрос в том, почему.

Лютер неловко сдвинулся, его руки опустились на несколько дюймов.

Призрак зарычал.

Побледнев, Лютер поднял руки вверх.

— Потому что вы знаете, что делаете. И вы рисковали своими жизнями, чтобы спасти нас.

Лиам сжал челюсти.

— Оказывается, мы спасли не тех людей.

— Может быть, и так, но спасли.

— Лучше бы я этого не делал.

Лютер помрачнел.

— Я заслужил это. Послушайте, это уже ничего не меняет, на самом деле. Саттер не тот, за кого я его принимал. И ваша суперинтендант — тоже. До краха все обстояло именно так. Коррупцированные и жадные политики правили нами, облагали нас налогами до смерти, высасывали из Америки все соски. Никто ничего не мог с этим поделать. Во всяком случае, не маленькие люди. Нас учили, что голосование может все изменить, все исправить, но мы просто меняли одного шарлатана на другого на всех уровнях власти.

— Эта штука, эта катастрофа, она как перезарядка. Люди вроде Саттера всегда будут искать способ манипулировать хаосом себе на пользу. Политики будут использовать творящееся безумие, чтобы консолидировать еще больше власти. Но кто сказал, что ЭМИ не может принести пользу? Кто сказал, что происходящее не может стать перезагрузкой и для нас?

Квинн грозно посмотрела на него.

— Переходи к делу. Все, что я слышу, это бла-бла-бла.

— С моей точки зрения, нас отправили обратно на Дикий Запад. Сила решает все. Если ты сможешь победить своего маленького тирана-мэра, никто больше не придет тебя арестовывать или увозить в тюрьму. Федералы не появятся с 50-калиберными пулеметами и воздушной поддержкой. Армии наплевать на то, что здесь происходит. Если у вас есть возможность уничтожить врага, почему бы не сделать это сейчас? Это шанс. Возможность.

— Спасибо за ободряющую речь, — поблагодарила Квинн. — Твой совет нужен нам как выстрел в голову.

— Тогда не обращайтесь на меня внимания. Ложитесь спать, просыпайтесь и смотрите, как весь ваш город сгорает дотла, а не только пара зданий. Проснитесь под крики своих близких, которых убивают. Мне не до этого. Я просто пытаюсь сделать одно правильное

дело. Вот и все.

— Ты рискуешь получить пулю, ради того, чтобы поступить правильно? — скептически спросил Лиам.

Лютер не моргнул. Он встретил пристальный взгляд Лиама.

— Именно так.

— Недостаточно убедительно. — Квинн взмахнула «Береттой». — Ты хочешь уйти? Почему бы тебе просто не взять снаряжение, запрыгнуть на квадроцикл и уехать? Зачем приходиться к нам?

Что-то изменилось в его лице. Мелькнул страх.

— В этом-то и загвоздка. Саттер — не тот человек, которого можно бросить. Он не позволит нам уйти отсюда, даже в одних одеждах. Он расценит это как предательство. Он пошлет своих лучших следопытов, чтобы выследить и убить нас.

— Кого «нас»? — спросила Ханна.

Тень пересекла лицо Лютера.

— Мой отец живет со мной. У него тяжелая форма ХОБЛ. Ему нужен кислород. Ему нужно электричество. Мы не можем просто взять и уйти.

— Ты хочешь, чтобы мы убили Саттера, — подытожил Лиам. — Хочешь, чтобы мы решили проблему за тебя.

Лютер сглотнул и кивнул.

— В обмен на мою помощь в победе над Саттером я получу возможность остаться в «Винтер Хейвене» с моим отцом, когда все закончится. Вот и все.

— Ты играешь на обе стороны, — заметила Ханна, ее голос выдавал сдерживаемый гнев. — Неважно, кто победит, ты останешься в выигрыше.

— Да пошел ты! — прошипела Квинн. — Ты такой же мерзавец, как и Саттер.

В глазах Лютера вспыхнул гнев или обида, а может, и то, и другое.

— Никто ничего не делает просто так. Если помогу вам победить, я это заслужил. Это справедливо.

Лиам не стал доверять ему больше, чем раньше, но, по крайней мере, он понял мотивы Лютера. Для начала.

— Есть еще кое-что. Не то чтобы это имело значение сейчас. — Взгляд ополченца переместился с Лиама на Ханну. Чувство вины омрачило его лицо. — Саттер велел убедиться, что тайник с таблетками сына Шеридана находится в доме, и проследить, чтобы он сгорел вместе со всем остальным.

Лиам не сводил глаз с Лютера. Он не мог видеть выражение лица Ханны, но мог представить ее реакцию. Внешне она не шелохнулась, даже не вздрогнула.

— Ты уничтожил важнейшее лекарство маленького ребенка! — голос Квинн взвился от ярости. — Лекарство, без которого он умер бы!

— Должен был. — Лютер вернул свое внимание к Лиаму и его М4. — Я сейчас собираюсь достать кое-что из своего нагрудного кармана левой рукой. Это не оружие.

Лиам наклонил подбородок в знак согласия.

Медленно и осторожно, Лютер достал пузырек с таблетками. Он протянул их.

— Это гидрокортизон. Понимаю, что сейчас это не имеет значения, но я планировал передать шефу Шеридану как можно больше. Я был не один, поэтому не смог пронести все, но у меня есть два флакона в этом под сумке и еще два в левом кармане моих форменных штанов.

Лиам изо всех сил старался сохранить нейтральное выражение лица. Если Майло очнется от комы, эти четыре бутылка будут стоить для Ханны дороже золота. Что делало их бесценными для Лиама.

Они не могли выразить своего облегчения — ведь раскрыв правду о Майло, поставят под угрозу всех. Ноа не останется в стороне; он обрушит на их головы все ополчение.

— Положи все это на пол.

— Предполагалось, что это будет жестом доброй воли, — сказал Лютер. — Чтобы показать вам, что я искренен. Что вы можете мне доверять. — Лютер перевел взгляд с Лиама на Ханну и обратно. — Мне нужно твое слово. Если я помогу вам, в обмен на это мы с отцом останемся здесь. И нас не тронут.

— Ты должен сделать что-то получше этого, — проворчала Квинн.

— Значительно лучше, — согласился Лиам.

— Я могу. — Лютер впервые улыбнулся. Это была не очень красивая улыбка, напротив, острая и хитрая, как у барракуды. — Я могу дать вам то, что необходимо для окончательной победы над Саттером.

Глава 52

Лиам

День пятьдесят четвертый

Лиам и Бишоп лежали под массивным дубом, держа оружие в руках. Их лица покрывала черная краска. В прохладном воздухе дыхание превращалось в пар.

Около полуночи снег наконец перестал идти. Облака, образовавшиеся после метели, рассеялись за последний час. Землю освещала полная луна, а ветер продолжал трепать замерзшие ветки, заставляя трещать и шуметь появившуюся на них наледь.

Линия елей отгораживала их от цели примерно в десяти ярдах к востоку. Белый трехэтажный дом в самом центре «Винтер Хейвена», располагался недалеко от главной дороги перед тем, как она разветвлялась на несколько тупиков.

Лютер утверждал, что здесь находится склад оружия.

Если это правда, то кража оружия у ополченцев из-под носа могла бы дать им преимущество, необходимое чтобы уравнять шансы и покончить с Саттером и его людьми сегодня вечером. Возможно, налета на оружейный склад будет достаточно для победы.

Прежде чем затаиться для разведки у дома, они сделали широкий круг вокруг участка, дважды возвращаясь назад и проверяя возможные засады. Через каждые несколько ярдов они останавливались и прислушивались, ловя малейший звук и движение.

Пока что разведданные Лютера казались надежными.

Они оставили его связанным и с кляпом во рту рядом с Виггинсом под бдительным присмотром Квинн и Ханны. В нижнем белье ему будет неудобно, но, по крайней мере, он жив.

Лютер предусмотрительно захватил с собой запасную форму и куртку для Лиама, чтобы тот мог слиться с толпой. Он не рассчитывал на второго человека, поэтому Лиам приказал ему раздеться до трусов и пожертвовать одежду Бишопу.

Лютер имел достаточно высокий рост, но был уже Лиама в плечах, однако Лиам смог натянуть форму. Бишопу пришлось труднее. Он напоминал огромный холодильник, слишком высокий и широкий для всего, что могло бы подойти к стройной фигуре Лютера.

Он взял у Лютера жилет и надел куртку, но с трудом. Она трещала по швам и не

застегивалась. Впрочем, неважно.

С первого взгляда, ночью и издалека, их легко можно принять за ополченцев. И Лиам не собирался давать никому времени на разглядывание.

Лиам прижал приклад М4 к щеке и осмотрел местность через прицел. Как обычно, болела поясница, горели ребра, хотя в доме Виггинса он проглотил несколько таблеток ибупрофена. Он проигнорировал дискомфорт и сосредоточился на передней части дома.

Наружное освещение не горело, но переднее окно с правой стороны ярко светилось. Любой человек, находящийся внутри и пытающийся выглянуть наружу, вряд ли сможет рассмотреть что-то в ночи.

По словам Лютера, в доме находилось четыре охранника. Очевидно, они проводили большую часть ночи в столовой, курили и играли в покер. Один из них должен был проверять периметр двора каждые тридцать минут. Судя по последнему часу наблюдения, они этого не делали.

Охранник открывал дверь, отходил на несколько шагов, оглядывался по сторонам и спешил обратно в дом к своей карточной игре. Никто из охранников не проявлял особой бдительности или внимания к окружающей обстановке. На них не было ни бронежилетов, ни очков ночного видения.

Со своей точки обзора Лиам мог различить фигуры двух человек через переднее окно — оба сидели, предположительно в столовой. Они не двигались, наклонив головы, словно рассматривали карты.

По другую сторону стола, вне поля зрения, вероятно, сидели один или два человека. Скорее всего, но он не мог быть уверен.

Лиаму не хватало тепловизоров и очков ночного видения. Воздушной поддержки. Целой команды позади него.

Тем не менее он обязан справиться. Он много раз импровизировал в полевых условиях. Его этому учили.

Вдалеке послышался гул снегоходов, нарушив тишину. Патруль ехал по наезженной оленьей тропе в десяти ярдах за домом на юге. Лиам и Бишоп прятались вдоль западной стороны.

Данные Лютера совпали с наблюдениями самого Лиамы. Во время своего короткого пребывания в «Винтер Хейвене» он делал мысленные заметки, изучая расписание патрулей, протоколы безопасности и слабые места.

В дополнение к охранникам склада оружия, шесть укрытий располагались на деревьях вокруг внешнего кольца домов, по охраннику со снайперской винтовкой в каждой башне.

Патрули ополченцев сосредоточились на периметре поселка, главной дороге и передних воротах. Два патруля по два человека в каждом — один пеший, другой на машинах, со сменой каждые четыре часа: в полночь, четыре и восемь утра.

Снегоходы объезжали внешний периметр примерно за десять минут. Пеший патруль придерживался дорог и совершал полный круг примерно каждый час, в зависимости от того, насколько холодной выдалась ночь и как быстро охранники хотели идти.

Патрули предпочитали не сходить с улиц, не проверяли отдельные дома. Они ленились и были плохо дисциплинированы.

Остальные ополченцы спали в своих постелях, готовясь к утренней атаке. К нападению, которое, по замыслу Лиамы, никогда не состоится.

Лиам и Бишоп ждали, пока стихнет шум двигателя. Между пешим и машинным

пагулями промежутков в восемь минут. Достаточно времени для того, что им нужно сделать.

Лиам достал свой тактический нож «Гербер МК II», наточенный до бритвенной остроты. Бишоп снял с предохранителя НК45 Тактикал, который Лиам забрал у одного из убитых ополченцев после засады.

Бишоп накрутил глушитель. Крупный Аттикус был на удивление быстр, его движения отличались практичностью и эффективностью. С глушителем НК45 больше походил на короткую винтовку, чем на пистолет.

— Я знаю, что уже спрашивал тебя раньше, — произнес Лиам. — Мне просто нужно убедиться, что с твоей совестью не возник никаких проблем.

Бишоп уже более чем доказал свою состоятельность, но Лиаму все еще с трудом удавалось соединить религиозного миротворца с опытным воином, которого он видел перед собой.

— Я знаю, что нужно сделать и почему, — низко произнес Бишоп. — Ты можешь доверять мне, Лиам.

Лиам напряженно кивнул. Доверие давалось ему нелегко. Он сомневался, что когда-нибудь станет по-другому.

Он поднес палец к губам. Бишоп молча кивнул.

С этого момента они будут придерживаться шумовой дисциплины. Это задание требовало скрытности. Придется действовать грязно, близко и лично. Неприятно, но необходимо.

Два человека не могли справиться с сорока врагами одновременно. Но если у них получится добраться до запасов оружия на складе...

Адреналин забурлил в его жилах. Лиаму не терпелось войти, но он присел, выжидая и прислушиваясь, напрягая слух в поисках любого постороннего звука.

Он сверил часы, выровнял дыхание и замедлил пульс. Подумал о Ханне и Квинн, прячущихся в доме Виггинса вместе с Майло.

О всех, кто был ему дорог, запертых в волчьем логове.

Ему нужно действовать осторожно. Он должен сделать так, чтобы все получилось. Провал нельзя допустить.

Он махнул Бишопу, и они двинулись вперед, Лиам впереди, Бишоп прикрывает их тыл. Они крались вперед, утиным шагом пересекая открытую местность и забираясь в тень вдоль боковой стороны дома. Густой высокий кустарник обеспечивал отличное укрытие.

Лунный свет освещал их фигуры серебристым сиянием. Они ступали легко и быстро, но скрипя ботинками. Выпавший ранее снег снова замерз, на нем образовалась ледяная корка, затруднявшая бесшумное передвижение.

Лиам вдохнул полной грудью свежий воздух и бросился за угол к дому, держа нож наготове. Он снова сверился с часами. Еще около минуты, прежде чем охранник откроет дверь и высунет голову.

Входная дверь скрывалась в глубине алькова и утопала в густых тенях. По обе стороны от двери возвышались шестифутовые вечнозеленые растения в горшках. Лиам проскользнул в самую глубокую тень слева и приготовился к прыжку.

Бишоп держался позади, прикрывая его. Они замерли.

Ждать пришлось недолго. Изнутри послышались шаги. Звук ботинок по кафелю. Щелчок отпираемого замка, скрип поворачиваемой ручки.

Дверь открылась. Охранник вышел наружу. Его карабин висел на перевязи. Он поднес руки ко рту, дую, чтобы согреть голые пальцы, и смотрел прямо перед собой. Он быстро моргал, пытаясь и не успевая приспособить глаза к темноте.

Лиам выскочил из тени. Охранник его не видел.

Левой рукой Лиам схватил ополченца за затылок, вцепился в копну волос и дернул его голову на себя, открывая шею. Немедля ни секунды, он всадил нож в его подбородок и пронзил мозг.

Охранник упал, мгновенно обмякнув.

Лиам рывком откинул голову врага назад и вынул нож. Вновь перехватив оружие, он схватил убитого за плечи и потащил его в тень, где сам прятался несколько мгновений назад.

Входная дверь стояла широко распахнутой. За ней никого не было. Никаких подозрительных звуков изнутри.

Лиам поднял руку и махнул Бишопу вперед. Бишоп пристроился за ним. Все еще приседая, с оружием наизготовку, мужчины проскользнули в холл и бесшумно закрыли за собой дверь.

Вот так просто они проникли внутрь.

Глава 53

Лиам

День пятьдесят четвертый

Лиам оказался в длинном холле с высоким потолком, в десяти футах справа просматривалась арка коридора, впереди в темноте, вероятно, располагалась официальная гостиная.

Верхний светильник не горел. Прямоугольник света из арочного прохода отражался от сланцевого пола. Справа находилась столовая.

Лиам и Бишоп прижались к стене и бесшумно двинулись вперед, Лиам шел впереди. В рту у него пересохло, адреналин резко повысился. Он напрягал слух в поисках любого признака того, что оставшиеся враги заподозрили неладное.

В воздухе витал запах сигаретного дыма. Доносились голоса. Смех. Один человек оскорблял другого. Что-то о том, что на флопе все сделано неправильно.

Два голоса. Где третий?

Они должны избавиться от трех оставшихся охранников, не дав им ни секунды на то, чтобы предупредить своих приятелей. Одно слово по рации, и все будет кончено. Сделать это нужно тихо, не привлекая внимания ближайших патрулей.

Звук впереди и слева. Спуск воды в туалете.

Третий ополченец раскрыл себя.

Лиам жестом приказал Бишопу прикрыть его. Бишоп прокрался вперед и заглянул в арку, поводя глушителем.

Он подал Лиаму сигнал «все чисто». Кухня находилась между холлом и столовой, которая примыкала справа. Они оставались вне поля зрения игроков в карты.

Из крана хлынула вода. Охранник мыл руки, возможно, смотрелся в зеркало. Вероятно, он не размышлял о последних секундах своей жизни на планете Земля. А следовало бы.

Легко ступая, Лиам проскользнул вперед и вошел в затемненную гостиную. На ковре его ботинки ступали совершенно бесшумно. Он обошел скрытые тенью диваны, комоды и торцевые столики, стараясь не споткнуться об электрические шнуры.

В конце короткого коридора от гостиной располагался санузел. По обе стороны две боковые двери вели в пустые спальни.

Лиам расположился у стены рядом с дверью в туалет.

Вода выключилась. Охранник открыл дверь и выключил свет. Он вышел, похлопывая мокрыми руками по бедрам, его пистолет оставался в кобуре, AR-15 висел на перевязи.

Одним плавным движением Лиам шагнул вперед и глубоко вонзил нож в шею охранника под челюстью. Он зажал левой рукой рот ополченца, чтобы тот не шумел, пока острое лезвие проникало в основание мозга.

Охранник застыл. Быстрый поворот лезвия, и ствол мозга перерезан. Мужчина забился в конвульсиях, затем обмяк.

Лиам отступил назад, втаскивая его в туалет. Он прижал охранника к унитазу. Достал нож, вытер его о штаны мертвеца и вышел из туалета.

Лиам пересек гостиную, вернулся в холл и прижался к стене справа от арочного проема. Бишоп высунул голову из-за угла и проверил в обоих направлениях. Он махнул Лиаму рукой.

Свет на кухне выключили. Холодильник жужжал — странный неприятный звук после столь долгого отсутствия. Прямо перед ними возвышался большой остров с деревянной столешницей. В пяти шагах справа еще один арочный проем, залитый светом. Столовая.

Пауза в разговоре. Тихий шелест сдаваемых карт.

— Где, черт возьми, Далтон? — спросил хриловатый голос. — Его очередь делать ставку.

— Ты же знаешь, как ему нравится ежедневно гадить в унитаз, — проворчал второй, более высокий голос. Они оба засмеялись.

Лиам мысленно представил расположение противников. Он поднял два пальца, указывая на две цели, затем подал знак, что возьмет того, кто слева, а Бишоп — того, кто справа. Пастор кивнул.

Они бросились в атаку. Лиам и Бишоп, все еще сгорбившись, помчались за угол.

Лиам оценил обстановку за мгновение — двое мужчин сидели по обе стороны обеденного стола, карты разложены перед ними, пистолеты и рации лежали на столе рядом с их локтями. Ни нагрудного обмундирования, ни защитных жилетов.

Бишоп свернул вправо, прицеливаясь. Бородатый мужчина поднял голову, держа в руке две покерные карты, на его лице отразилось удивление. Глушитель дважды хлопнул.

Два выстрела попали ополченцу в лоб. Его отбросило назад, и он с грохотом опрокинул стул. Карты полетели на пол.

— Эй! — Второй охранник начал искать свой пистолет. Он так и не дотянулся до него. Лиам метнул свой клинок в грудь мужчины. Удар пришелся мимо сердца; дрожащее лезвие вонзилось в плечо, чуть выше подмышки.

Бишоп повернулся и выстрелил три раза. Мишень Лиамы дрогнула, когда пули попали ему в грудь и раздробили грудную кость. Мужчина упал, сигарета так и осталась висеть на его губах.

Лиам медленно и ровно выдохнул. Четыре врага уничтожены.

Отойдя от окна, он пробрался между стеной и стульями и забрал свой нож у мертвого ополченца.

— Отличный выстрел.

— Спасибо, брат. Приятно видеть, что ты все-таки человек. Иногда я сомневаюсь.

Лиам хмыкнул. «Гербер» не годился в качестве метательного ножа. Тактические ножи

не имели правильного баланса. Повезло, что он вообще попал в парня. Лиам не стал говорить об этом Бишопу.

Кроме того, он не мог позволить себе быть человеком. Не в такие ночи, как эта, против такого опасного врага.

Бишоп опустился на колени рядом с телом по другую сторону стола. Лиам не видел его глаз, но голова пастора была склонена. Он молился.

— Просишь прощения за свои грехи?

— Не для себя. Я знаю, что прав. И не сомневаюсь в своем пути. Я молюсь о прощении за их грехи.

Лиам нахмурил брови, циничный, как всегда.

— Ты лучший человек, чем я.

— Я не лучше никого. Если бы не милость Божья, я стал бы одним из них. Я стараюсь никогда не забывать об этом. Если я не могу оказать им милость в жизни, молюсь, чтобы Бог оказал им милость в смерти.

Атикус был пастором. Лиам не пытался его понять. Пока Бог не возражал против убийственной стороны Бишопы, Лиам все устраивало.

Он все время помнил, что Ханна, Квинн и Майло находятся всего в нескольких домах от него, и осознавал, что рассвет приближается. Пора возвращаться к делам.

Лиам встал и указал подбородком в сторону кухни. Бишоп поднялся, держа пистолет с глушителем в обеих руках. Они быстро проверили остальную часть дома и подвал.

В спальне хозяев их ждал клад. Запах оружейного масла и кордита щекотал ноздри.

— Здесь!

Вдоль стен стояли стеллажи с оружием, а перед окнами — металлические полки, сложенные в два ряда. Несколько металлических ящиков с патронами и магазинами стояли на полу в ванной комнате.

Огромная спальня оказалась полностью заставленной, но чертовски беспорядочно. Охотничьи ружья и дробовики были сдвинуты в один угол, пистолеты сложены на двух мягких креслах, АК и AR занимали большую часть пространства, а также несколько М4, разбросанных по кровати, прислоненных к комодам, сгруппированных на каждом доступном дюйме полок.

На столешницах комодов валялись всякие мелочи. Лиам открыл ящики. Среди шелкового женского белья лежали тубусы для осколочных гранат, взрывпакеты и даже противопехотные мины «Клеймор».

Все, что ему могло понадобиться, лежало, как рождественский подарок: глиноподобная серая пластиковая взрывчатка, капсулы, катушка желтого примакорда.

Его прошибла острая дрожь удовлетворения. Он мог бы даже станцевать джигу на кровати королевских размеров.

— Джекпот!

— Слава Богу, они не использовали их против гражданских, — вздохнул Бишоп, слегка побледнев.

— Пока. Они планируют использовать их во время нападения. Вот почему все разложено вот так, готовое к использованию.

— Они, должно быть, украли это у того подразделения Национальной гвардии.

Лиам взглянул на часы, его беспокойство росло. Полвторого ночи. Восход солнца наступал в семь-пятнадцать утра. Саттер должен собрать своих людей не позднее пяти.

Кроме того, к четырем часам на смену явятся свежие охранники. Новая смена обнаружит тела и поднимет тревогу.

А им еще предстояло проделать огромную работу.

Рейносо и его команде нужно это оружие. Фолл-Крик нуждался в этом оружии.

Но они вдвоем с Бишопом не могли тайно вывезти его из «Винтер Хейвена» в такой короткий срок, не будучи обнаруженными. На этот раз «Фолл-Крик» должен бороться без него.

Но это не означало, что Лиам и Бишоп не смогут использовать найденные припасы.

Лиам засунул в подсумки на груди несколько взрывпакетов, осколочных и дымовых гранат. Он зарядил еще несколько магазинов патронами калибра 5,56 мм для своего М4.

Бишоп подобрал пару очков ночного видения, крепящихся к шлему, и надел их. Он бросил Лиаму еще одну пару и покачал головой.

— Эти недоумки увидели бы наше приближение, если бы на них были эти очки.

Очки держались на пластиковом обруче, который плотно прилегал к голове, а оптика опускалась на глаза. Лиам проверил, что оборудование работает, затем поднял оптику вверх.

Снаряжение получилось громоздким и неудобным, но крайне важным для правильной обороны.

— Они расслабились в своем королевстве.

— Это не их королевство.

— Об этом они постоянно забывают.

— Мы просто должны напомнить им об этом факте.

— Вот и я о том же. — Лиам набил свои карманы и подсумки таким количеством магазинов, какое мог унести, и обновил радиоаппаратуру. — Вызови Рейносо по рации. Скажи ему, чтобы готовился.

— Я попрошу его собрать добровольцев.

Лиам пренебрежительно хмыкнул.

— Они не придут.

— Придут.

— Не после кровавой бойни в распределительном центре.

— Думаю, ты будешь приятно удивлен. — Бишоп похлопал его по плечу. — Немного веры, мой друг.

Лиам завидовал уверенности Бишопа. Он не мог полагаться на веру. Он мог полагаться только на себя.

— Я свяжусь и с Миком Селлерсом. Скажу ему, что нам нужен Общественный альянс.

— Удачи тебе. — Лиам закатил глаза. — Убедись, что Рейносо предупредит нас, когда они прорвут оборону ополчения. Не хотелось бы попасть под дружественный огонь. — Он жестом показал на свою форму. — Мы выглядим точно так же, как ополченцы.

— Принято. — Бишоп медленно повернулся по кругу, осматривая комнату. — А что насчет остального? Мы не можем вынести все это отсюда, но не должны оставлять оружие им.

Лиам бросил взгляд на «Клеймор».

— Знаю.

— Я лучше сожгу все это, чем увижу хоть одну пулю, выпущенную против наших людей.

— Согласен.

Бишоп посмотрел на него.

— Тогда каков план?

Лиам мрачно улыбнулся.

— Мы взорвем все это, к чертовой матери.

Глава 54

Ноа

День пятьдесят четвертый

Ноа не знал точно, где он находится. Где-то в «Винтер Хейвене», перед каким-то чужим домом.

Он шел, казалось, уже несколько часов, шаркая ногами, шатаясь, спотыкаясь, куда-то, куда угодно. Ему было невыносимо находиться в собственной шкуре.

Он посмотрел вверх, моргая шурящимися, горящими глазами. Небо представляло собой клубящуюся серую массу. Верхушки деревьев склонились, снег, падающий вниз, имел цвет грязного пепла.

Снег смешался с дождем, превратившись в ледяной ливень. Гранулы жалили его щеки и лоб. Ветер трепал одежду и волосы.

Ему все равно. Разыгравшаяся непогода ничто по сравнению с болью, разъедающей его душу. С удушающим стыдом, черной дырой потери.

После всего, чем он пожертвовал, всего, что сделал. Все оказалось напрасным.

Его сердце заледенело. Без Майло не существовало ничего. Без Майло осталась только мрачная и горькая тьма. В груди поселилось отчаяние, грозящее захлестнуть Ноа полностью.

Ошеломленный, он обнаружил, что затаился в чьем-то гараже. Хозяева оставили дверь в гараж открытой. Прижавшись к недоделанной гипсокартонной стене рядом с газонокосилкой, от которой почему-то все еще пахло травой и бензином, Ноа подтянул колени к груди, свесив безвольно руки по бокам.

Тянулись долгие минуты, переходящие в часы. Дождь превратился в снег. В конце концов и снег перестал идти. Он сильно дрожал, слезы застыли сосульками, колющими глаза.

Вдалеке послышались выстрелы. Начиналась война. А может быть, она заканчивалась.

Он должен идти. Он должен сражаться. Должен остановить столкновение. Он должен что-то сделать.

Но Ноа не мог. Он продолжал сидеть в онемении, поглощенный ужасным, воющим горем. Обвиняющий голос в его голове произносил одни слова снова и снова, снова и снова.

«В конце концов, все зависело только от тебя. Все зависело только от тебя. Единственное, что ты должен был делать в своей жизни, твое единственное предназначение. Защитить своего сына. Уберечь его. Но даже с этим ты не справился».

Не справился.

Ничего не сделал.

Не уберег.

Глава 55

Лиам

День пятьдесят пятый

Лиам сменил позицию прямо у гаража, пристроенного к складу оружия. Он лег на

живот, прикладом уперся в плечо и щеку, одна рука лежала на рукоятке. Штабель дров высотой по грудь, прислоненный к задней стене гаража, служил надежным укрытием.

Он установил «Клеймор» в гостиной под торцевым столиком, чтобы скрыть от посторонних глаз. 25-футовый детонирующий шнур тянулся в коридор за стеной гостиной и остался почти незаметным. Оттуда шнур уходил через подъездную дверь гаража, в гараж и поворачивал налево через внешнюю дверь гаража в задней части дома.

Бишоп лежал к востоку от дома, чтобы перехватить тех, кто будет убегать от взрыва.

Ночь выдалась тихой. Снег и мелкий дождь прекратились. Холодный воздух оставался неподвижным, луна освещала все тусклым светом.

Время на его часах показывало 3:57 утра. Лиам опустил оптику на глаза. Все вокруг окрасилось в зеленый цвет через его очки. Он выдохнул в воротник куртки, чтобы дыхание его не выдало.

Включил микрофон.

— Альфа-4, на позиции.

Раздался одиночный щелчок.

Рейносо, Перес и Хейс уже заняли свои позиции. Они разделились на три команды, в которые вошли двенадцать добровольцев из Фолл-Крика, среди которых были Майк Дункан, Дейв Фаррис и Роберт Винсон.

От Общественного альянса ни слуху, ни духу. Лиам их и не ждал.

Рейносо и Хейс расположили группы Альфа-1 и Альфа-2 на западе, на подъездной дороге к «Винтер Хейвену». Перес и группа Альфа-3 должны пробраться через лес с севера и попытаться обойти ополченцев с фланга.

Река Фолл-Крик протекала к востоку у них за спиной. Они рассматривали возможность проникновения со стороны реки, но недавняя теплая погода ослабила лед. Он стал опасным и ненадежным.

Все были готовы выдвинуться, как только Лиам даст команду к атаке.

Пока Рейносо готовил свои команды, Лиам и Бишоп усердно работали. Бишоп контролировал ситуацию, пока Лиам с помощью саней, найденных в гараже, таскал груз за грузом оружия, боеприпасов и снаряжения из склада в соседний пустой дом.

Все оружие теперь хранилось в соседнем подвале, надежно укрытое от посторонних глаз. Если получится, группа Альфа-3 соберется там, чтобы пополнить запасы оружия и боеприпасов.

В любом случае, оно уже не в руках ополченцев. Это самое главное.

Лиам снова сверил часы, медленно дыша, чтобы успокоить пульс. Самое время начать.

Ему придется запечатать руки, чтобы другие могли спокойно спать в своих кроватях, чтобы дети могли бегать и играть, а их матери улыбаться, чтобы такие ребята, как Квинн, могли рисовать и писать, вместо того чтобы брать в руки оружие и идти на войну. Чтобы люди, которых он любил, могли жить своей жизнью.

Воевать Лиам умел лучше всего. Именно для этого он здесь.

Адреналин захлестнул его вены. Боль притупилась, забылась. Он почувствовал, как на него опускается холодное спокойствие, как время замедляется, секунды удлиняются, а его разум и тело на сто процентов сосредоточены на поставленной задаче.

Пришло время убивать. Пришло время покончить с этой историей.

Лиам прошептал в свой новый микрофон.

— Альфа-1 и 2, это Альфа-4. Начинаем. Повторяю, начинаем.

— Принято, — отозвался Рейносо. — Выдвигаемся.

Мгновение спустя на западе раздалась какофония выстрелов.

Мужчины высыпали из близлежащих домов, вопя о тревоге. Они были сонные и на ходу натягивали на себя одежду и снаряжение, укомплектованное бронежилетами, боеприпасами и оружием. Только у четверти имелись очки ночного видения.

Ополченцы появлялись со всех сторон. Несколько человек выкрикивали приказы в свои рации. Половина побежала к передним воротам, где Рейносо и Хейс сосредоточили свой огонь. Другая половина направилась к складу оружия, чтобы взять боевые винтовки и запастись патронами.

В ночи они казались тенями, метавшимися туда-сюда, фигурами, светящимися зеленым светом в линзах Лиама.

Единственный въезд в «Винтер Хейвен» представлял собой ворота из кованого железа, которые окружала декоративная каменная стена высотой в пять футов, тянувшаяся на двадцать пять — тридцать футов в обе стороны.

Ополченцы разместили позиции стрелков как вдоль стены, так и в укрытиях, которые они построили по обе стороны дороги. Несколько заглохших машин были выведены на обочину, чтобы обеспечить запасные позиции, на подступах к поселку.

Лиам не мог видеть фасад дома, в отличие от Бишоп.

— Трое внутри, — прошептал Бишоп. — Пять, и еще один на подходе. Шесть. Начали.

Лиам не хотел ждать, пока ополченцы обнаружат пустой склад и поднимут тревогу. Он щелкнул пусковым устройством.

Раздался мощный взрыв. Мина M18 содержала более фунта взрывчатки C-4, покрытой семью сотнями 1/8-дюймовых стальных шариков, которые вырвались наружу в 60-градусную зону поражения более чем на пятьдесят метров.

Разрушительная волна пронеслась по дому, разрывая на части находившихся в нем людей. Окна вылетели, стекла разлетелись вдребезги. Повалил черный дым. Фундамент застонал, когда внутренние стены рухнули сами на себя. Ущерб был огромен.

Уцелевшие внутри обломков люди кричали. Бессвязные возгласы, ужасные стоны и крики агонии эхом отражались среди звуков выстрелов.

Лиам поднялся на ноги еще до того, как осела пыль. Он прижал приклад M4 к плечу и обошел вокруг дома.

От входной двери, спотыкаясь, шел мужчина, кровь заливала его форму. Раздался выстрел, и ополченец упал. За ним, пошатываясь, вышли еще двое, дезориентированные и слепо шатающиеся. Бишоп выпустил несколько очередей, уложив обоих. Больше никто из разрушенного дома не появился.

Шесть врагов за один раз. Неплохое начало.

Глава 56

Лиам

День пятьдесят пятый

Грохот от выстрелов оглушал. Снаряды сыпались на снег, на дома, разбивая окна.

В ушах звенело, Лиам медленно поворачивался по кругу, осматривая окрестности.

Большинство оставшихся ополченцев, как они и планировали, отправились на подмогу к передним воротам. Группа Перес прокладывала себе путь через лес. Бой сосредоточился на западе. Лиам намеревался держать их подальше от восточной части, где прятались Ханна,

Квинн и Майло.

Лиам пригнулся и направился на северо-запад. Он отошел от стены дома, ствол его карабина простреливал пространство, которое он мог видеть. Бишоп прикрывал его со стороны, пока они быстро продвигались к южной стене следующего дома.

Лиам встал на колени, когда Бишоп прижался к нему сзади, лицом в ту сторону, откуда они пришли, и вскинул оружие. Здания выделялись тусклыми черными очертаниями в туманном лунном свете.

Лиам снова поднялся, и они двинулись вместе, держась близко друг к другу. Их пульс ускорился, каждая частичка, каждый мускул в их телах готов к бою. Они крались от дома к дому, от машины к машине, постоянно сканируя окна, двери и крыши в поисках снайпера.

Если бы Саттер был поумнее, он бы сообразил, что взорвать «Клеймор» можно лишь имея детонирующий шнур и хлопушку — и кто-то должен все это привести в действие. Первое что ему требовалось сделать — это послать своих людей найти и обезвредить чужаков, пока они не нанесли еще больший ущерб.

Как бы то ни было, Лиам и Бишоп остались незамеченными в этом хаосе. Серая форма ополченцев плюс очки ночного видения и черная жирная краска, скрывавшие их лица, позволяли им легко двигаться среди врагов.

При любой возможности они бросали взрывпакеты и дымовые гранаты, доводя хаос и неразбериху до безумия.

Дым клубился повсюду, превращая мир в тусклые фигуры и мечущиеся тени. Мужчины и женщины кричали и вопили. Вокруг раздавались оглушительные автоматные очереди.

Из домов выбегали новые фигуры с дробовиками и винтовками. Даже в дымке Лиам мог различить, что не все участники боя носили форму или держались как ополченцы.

К схватке присоединились супруги, бабушки, дедушки и дети-подростки некоторых ополченцев. Необученные и без бронежилетов, многие из них долго не продержатся.

Лиам не мог позволить себе прекратить огонь. Они ведь вооружены, и убьют его, если им представится шанс. У него нет выбора.

На другой стороне улицы двое ополченцев вышли из трехэтажного особняка. Они направились на восток, к задней части «Винтер Хейвена» — к Ханне.

Страх сдавил его легкие. Он должен ее уберечь.

Ополченцы едва взглянули на Лиам и Бишоп, шедших с юга. Лиам швырнул в их удаляющиеся спины взрывпакет и бросился за коттедж, Бишоп следовал за ним по пятам. Они открыли рты и закрыли глаза.

Оглушительный грохот взорвал их барабанные перепонки, ослепительный свет вспыхнул за веками. Ополченцы закричали в панике и смятении.

Лиам и Бишоп выскочили из-за угла здания, держа наготове оружие. Два ополченца согнулись пополам, зажав руками уши, ошеломленные и дезориентированные. Бишоп их застрелил.

— Это Альфа-1. У меня двое раненых ребят, — прокричал Рейносо по радиации. — Майк Дункан ранен в бедро. Мы выносим раненых из зоны поражения.

— Альфа-1, это Альфа-3, — передала Перес. — Мы почти прошли через северный лес. Один из дозорных заметил нас. Мы под сильным огнем. Нам нужна поддержка.

— Вас понял, — ответил Бишоп.

Они незаметно подкрались к первому снайперскому укрытию в северном лесу и выстрелом в затылок уничтожили пулеметчика. Перебираясь от дерева к дереву, добрались

до позиции второго стрелка и застрелили его.

Пуля пронеслась мимо плеча Лиама, так близко, что пропорола дыру в его форме. Сердце екнуло. Кто-то их обнаружил.

Свинцовый град разметал снег у их ног. Бишоп нырнул за угол причудливого бревенчатого дома, а Лиам помчался к внедорожнику, припаркованному на подъездной дорожке. Он бросился в укрытие и перекатился на колени, держа карабин наизготовку.

Шквал выстрелов справа. Выстрелы полились дождем, пули впились в стену гаража позади него. Бишоп успел сделать несколько выстрелов, но не попал. Он зарычал от досады. Снова прицелился, выстрелил еще раз и попал парню в ногу. Четвертый выстрел свалил его.

Пули ударили в снег в ярде справа от Лиама, вздыбив борозды и попав в боковую и переднюю части внедорожника. Несколько ополченцев приближались к нему сзади, укрывшись за сараем на заднем дворе.

— Граната! — Бишоп бросил осколочную гранату и спрятался за стеной. Через две секунды она взорвалась.

Истошные вопли перекликались с постоянным грохотом автоматных очередей. К этой какофонии добавился детский плач. Лиам не мог позволить себе думать о том, откуда он доносится.

Он выскочил из-за внедорожника и вместе с Бишопом бросился в обход сарая, держа наготове оружие. Они наступали на ополченцев, выпуская патрон за патроном.

Двое уже были мертвы — смятые, окровавленные трупы, осколки торчали из их тел, как перья дикобраза. Один корчился на земле, зажимая зияющую рану в животе. Бишоп выстрелил ему между глаз.

Последний человек лежал на спине, с пистолетом в руке, целясь прямо в них. Он выстрелил, и пуля прошла мимо головы Лиама. Лиам нажал на спусковой крючок и выпустил свинец в туловище ополченца. Тот умер мгновенно.

С запада раздались новые выстрелы, все еще сосредоточенные у главных ворот. Рейносо выкладывался по полной. Скоро у них закончатся патроны. Их оставалось не так много, чтобы долго сдерживать ополченцев.

Как только боеприпасы закончатся, люди Саттера перемахнут через стену, хлынут через ворота и уничтожат группы Рейносо и Хейса.

Этого нельзя допустить.

Раздался новый шквал выстрелов.

— Наши люди запутались в колючей проволоке! — прокричала Перес по радиации. — Снайперы отстреливают их! Трое ранены!

Лиам выругался. Он махнул рукой Бишопу и развернулся, направляясь к месту расположения третьей группы Альфа. Бросив дымовую гранату, он прикрыл их отступление.

Три фигуры пересекли двор за домом напротив позиции Лиама. Они работали в обход, чтобы попытаться устроить засаду на команду Перес, которая пробиралась через лес на севере.

Лиам помчался к ближайшему дому, меняя на бегу магазины и держа мишени в поле зрения. Лиц он не видел. В его очках они представляли собой просто зеленые фигуры, бестолково мечущиеся среди деревьев и между зданиями.

Он прицелился в первого из них через прицел, уперся прикладом в плечо, прижался щекой. Сделал два выстрела. Отработанная латунь упала на землю. Он промахнулся, перевел прицел и выстрелил снова.

Объект споткнулся и упал. Подняться он не смог.

Рядом с ним раздался выстрел. Второй враг упал. Они быстро расправились с последним. Бишоп хмыкнул — то ли от удовлетворения, то ли от ужаса по поводу растущего числа трупов, Лиам не мог сказать.

— Вы их достали! — воскликнула Перес. — Группа Альфа-3 направляется к месту сбора!

У Лиамы не нашлось ни секунды, чтобы порадоваться маленькой победе.

Пока Альфы-1 и 2 вели бой со стрелками у ворот, Лиам и Бишоп продвигались к своей позиции на юго-западе, огибая и обходя противника слева. Как только группа Альфа-3 пополнит запасы, Перес направится на северо-запад, чтобы обойти их справа.

Они окружат оставшихся ополченцев и покончат с ними.

Треск автоматных очередей повсюду. Дым клубится как туман, в нос ударил резкий запах пороха, полетели стреляные гильзы. Яркие вспышки выстрелов освещали ночь. В ушах стоял шум и звон, наполненный всплесками помех.

Внимание Лиамы привлекла вспышка светящегося зеленого цвета. В сорока ярдах от него, на шесть часов, между двумя домами промелькнула фигура. Человек был одет в снаряжение ополченца, но бежал не в ту сторону. Не в сторону сражения, а прочь от него.

Лиам узнал крупную, тяжелую фигуру, с блестящей лысой головой. Саттер.

Горячий гнев пронзил Лиаму насквозь. Стиснув зубы, он спрятался за блоком двигателя машины на подъездной дорожке.

Бишоп сидел на корточках в пяти ярдах впереди, за сараем на заднем дворе, прикрывая его. Он оглянулся и махнул Лиаме. Лиам дал знак подождать.

Он опустил на одно колено, снова навел прицел и выстрелил.

Саттер шарахнулся в сторону, как будто его ударили. Он пошатнулся, затем выпрямился и продолжил движение.

Лиам слегка сместился и прицелился прямо в убегающую фигуру.

Откуда-то сзади раздался тихий хруст.

Сердце бешено заколотилось, Лиам нырнул и перекатился влево. Бум! Снег брызнул с того места, где он стоял на коленях мгновение назад. Бум! Бум! Пуля впиалась в крыло в футах справа от его бицепса.

Лиаме стало не по себе. Ему казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди. Правая щека горела, словно к ней прикоснулись раскаленной кочергой. Осколок шрапнели застрял в лице. Не обращая внимания на ранение, он заставил себя сосредоточиться.

Вспомнив направление последнего выстрела, он повернулся и поднялся на одно колено. Быстро нажал на спусковой крючок. Резкий треск трижды расколол воздух.

Вспышка в темноте выдала местонахождение стрелка: он прятался в кустах за батутом, заваленным снегом. Лиам прицелился и выстрелил дважды.

Со стоном что-то тяжелое упало в заснеженные заросли. Лиам поднялся и пошел вперед, огибая батут, пока не добрался до кустов.

На земле корчилась светящаяся зеленая фигура. Лиам сделал два выстрела. Фигура замерла. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это подросток, лет пятнадцати. Ровесник Квинн. Просто глупый ребенок, сражающийся в войне своих родителей.

У Лиамы свело живот. Ему хотелось закричать о своем отвращении и ярости на холодное, темное небо.

Вместо этого он повернулся обратно, ища Саттера, желая найти хоть немного

справедливости в этом проклятом перевернутом мире.

Дым окутал землю. Холодный воздух обжигал лицо, в ноздрях стоял запах кордита. Кровь струйками стекала по правой щеке.

Приседая, он побежал к лесу, сканируя местность слева направо, вверх и вниз, но безуспешно.

Саттер ушел.

Глава 57

Розамонд

День пятьдесят пятый

Розамонд с тревогой смотрела в окно гостиной.

Дым застилал светлеющее небо. Гремели выстрелы, автоматные очереди разрывали воздух. В сером рассветном свете она видела мертвые тела на дороге. Кровь на снегу.

В тених между домами, между деревьями, в редких вспышках выстрелов, когда люди стреляли друг в друга, двигались чьи-то силуэты.

Бой шел слишком близко. Несколько выстрелов даже попали в ее дом. Не так давно в районе прогремел мощный взрыв. Саттер не отвечал на ее отчаянные звонки.

Розамонд не была военным, но даже она могла видеть, что дела идут не очень хорошо. Большинство трупов облачены в серый камуфляж.

Она редко испытывала страх, но сейчас почувствовала его. Холодная дрожь пробежала по ее позвоночнику.

Розамонд нетерпеливо взглянула на свои наручные часы от Картье. Она и так слишком долго медлила. Пора действовать.

Ей стоит обратиться из «Винтер Хейвена», пока не закончится битва. Не хватало только, чтобы какой-нибудь разгоряченный солдат ворвался и застрелил ее. Каждый Том, Дик и Гарри в Фолл-Крике знал, где она живет.

Револьвер «Смит и Вессон» 29-й модели со стволом длиной 8 3/8 мм извлечен из бархатной шкатулки, заряжен шестью патронами 44 калибра и теперь уютно расположился у нее на поясе.

Предосторожность, но благоразумная.

Новый выстрел испугал Розамонд. Она вздрогнула, затем медленно выдохнула сквозь зубы, заставляя себя сохранять спокойствие, собранность и самообладание. Отойдя от окна гостиной, она вернулась к кухонному острову. Достала рацию и переключилась на частный канал, который делила с Саттером.

На этот раз он ответил.

— Ты мне нужен, — сказала Розамонд.

— Я немного занят, если ты не заметила.

— Это не просьба. Мне нужно, чтобы ты немедленно пришел сюда и вывел меня из дома в безопасное место.

— Это невозможно.

Гнев пронзил ее насквозь. Как он посмел ей отказать?

— Я в опасности, Маггиас! Я оказалась в центре перестрелки прямо в «Винтер Хейвене»! Этого не должно было случиться!

— Планы изменились. — Он говорил раздраженно и задыхаясь. Рация издавала треск, как будто ее трясли, как будто он бежал. — Не все в твоей власти, Розамонд.

Она фыркнула.

— Похоже он взял над тобой верх?

— К чему теперь все это? — Его голос дрожал. — Кто-то меня сдал. Меня предали!

— Ты потерял контроль!

— Нет, ты! — прорычал он.

Розамонд стиснула зубы и сдержала свой гнев.

— Мы обсудим это позже. Сначала выгони меня отсюда.

Пауза.

— Я не приду.

— Должно быть, я плохо тебя расслышала.

— Это значит «прощай».

Колючая дрожь вернулась. Она поднималась вверх по позвоночнику, превращая вены Розамонд в лед.

— О чем ты говоришь?

— Ничего личного. Пришло время прыгнуть с корабля и найти другое место — пока что. Жаль, что в этот раз ничего не вышло, кузина.

Холодная ярость пронзила ее насквозь. Разве не она привела его сюда? Только благодаря ей у него все это появилось! Она дала ему все — комфорт и роскошь, контроль и власть. Как он посмел оставить ее, когда она нуждалась в нем больше всего!

Розамонд прошипела проклятие.

— Ты должен все исправить! Ты мой должник!

— Я ничего тебе не должен.

— Мы — семья! Семья — это верность!

Саттер мрачно усмехнулся.

— Ты ничему не научилась? Цепляешься за эти устаревшие идеалы, которых не существует. Никогда не существовало! Ты хотела, чтобы они любили тебя. Чтобы они поклонялись тебе. Ты хочешь быть их спасителем. Оглянись вокруг. Что из этого вышло? Следовало сразу сделать как я говорил.

— Ты потерял «Винтер Хейвен»!

— Ты сама его потеряла! — В его голосе сквозило презрение. — Это твоя проблема, Розамонд. Просто позволила бы им ненавидеть тебя. Черт, следовало сразу разрешить мне убить их всех. Тогда бы мы могли править этим местом.

— Я дала тебе все! Все, что ты хотел!

— Мы заключили деловое соглашение. Оно работало, пока работало. Теперь не работает.

— Не смей меня бросать! — закричала она в рацию. — Не смей делать это...

Щелчок.

— Маттиас! Ответь мне!

Никакого ответа.

— Маттиас!

Он исчез. Он бросил ее. В конце концов, он бросил ее, как и все остальные.

Ярость и отчаяние охватили Розамонд. Она дрожала от неистового гнева, от кипящей ненависти.

Ему лучше бежать и никогда не останавливаться. Она предпочитала оставлять грязную работу своим помощникам, но не отказывалась от того, что нужно сделать, если требовали

обстоятельства. Пусть только он когда-нибудь снова попадется у нее на пути, она убьет Маттиаса Саттера.

Она бы задушила его голыми руками. А может быть, вонзила бы нож ему в ребра. Она хотела, чтобы он страдал. Так же, как она заставляла страдать своих врагов. Так же, как она уничтожила их всех, в конце концов.

Розамонд остановилась на мгновение, пошатнувшись, и заставила себя вернуть самообладание. Совсем рядом раздался треск выстрелов. Послышался гулкий удар, когда пуля попала в угол дома.

Она не поддастся унынию. Не сдастся. Розамонд Синклер не проиграла.

Это всего лишь неудача, причем она предполагала такой исход, верно? У нее есть планы и запасные варианты. На случай непредвиденных обстоятельств. Она предполагала предательство. И теперь она стояла здесь, преданная.

Но не все еще потеряно.

Она не окончательно вышла из игры. Еще нет.

Розамонд отключила рацию, достала спутниковый телефон и набрала номер, который хорошо запомнила. Сжав челюсти, она напряглась, готовясь.

Он взял трубку на втором гудке.

— Положение? — раздался знакомый голос.

— Горожане взбунтовались. Идет перестрелка...

— «Винтер Хейвен» — это все, что меня волнует. Мы договорились или нет?

Она сжала челюсть.

— Да. «Винтер Хейвен» готов и ждет тебя.

— Хорошо.

— Тебе понадобится больше людей, чтобы охранять его.

— Это не проблема.

Снаружи снова раздалась стрельба. Она подождала мгновение, пока выстрелы стихнут.

— Я полагаю, все так, как мы обсуждали? Как скоро ты сможешь прибыть?

— Возникла задержка.

— Ты мне нужен сейчас.

— Я отдаю приказы, не ты.

Розамонд раздраженно поджала губы, вена на ее лбу пульсировала. Внутри нее все кипело от отвращения. Она подавила его.

— Конечно.

— Я не могу назвать дату, только гарантию, что приду. С тобой свяжутся тогда, и не раньше.

Она сообщила GPS-координаты, которые он запросил — потребовал — и повесила трубку, не обращая внимания на тревожное бурление в животе. Она все еще могла контролировать ситуацию. Она все исправит.

Розамонд убрала телефон в сумочку и снова достала рацию. Для начала ей нужно выбраться из «Винтер Хейвена».

Она переключила канал.

— Ноа. Ты мне нужен.

Глава 58

Ханна

День пятьдесят пятый

— Ханна. — Голос Квинн прозвучал напряженно. — Я кое-что вижу.

Квинн и Ханна затаились в кабинете Виггинса, прижавшись по обе стороны окна, с оружием в руках. Они держались низко и незаметно, прислушиваясь к стрельбе, крикам и воплям, вглядываясь в темноту в поисках скрытого движения.

Свет внутри выключен. К стене под окном кабинета вплотную примыкал невысокий книжный шкаф. По обе стороны от стекла вдоль стены выстроились полные книжные полки. Квинн приподняла створку окна и сняла раму.

С позиции относительного укрытия они стреляли во все, что двигалось.

Лиам хотел, чтобы они не ввязывались в перестрелку. Он хотел, чтобы они вообще убралась из «Винтер Хейвена», но не представлялось никакой возможности безопасно вывести всех, особенно Майло.

— Мы не будем сидеть сложа руки, — заявила Квинн. — Это и наш город тоже. Это наши жизни.

Ханна ее поддержала.

Виггинс и Лютер находились в большой гостевой ванной комнате в центре дома, все еще связанные и с кляпом во рту, Лютер в одних трусах. Они будут в безопасности, дожидаясь, пока с ними не решат окончательно.

Майло лежал внизу, его тело присутствовало, но разум витал где-то далеко, дрейфуя в подвешенном состоянии между жизнью и смертью.

Призрак охранял их всех, беспокойно вышагивая по периметру лестницы и постоянно проверяя своих подопечных. Если кто-то приближался к раздвижным стеклянным дверям или окнам, Призрак поднимал тревогу.

Никому чужому не позволено входить в этот дом.

У Ханны был ее верный 45-й калибр, три магазина и большая ковбойская пряжка, чтобы передергивать затвор одной рукой. Лиам оставил им по дробовику на каждую, две коробки патронов и AR-15 с оптическим прицелом и большим количеством магазинов и патронов для Квинн.

Дом Виггинса стоял на берегу реки, в стороне от главной дороги, где происходило большинство событий. Тем не менее, несколько бродячих ополченцев попали в поле их зрения.

Ханна промахнулась дюжину раз, но в конце концов зацепила одного в ногу.

Она стиснула зубы от разочарования. Ее тренировки приносили улучшения, но она не достигла мастерства. Все происходило не так, как в кино, где новичок впервые берет в руки оружие и с легкостью справляется с врагами с мгновенной точностью.

Реальный мир выглядел иначе: движущиеся мишени, психопаты, пытающиеся убить тебя, страх и паника, дышащие тебе в затылок, малейшая ошибка — разница между жизнью и смертью.

Квинн, с другой стороны, обладала природным талантом. Она умела стрелять из охотничьего ружья и рогатки. Даже без подготовки Лиам она освоила AR-15 практически сразу.

Она прикончила двух ополченцев. На это ушла большая часть их патронов, но она справилась.

Мимо пронесся снегоход, фары поблескивали в темноте.

— Попался. — Квинн проследила за ним и сделала несколько громких выстрелов.

Латунные гильзы рассыпались по полу.

Машина вильнула в сторону и врезалась в кленовое дерево, перебросив ездока через ручки в снежный вал. Фары мерцали, желтые конусы света освещали широкую полосу снега, прочерченную опрокинутым почтовым ящиком.

Когда мужчина поднялся — пошатывающаяся, дезориентированная тень, силуэт которой отражался в свете фар, — Квинн выпустила несколько коротких очередей, пока он не упал и не затих.

— Хорошая работа, — отметила Ханна. — Уже с тремя Лиаму и Бишопу не придется драться.

Квинн не поднимала глаз от прицела.

— Этого недостаточно. Их еще много. Мы должны перебить всех до единого.

— Обязательно.

Челка Квинн сбилась набок, ее пирсинг сверкал в лунном свете, проникающем через окно. Она выглядела такой юной. Совсем молодой, уязвимой и невероятно свирепой.

У Ханны защемило в груди от нежности к этой жесткой, оставшейся без матери девочке.

Рот Квинн сжался в тонкую линию, когда она меняла пустой магазин на новый — их последний. Она вставила его, нажала на затвор, чтобы дослать патрон в патронник, и поправила приклад на своем плече, прижав щеку, чтобы посмотреть в прицел.

Слабый намек на рассвет осветил бархатную черноту неба. Луна все еще ярко светила, отражаясь от белого снега. Миллионы звездочек позолотили покрытые льдом ветви.

Вид вокруг был ослепительный. Красота посреди смерти, бриллиант среди пепла.

Ханна переключила свое внимание с деревьев и повернулась влево, чтобы изучить мирные дворы, пустую дорогу. Она перевела взгляд, проверяя все вокруг, как учил ее Лиам.

Квинн сделала то же самое справа.

— Там! Там кто-то есть.

Ханна глубоко вздохнула.

— Что ты видишь?

— Пять или шесть домов вниз. Дом суперинтенданта. Дверь гаража только что открылась. Кто-то входит и выходит из дома, грузит вещи — похоже, коробки. Слишком темно, чтобы разглядеть, что именно. Задний багажник открыт. Из выхлопной трубы идет дым. Он заведен.

— Это она?

— Да. Это Розамонд Синклер.

У Ханны пересохло во рту. Пульс громко стучал в ушах.

— Она сваливает отсюда. — Голос Квинн сгустился от презрения. — И крадет все, что может увезти. Вот зараза!

Ханна прищурилась в окно, вглядываясь в лунные тени. Без оптического прицела трудно рассмотреть гараж с боковым приводом. Обычной охраны ополченцев рядом с ломом суперинтенданта Ханна не заметила. Похоже, Розамонд одна.

— Ей все сойдет с рук. Она уйдет!

Ханна подумала о Майло, впавшем в кому. О Шарлотте, находящейся в доме Молли.

— Мы должны оставаться здесь.

Квинн повернулась к ней лицом. Лунный свет высветил напряженные линии ее лица, темные глаза напоминали бездонные колодцы.

— Она — причина всего этого! Всех смертей и страданий! Всех этих ужасов! Это ее рук дело!

Ханна напряженно кивнула.

— Я знаю.

Квинн поднялась на ноги. Она засунула «Берретту» за пояс, запихнула в карманы столько магазинов, сколько смогла, и перекинула AR-15 через плечо.

Она походила на ангела-мстителя из какого-то графического романа — дикое, первобытное существо, жаждущее разрушения.

— Что ты делаешь?

Она посмотрела на Ханну.

— Я ухожу.

— Нет, сама ты не пойдешь.

— Тогда пойдем со мной.

Ханна покачнулась на пятках, колеблясь.

Квинн оскалилась.

— Это единственный вариант.

— А как же Шарлотта и Майло? Я не могу просто их бросить.

Квинн наклонилась и коснулась плеча Ханнны.

— Я знаю, что ты никогда бы не оставила Майло при других обстоятельствах. Но Призрак защитит его. Это необходимо. Это наш шанс что-то сделать. Положить кошмару конец!

На этот раз Лиам не сможет прийти на помощь. Он, Бишоп, Рейносо и остальные сражались с ополченцами.

Больше никого здесь нет. Только Ханна и шестнадцатилетняя девочка.

Если побег Розамонд Синклер необходимо предотвратить, то делать это придется им.

Именно Розамонд Синклер родила Пайка, монстра-садиста. Суперинтендант организовала резню в Кроссвей и использовала Фолл-Крик в своих алчных целях.

Всякое зло, постигшее этот город, связано с ней.

Непроизвольно Ханна взглянула на свою поврежденную руку. Скрюченные пальцы, искривленный большой палец. Она вспомнила лицо Пайка, его красный рот, пустые глаза.

Каждая клеточка тела Ханнны призывала ее что-то делать. Действовать. Исправить чудовищные злодеяния, совершенные против нее, против Квинн и Майло, против всех, кто пострадал от рук Розамонд и ее семьи.

Ханна согнула пальцы в кулак. Кости жалобно хрустнули. Суставы заныли.

Вспышка памяти — она снова в темном, промозгом подвале, страх и боль когтями впиваются ей в грудь, его тень нависает над ней, пальцы гнутся и выворачиваются, раздается ужасный треск ломающихся костей.

Но она никогда не теряла присутствия духа. Несмотря на все, что он сделал, Пайк так и не смог ее сломить.

Ханна подняла глаза на Квинн.

— Давай закончим это.

Глава 59

Лиам

День пятьдесят пятый

Лиам снял очки и выпрямился, покрытый пылью, кровью и грязью. Он покачивался на ногах, от выброса адреналина его трясло. Он устал, очень устал, пропасть усталости зияла у него за веками.

Стрельба прекратилась, бой закончился. В воздухе висел тяжелый дым. Небо над линией деревьев посветлело до серого, приближался рассвет, кроны елей и сосен окутались туманом.

У Альфа-1 и 2 закончились боеприпасы. Но им на помощь пришло подкрепление в виде девятнадцати горожан, вооруженных дробовиками и охотничьими ружьями, во главе с самой Коринной Маршалл. С их помощью они удерживали ворота достаточно долго, чтобы засадные группы смогли занять позиции.

Мик Селлерс и его Общественный альянс так и не появились. В итоге Фолл-Кри защитил себя сам.

Бой был ожесточенным, но коротким. Под обстрелом с разных сторон ополченцы сломали строй и бросились бежать обратно в «Винтер Хейвен», их оборонительные позиции довольно быстро перебили. С рекой за спиной им некуда было отступить.

Лиам, Рейносо и еще несколько человек быстро выследили немногих оставшихся. Рейносо и Хейс совершали обходы, проверяя тела, всаживая одиночные пули в мертвых и умирающих ополченцев.

Всего за несколько минут все закончилось.

Склад оружия все еще горел. Два десятка домов изрешетили пули. Окна разбиты вдребезги. Гильзы усеивали землю. Снег весь истоптан, он стал грязно-коричневым, с брызгами и мазками красного цвета.

Повсюду лежали тела. Большинство из них имели серый камуфляж, но не все. Несколько человек из числа членов семей воевали с ополченцами. Среди убитых были и дети, случайно попавшие под перекрестный огонь.

Несколько женщин причитали. Дети плакали. Старуха, одетая в ночную рубашку и расстегнутое пальто, сидела под почтовым ящиком и тупо смотрела на них с ненавистью в глазах.

Хейс и несколько добровольцев зачищали дома, следя за тем, чтобы больше ни один родственник, не участвовавший в сражении, не появился вдруг с оружием.

Лиам шел по дворам, разглядывая лица трупов. Он уже знал, кого здесь нет. Саттерсбежал. Ноа он тоже не видел.

Неужели Ноа все-таки взял в руки оружие и сражался против собственного народа? Более вероятно, что он сидел где-нибудь в углу вместе с суперинтендантом.

Это они ответственны за всю эту бойню. Труссы, они оба.

Лиам нагнулся и перевернул женщину, в форме ополченца. Кэти Кеслер смотрела на него невидящими глазами, ее лицо и туловище пробила шрапнель.

Он не интересовался, кем она работала до крушения и пожалела ли она о своих действиях, когда жизнь промелькнула у нее перед глазами. Лиам не радовался ее смерти, но и не чувствовал вины. Не за нее.

В соседнем дворе Бишоп стоял на коленях в снегу. Он поднял на руки маленькую фигурку. Лиам подошел, страх сковал его грудь.

— Бишоп.

Аттикус поднял голову, в его глазах блестели слезы. Он весь дрожал.

— Мальчишка выбежал из дома. Он стоял на крыльце. Его задело рикошетом.

Коринна направлялась к ним по главной дороге, сопровождаемая несколькими вооруженными горожанами. Она оттирала грязь с лица, выражение ее лица было напряженным, глаза красными. Ее муж только что умер, но она все еще оставалась здесь, все еще боролась.

— Ты спасла наши шкуры, — сказал Рейносо. — У нас закончились все патроны, даже в табельных пистолетах. Через несколько секунд они перебили бы всех нас. Несколько из них обошли нас с флангов. Мы были на волосок от гибели.

Коринна мрачно кивнула.

— Не за что. Кто еще пострадал?

Лицо Рейносо ожесточилось.

— Восемь гражданских добровольцев мертвы. Майк Дункан был ранен в бедро, но мы наложили жгут и остановили кровотечение. Он сейчас с медбратом. Хейс получил несколько осколков в плечо. Он будет жить. А Перес подвернула лодыжку и сильно порвала голень о колючую проволоку. Немного антибиотиков и процедур, и она будет в порядке.

— Я в порядке. — Перес прихрамывая подошла к ним сзади. — Просто царапина.

— Это не то, что я слышал. — Рейносо мрачно улыбнулся. — Мне сказали, ты рыдала, как ребенок.

Она хмуро посмотрела на него.

— Отвали, Рейносо.

Лиам понимал их потребность в веселье, необходимом чтобы пережить ужас битвы, но не мог оторвать взгляд от тела мальчика на руках Бишопа. На вид ребенку было десять или одиннадцать лет. В отличие от своих родителей, эти дети не сами решили оказаться здесь. Они не выбирали эту жизнь, эту борьбу. Этот мальчик стал побочной жертвой. Всегда больше всего страдали невинные.

— Я найду мать мальчика, — твердо сказала Коринна. — Она должна попроситься с ним.

Бишоп закрыл веки мальчишке. Он прошептал молитву над телом, прежде чем подняться на ноги. Бишоп выглядел таким же потрясенным, как и Лиам. Он не сказал этого, но наверняка думал о своих собственных мертвых дочерях, о своих пустых руках.

Он повернулся к Лиаму, свесив руки по бокам.

— Скажи мне, что это того стоило, Лиам.

— Оно того стоило, — отозвался Лиам. И это правда, как бы глупо это ни звучало сейчас.

— Оно того стоит, — повторил Рейносо. — «Винтер Хейвен» в безопасности. Фолл-Крик свободен.

— Мы взяли их всех, — отчеканила Перес. — Мы прижали их к стенке.

Лиам прикоснулся рукой к окровавленной щеке.

— Не Саттера. И не суперинтендента.

— Она понесет наказание, — с болью в глазах и убежденностью в голосе произнес Бишоп. — В этом мире или на том свете.

Лиам устремил взгляд мимо смерти и разрушений на восток. Отсюда он не мог видеть тупик. Все, чего он хотел, это вернуться к Ханне.

— Нам лучше успеть в этом мире.

Глава 60

Ханна

Ханна и Квинн приблизились к дому Розамонд, проскользнув через улицу и между дворами, срезав путь вплотную к гаражу.

Они двигались медленно и осторожно, скользя ботинками по ледяному снегу, внимательно всматривались и вслушивались в любой звук или движение, любой признак охранников.

Однако никого не обнаружили. Розамонд была одна.

Страх вцепился в Ханну, но на этот раз он не смог ее одолеть. Она попыталась вспомнить все, чему учил ее Лиам. Поправила ружье, переместив поврежденную руку, чтобы как можно лучше ухватиться за приклад. Пистолет остался в кармане куртки.

Ханна велела Квинн прикрыть ее. Глубоко вздохнув, она бросилась с края заснеженной лужайки в гараж, держа наготове дробовик, ствол которого неотступно следовал за ее взглядом.

— Не двигайся! — закричала Квинн позади Ханны. — Руки вверх!

Розамонд замерла. Она перегнулась через заднюю часть снегохода рядом с блестящим новым «Мерседесом», ее стройная фигура выделялась на фоне красного сияния задних фонарей.

Багажник снегохода до отказа заполняли картонные коробки — банки и упаковки с едой, медикаменты, спиртное и туалетная бумага.

Квинн оказалась права. Розамонд пыталась сбежать из города.

— Медленно разворачивайся! — приказала Ханна.

Розамонд выпрямилась и повернулась к ним лицом. Ее глаза сузились.

— Что вы здесь делаете?

— Пришли тебя остановить, — ответила Квинн.

Кремовый льняной брючный костюм сидел на Розамонд безупречно, каждая прядь волос уложена на место. Однако тошнотворные тени под глазами, серый оттенок кожи и напряжение в челюсти ее выдавали.

— Понятия не имею, о чем вы говорите. Я очень занята, так что если бы вы просто...

— Думала, тебе все сойдет с рук, — гневно проговорила Квинн. — Ты ошиблась.

— Уйдите с дороги. И опустите эти чертовы пушки.

— Мы не собираемся этого делать.

Взгляд Розамонд метался между ними.

— Если пришли за Саттером, то вы его упустили.

— Мы здесь ради тебя, — отозвалась Ханна.

Розамонд никак не отреагировала. Ее глаза даже не дернулись.

— Это нападение на выборное должностное лицо. Вы будете арестованы. Вас бросят в тюрьму, где вы будете гнить до конца своих дней.

— Я сомневаюсь в этом, — заявила Ханна.

Квинн бесстрастно пожал плечами.

— Тюрем больше нет, забыла?

Глаза Розамонд метнулись влево, к открытой боковой двери в дом.

— Вы должны знать, что мои вооруженные охранники сейчас грузят вещи в кладовке в подвале. Они поднимутся через минуту. Если увидят, что вы направляете на меня оружие, они вас убьют.

— Еще одна ложь, — проворчала Квинн. — Это все, что ты умеешь делать? Лгать и замышлять убийства.

— Вам нужно немедленно покинуть это помещение. Уходите прямо сейчас, и я забуду об этом маленьком... инциденте. К счастью для вас, я умею прощать.

Квинн только усмехнулась.

— Ты привела сюда ополченцев. Ты приказала им избивать и морить голодом своих собственных граждан. Ты позволила им нападать на соседние города и убивать невинных людей.

— Юная леди, я не знаю, о чем ты...

Квинн приподняла винтовку и нацелила ее в грудь Розамонд.

— Скажи правду, в кои-то веки.

Розамонд издала многострадальный вздох.

— Моя работа — защищать вас, защищать город. Я сделала для этого все, что было в моих силах. Все! Я спасла вас от голода! От замерзания до смерти в ваших собственных домах. И вот как вы меня благодарите? Так выражаете свою признательность?

Ханна и Квинн ошарашенно уставились на Розамонд.

Она смахнула ворсинки с плеча и устремила свой ледяной взгляд на Ханну.

— Понимаете? Это вы неблагодарные. Самодовольные, эгоистичные и избалованные. Не можете быть счастливы с тем, что вам дали. Обязательно нужно требовать больше, всегда брать больше. Подстрекатели и агитаторы. Зачинщики беспорядков и насилия. Для этого есть название. Террористы.

— Мы не террористы, — возмутилась Квинн. — Это ты!

Розамонд наклонила голову и показала на окна. Снаружи раздавались редкие выстрелы.

— Нет? Как бы ты это назвала? Вы разрушаете свой собственный город.

— Мы спасаем его! От тебя и монстров, которых ты впустила в наши ворота.

— Я не обязана это слушать. — Розамонд повернулась к ним спиной, казалось, не обращая внимания на направленное на нее оружие. Она устремила к снегоходу.

— Ты знала о резне, — гневно заявила Квинн.

Розамонд слегка вздрогнула. Она лишь слабо сжала плечи, но Ханна заметила. Суперинтендант медленно обернулась.

— Это был прискорбный несчастный случай.

— Никакого несчастного случая! — прокричала Квинн. — Это было спланировано. Ты спланировала это.

— Я ничего такого не делала.

Голос Квинн дрожал от ярости.

— Ты приказала Джулиану освободить Рэя Шульца и остальных из той тюремной камеры. Ты послала их в церковь, чтобы усмирить Бишопа. Ты приказала убить Юнипер и Хлою!

Розамонд судорожно огляделась вокруг, словно ища одного из своих приспешников, который прискакал бы и спас ее.

— Никто не придет тебе на помощь, — сказала Ханна. — Оглянись вокруг. Все твои игры, твои манипуляции, твое стремление к власти. Что это тебе дало?

Глаза Розамонд ожесточились.

— Я сыта по горло.

— Скажи нам правду, или я тебя пристрелю!

Розамонд насмешливо скривила губы.

— Я уже сказала тебе правду. Мне нечего добавить.

Палец Квинн крепко сжимал спусковой крючок. Ханна покачала головой. Еще рано.

Ханне тоже есть, о чем спросить Розамонд. Ответы нужны не только Квинн, но и ей.

Она ненавидела свое желание, но это не меняло реальности.

Ей нужен ответ.

И Розамонд Синклер придется ответить.

— Я убила твоего сына, — призналась Ханна.

Розамонд отшатнулась.

— Что ты сказала?

— Это я убила Пайка. Не Лиам Коулман. Я.

На мгновение суперинтендант потеряла дар речи.

— Я стреляла в него дважды. И ударила его ножом. А потом спустила на него Призрака.

Твой сын мучил собак. Не только женщин.

Лицо Розамонд скривилось.

— Ложь! Заткнись! Заткни свой грязный рот!

— Он заплатил за все.

Розамонд рванулась к Ханне, ее глаза пылали яростью, руки вытянулись как когти.

Прежде чем Ханна успела среагировать, Квинн выстрелила в ноги Розамонд. Выстрел ударил по ушам, оглушив их в замкнутом пространстве гаража. Куски бетона попали в ноги суперинтенданта. Она вскрикнула и отпрыгнула назад.

— Я сказала не двигаться, — прорычала Квинн. — Следующий выстрел попадет тебе в коленную чашечку. Ты можешь исповедоваться в своих грехах с разбитым коленом — или двумя.

— Ах ты лживая шлюха, — прошипела Розамонд сквозь стиснутые зубы. Она попятилась назад и прислонилась к крылу «Мерседеса». Штанины ее брючного костюма разорвались. Капельки крови заляпали кремовый лен. Она сгорбилась, как загнанный в угол зверь.

Ханна сделала шаг к ней.

— Пять лет назад моя машина сломалась на обочине дороги. Пайк остановился и предложил помощь. Вместо этого он отвез меня в свой охотничий домик в Национальном лесу Манисти и запер в подвале. Он делал ужасные вещи. Он наслаждался контролем. Ему нравилось причинять боль.

Ноги Ханны не слушались, ладони стали липкими, но она не отводила взгляда от Розамонд.

— Но тогда ты уже знала это.

Розамонд зашипела.

— Я убью тебя!

— Ты знала. Ты его мать. Ты породила его.

— Я убью тебя за то, что ты сделала с моим Гэвином!

— Ты знала, кем он был.

В глазах Розамонд вспыхнуло неприкрытое презрение. Она всегда умела манипулировать. Каждое ее слово означало что-то другое, лабиринт слов с чудовищем в сердце каждого предложения. Каждая улыбка — завуалированная угроза.

Она использовала слова, чтобы контролировать своих оппонентов, изводить их

постыдной полуправдой и красивой ложью. Когда это не удавалось, она использовала своего сына как оружие. Монстра, которым могла управлять по своему желанию.

Больше нет.

Тщательно созданная маска спала, трещины обнажили то, что скрывалось под ней.

— И что? — Розамонд наконец закричала. — Это ты хочешь услышать? Ну и что, что у него имелись определенные пристрастия! У всех нас есть свои... отклонения. Он мой сын. Я любила его таким, какой он был!

— Он насильовал и убивал.

Ее рот истончился в усмешке.

— Слишком драматичная интерпретация. Мужчины есть мужчины. Они созданы для насилия. Они созданы, чтобы стремиться к нему. Мужчины любят драться, любят смотреть на драки. Мужчины охотятся и убивают животных. Это спорт. Развлечение. Гэвин ничем не отличался.

— Люди — не животные.

— Кто сказал? — насмеялась она. — Некоторые люди ничем не лучше крыс, паразитов, которые шныряют вокруг, нарушая порядок, внося хаос и разрушение. Он никогда не делал этого с кем-то важным. Они были отбросами, наркоманами, которые отнимали силы у системы, не более того. Они как кровососущие пиявки питались всем хорошим, что мы пытались здесь построить. Убить их все равно что вынести мусор.

Ханна возмутилась:

— Я не мусор.

— Мусор другого рода. Ты недостаточно хороша для Ноа. Никогда не была и никогда не будешь. Честно говоря, я надеялась, что он избавится от тебя сам.

— Ты знала, что я жива, — прошептала Ханна. — Ты знала, что я у него.

Зубы Розамонд сверкнули белизной и остротой, как у акулы, идущей на убийство.

— Твоей семье всегда жилось лучше без тебя. Видя, как все сложилось, я бы сказала, что все это время была права.

Ханна застыла, заново пораженная развращенностью этой женщины, ее невероятной способностью к злу.

— Лучше бы ты сдохла в том подвале, — прорычала Розамонд, ее лицо исказила гримаса ненависти. — Ему следовало сгноить тебя там!

— Хватит! — раздался голос Ноа. Он вошел в гараж за спиной Квинн. — Довольно!

Глава 61

Квинн

День пятьдесят пятый

Взгляд Розамонд скользнул мимо Ханны и Квинн и остановился на Ноа. На ее лице отразилось облегчение.

— Шеф Шеридан! Слава богу! Они пытаются меня убить!

— За всем этим стоит она, Ноа! — воскликнула Квинн. — За всем!

Ноа Шеридан был в полицейской форме и держал в обеих руках по пистолету. Он выглядел разбитым, с впалыми щеками и изможденным лицом. Серые тени залегли под его налитыми кровью глазами, как синяки. От него разило алкоголем.

— Я слышал ее. Я все слышал.

Напряжение в груди Квинн ослабло. Ноа услышал правду. Он наконец-то все исправит.

Он снова станет тем самым Ноа, которого она знала. Ее другом. Хорошим полицейским. Героем.

— Я просто сказала то, что они хотели услышать! — заявила Розамонд. — Это все ложь! Я пыталась спасти свою жизнь! Они запутались во всем этом хаосе, шеф Шеридан. Они не знают, что говорят!

Ноа вышел на середину гаража, крутанулся на пятках и встал лицом Квинн и Ханне. Он заговорил низким, ровным голосом.

— Опустите оружие.

Квинн моргнула.

— Что?

Ханна застыла на месте.

— Ноа. Что ты творишь?

— Опустите оружие!

Неприятное чувство поселилось в животе Квинн, как глыба льда.

— Это Розамонд, а не мы...

Ноа направил свой «Глок» на Квинн.

— Я больше не буду повторять.

Квинн покраснела и в недоумении уставилась на Ноа. Такого не могло случиться. Это не может быть реальностью. Только не Ноа.

Земля накренилась, словно проваливаясь под ее ногами. Она хотела верить в него. Несмотря на все доказательства, несмотря на предупреждения. Ей нужно верить.

Она верила в Ноа на подъемнике, в парня, который спустился по тросу в разгар снежной бури, чтобы их спасти. В Ноа, который пришел на помощь в церкви. Ноа, который принял ее в свою маленькую семью с распростертыми объятиями, и относился к ней так, словно она не просто жалкий ребенок наркоманки, словно она кто-то значимый.

Тот Ноа был настоящим. Квинн не хотела верить, что все это лишь иллюзия. И не могла. Но какая бы часть Ноа ни проявляла его как героя, он позволил этому хорошему, правильному в себе исчезнуть.

Он отказался от себя так же точно, как только что отказался от нее.

Горячие гневные слезы навернулись ей на глаза.

— Как ты мог?

Что-то во взгляде Ноа мелькнуло и погасло. Он не смотрел на нее.

— Сейчас же!

Все в ней боролось против этого, но Квинн подчинилась. Она присела и положила AR-15, отстегнула «Беретту» и положила ее на бетонный пол.

Ханна сделала то же самое со своим дробовиком.

Ноа подошел ближе и отбросил их в сторону. Металл заскрежетал о бетон. AR-15 и дробовик Ханны проскочили под машиной. «Беретта» скользнула по лестнице, прислоненной к стене.

Ноа показал пистолетом.

— В дом. Сейчас же.

— Ноа...

— Вперед!

Розамонд, прихрамывая, вышла через боковую дверь. Ханна последовала за ней, Квинн следом, Ноа шел сзади, направив оружие им в спины.

Квинн моргнула от резкого яркого света. В доме горела каждая лампочка. От этого заболели глаза.

Ноа направил их в центр гостиной с полами из бразильского дерева, сводчатыми потолками и хрустальными люстрами. Все витиевато, элегантно и роскошно.

Особняк суперинтенданта изобиловал всевозможными вещами: на бархатных диванах и мягких креслах лежали пакеты с продуктами, в каждом углу стояли стопки картонных коробок. Некоторые из них имели этикетки: пайки, пакеты с рисом и фасолью, средства первой помощи, стиральный порошок.

На просторной кухне продукты покрывали каждый сантиметр мраморных столешниц: коробки и пакеты, наполненные банками с фасолью, супами всех видов и упаковками макарон. Остров загромождали ящики с туалетными принадлежностями — шампунями и кондиционерами, мылом, зубной пастой и щетками, туалетной бумагой.

Квинн почувствовала тошноту. Столько излишеств и расточительности. Розамонд не могла потратить все это, даже за несколько лет. Ей одной столько не нужно. Она копила все это по одной причине — потому что могла.

Ноа, казалось, не замечал ничего неладного. Может быть, он уже знал.

С раздражением он повернулся к Ханне.

— «Ругер» тоже. Я знаю, что он у тебя в кармане.

Ханна бросила на него тяжелый взгляд.

— Зачем ты это делаешь?

Ноа взмахнул «Глоком».

— Давай!

Ханна колебалась, затем выдохнула и вынула пистолет. Она опустила его на пол.

Ноа отбросил его ногой. «Ругер» скользнул по деревянным доскам и упал рядом с журнальным столиком, на стеклянной столешнице которого лежали солнечные батареи, большинство из них все еще оставались в упаковке.

Руки Квинн безвольно повисли по бокам. Она чувствовала себя уязвимой и незащищенной. Ей нравился твердый, надежный вес AP-15 в ее руках. Благодаря ему она чувствовала себя увереннее.

Даже без него Квинн не была совсем беззащитной. Она сунула правую руку в карман, пальцы коснулись скотча, скрепляющего один из ее дротиков.

Ноа забыл о рогатке.

— Очень вовремя. — Розамонд ковыляла вперед, протягивая руку к Ноа. — Саттер предал нас. Нам нужен новый план. Нам нужно...

— ЗАТКНИСЬ! — Ноа развернулся и направил свой табельный пистолет в лицо Розамонд. — Не двигайся!

Розамонд остановилась рядом с журнальным столиком, в двух футах от Ноа. По ее лицу пробежала сложная гамма эмоций.

— Ноа. Это я. Эти... монстры напали на меня в моем собственном доме.

— Ты — монстр! — закричала Квинн. — Ты хуже, чем все они! Хуже, чем Рэй Шульц, хуже, чем моя мать, хуже, чем Джулиан.

— Я никогда никому не причиняла вреда! Я никогда ни на кого не поднимала руку! Я невинна!

— Тела, которые мы находили. — Ноа уставился на Розамонд так, как будто никогда не видел ее раньше. — Наркоманы и бездомные. Тот, которого нашли у реки утром в день ЭМИ.

У него были сломаны кости на руках. Это сделал Пайк.

Розамонд посмотрела на него. Ее подбородок выступал вперед, агрессивно, вызывающе.

— Ханна права. Ты знала, кто он. С самого начала. Все это время.

В груди Квинн зародилось зернышко надежды. Возможно, это просто ловушка. Ноа играл с Розамонд так же уверенно, как она пыталась играть с ним. В конце концов, он справится. Он должен.

Розамонд сжала наманикюренные пальцы в кулаки.

— Не будь таким праведником, Ноа. Не пытайся сказать мне, что ты не знал о Никеле Картере. Джулиан ведь застрелил его у тебя на глазах? И Билли Картера тоже. Два хладнокровных убийства. Не припомню, чтобы ты сообщал о них, сдав своего лучшего друга?

Ноа замялся.

— Это другое.

— От чего же? — выплюнула Розамонд. — Вы, люди, со своим самодовольным негодованием, пытаетесь всем навязать свою мораль! Я сделала то, что сделала, ради своих сыновей! Все, что я делала, было ради них! Чем вы отличаетесь?

Ноа открыл рот, но на мгновение замолчал. Отчаяние, борющееся с яростью, исказило его черты.

— Хватит, — прошептал он. — Хватит.

Его палец переместился со спусковой скобы на курок.

Глава 62

Квинн

День пятьдесят пятый

Сердце Квинн бешено колотилось о ребра. Казалось, что оно вот-вот выскочит из груди. Почему Ноа еще не пристрелил ее? Чего он ждал?

Розамонд подняла руки, протянув ладони в мольбе, пытаясь остановить его.

— Ноа, я бы никогда! Ты не можешь им верить...

— Ты сожгла мой дом. Ты спалила его с моим сыном внутри. — Его голос дрожал. Пистолет вздрагивал в его руках.

Глаза Розамонд расширились. На ее лице мелькнула неуверенность, а затем вспышка настоящего страха.

— Это не я! Это сделал Саттер! Он сжег запасы в распределительном центре. Он хотел отомстить тебе. Он всегда ненавидел тебя — ты знаешь это! Я ничего об этом не знала, клянусь. Ты знаешь, как сильно я люблю Майло! Я бы никогда этого не сделала! Никогда, Ноа. Я клянусь!

— Не верь ей! — воскликнула Квинн. — Она врет!

— Прекрати, Квинн! — отрезал Ноа.

— Ты обещал мне, что разберешься со всеми монстрами, — с упреком и отчаянием в голосе проговорила Квинн. — Ты помнишь? Тем вечером в церкви после резни. Ты обещал мне. Вот последняя. Она прямо здесь...!

— Замолчи! — рявкнул Ноа. — Просто помолчи!

В одно мгновение выражение лица Розамонд превратилось из покорного в исполненное искренней доброжелательности. Ее глаза расширились и заблестели. Подбородок дрогнул, и по щеке потекла слеза.

— Любая мать любит своих детей, Ноа. Я не могу отрицать, что защищала их. Ты был

лучшим из моих мальчиков. Я любила тебя как сына. Я люблю тебя.

Ноа дико затряс головой.

— Нет! Не говори так. Остановись!

Она не прекратила.

— Я любила их слишком сильно. Я признаю это. Может быть, мне следовало поступить иначе, но я делала это из любви. Я любила их, как люблю тебя!

— Ты обещал! — закричала Квинн. — Пристрели ее!

Розамонд протянула руку, всего в нескольких дюймах от лица Ноа. Она вдруг стала мягкой, заботливой, по-матерински обожающей.

— Ты любил меня больше всех. Не думай, что я этого не видела. Не думай, что я не знаю, каким верным ты был. Насколько преданным. Скольким ты пожертвовал, чтобы защитить семью — всех нас.

— В ней нет любви, Ноа, — поморщилась Ханна. — Она не знает значения этого слова.

Розамонд погладила его по щеке.

— Не предавай меня. Ты был единственным, кто любил меня по-настоящему. Мой истинный сын.

Лицо Ноа исказилось.

— Мой сын мертв. Майло мертв.

— Ноа, он не... — начала Ханна.

— Я люблю тебя! — Розамонд повысила голос. — Я единственная, кто все еще любит тебя. Я единственная, кто рядом с тобой. Я — все, что у тебя осталось!

— Ноа... — попробовала Ханна снова, но Ноа не стал ее слушать.

— Я дала тебе все! Я спасала тебя! Я сделала все для этого города! Все, что я когда-либо делала, только ради тебя!

Плечи Ноа затряслись. Он вдруг стал выглядеть слабым, потерявшим опору. Глаза смотрели безучастно и пусто.

Ужасный тонущий страх наполнил Квинн.

Она в ужасе смотрела, как Ноа опускает пистолет. Его палец соскользнул со спускового крючка.

Розамонд протянула Ноа руку. Он подошел к ней, наклонился и горько заплакал.

Розамонд обняла его одной рукой. Она прижала Ноа к себе и посмотрела через его плечо на Ханну, в ее взгляде мелькнуло что-то расчетливое и хищное. В ее глазах не отражалось никакой человечности. Вообще ничего.

Слезы прекратились. Она улыбнулась, быстрая жесткая улыбка сверкнула, как лезвие ножа.

Казалось, все события произошли одновременно.

Розамонд расположила Ноа так, чтобы он стоял к ним спиной, прикрывая ее своим телом. Квинн уловила движение. Свободной рукой Розамонд потянулась к чему-то — блеснул металл.

— Ханна! — предупреждая закричала Квинн.

Бум! Из ниоткуда раздался выстрел. Ноа отшатнулся назад.

Ханна бросилась в сторону, чтобы достать лежащий в нескольких футах «Ругер».

Ужас пронзил Квинн. Она выхватила из кармана рогатку и флешетту, натягивая ремни у щеки. Инстинкт взял верх, ее движения ускорились и приобрели силу.

Розамонд оттолкнула Ноа в сторону, в ее руке был револьвер. Она подняла и направила

его на Ханну.

Ханна упала на пол, потянувшись за пистолетом, пытаясь его схватить.

У Квинн остался только один выход, единственный шанс. Она выпустила флешетту. Одновременно Розамонд выстрелила второй раз. Бум!

Громовой выстрел отдался в ушах. Квинн не видела, попала ли она в цель. В ужасе ее взгляд метнулся к Ханне, ища кровь, рану.

Ее внутренности заледенели. Сердце гулко стучало в груди. Она опоздала. Квинн знала это.

Ханна, лежала скрючившись на полу, держа пистолет в руках. Невредимая.

Пуля пробила стену позади нее без вреда для здоровья.

Квинн повернулась к суперинтенданту.

Торжествующая улыбка Розамонд дрогнула. Она сползла с ее губ, мышцы лица ослабли. Револьвер упал на пол.

Розамонд вскинула, трепещущие, как птичьи крылья руки к своей шее. Кровь сочилась из-под шестидюймового гвоздя, застрявшего глубоко в ее горле.

Задыхающийся, булькающий звук вырвался из ее губ. Ее дыхание прервалось, когда кровь заполнила дыхательные пути. Глаза расширились от ужаса и отчаяния. Она открывала и закрывала рот, как рыба в поисках кислорода.

Ноа упал назад, наполовину привалившись к дивану. Он не сделал ни одного движения, чтобы помочь ей. Он вообще не шевелился.

Розамонд опустилась на колени посреди своей роскошной гостиной, окруженной изобилием, щедростью, льющейся из каждого уголка, каждой коробки и ящика.

Ее лицо исказилось в гримасе агонии. Кожа потеряла цвет, кровь пузырилась на ее белых губах. Грудная клетка беззвучно вздымалась.

Ханна поднялась на ноги. Она вскинула 45-й калибр, как бы решая, стоит ли избавлять Розамонд от страданий.

— Нет, — прошептала Квинн.

Но Ханна так решила.

— Мы — не они, — сказала она. — Мы не монстры.

Она подняла «Ругер», подперла приклад искалеченной рукой и выстрелила. Тело Розамонд дернулось и упало набок, затем затихло.

Розамонд Синклер была мертва.

Глава 63

Ноа

День пятьдесят пятый

Ноа смотрел на тело Розамонд.

Она мертва. Розамонд мертва.

Он облокотился на край дивана, всего в нескольких футах от ее трупа. Он не мог собраться с мыслями. Мысли приходили медленно и вяло.

Он попытался встать, но обнаружил, что не может пошевелиться. Его ноги и руки превратились в камень. Он чувствовал холод, безумный холод. И боль. Боль, пульсирующую где-то глубоко в его теле.

Ноа опустил взгляд и посмотрел на себя. С удивлением он обнаружил, что в его куртке над животом есть дыра. Он почувствовал влагу под рубашкой. Теплая, влажная струйка.

«Розамонд, — смутно подумал он. — Розамонд выстрелила в меня».

— Ноа? — позвала Ханна, в ее голосе звучала тревога и неуверенность.

Он медленно поднял глаза, так медленно, и встретил взгляды Квинн и Ханны. Они смотрели на него, как на незнакомца. Как будто он враг.

Впрочем, разве нет? Он подвел их обеих. Подвел Майло. Розамонд Синклер в конечном итоге оказалась чудовищем. Хладнокровной убийцей. Волком в овечьей шкуре.

Даже зная ужасную правду, он все равно не мог поверить. Он не нажал на курок. И в конце, когда она коварно выстрелила в него, Ноа испытал шок.

Он соскользнул с дивана и упал на колени. Провел руками по животу, почувствовал, как влага просачивается сквозь куртку, расплзается, растекается. Его руки стали красными от крови.

— Ноа! — потрясенно воскликнула Квинн. — Ты ранен!

— В меня стреляли.

Боль охватила его, словно огромная рука вывернула внутренности, разрывая и раздирая кишки. Он попятился назад, чуть не упав, но Ханна подоспела, осторожно положила его на пол и опустилась на колени рядом с ним.

Она схватила брошенное одеяло, свернула его в клубок и прижала к его животу, крикнув Квинн, чтобы та искала бинты, что-нибудь, чтобы остановить кровотечение.

Ноа уставился в ярко-белый потолок, дыша быстро и неглубоко. Его руки стали скользкими, повсюду была кровь. Он не мог остановить ее, не мог держать кровь в себе.

— Ноа, — проговорила Ханна как будто с большого расстояния. — Майло не умер. Он в коме.

Он едва мог расслышать ее из-за рева в ушах. Ханна могла быть за океаном. Она могла быть на другой планете.

Ее слова проникали в растущий туман в его сознании. Майло... жив. Но едва.

— Он может не выжить, — прошептала она, ее голос срывался, — но ты должен знать — он не умер.

Майло заплатил страшную цену за его высокомерие. С тем же успехом Ноа мог сам устроить пожар и убить своего собственного сына.

Даже если Майло выживет, Ноа никогда не сможет простить себя. Никогда.

Вред Майло единственное, с чем Ноа не мог смириться. Единственное, с чем он не мог жить.

Майло пострадал по его вине. Все это произошло по его вине. Из-за его сомнений, бездействия, нежелания видеть уродливую правду. Он предпочитал вместо этого принимать красивую ложь — пока она не разрушила то, что он любил больше всего.

Внутри него нарастало раскаяние. Ноа думал, что защищает их. Но это он открыл дверь и пригласил волка внутрь. Он стоял в стороне, пока зверь пожирал все, что имело значение.

Только сейчас, когда уже слишком поздно, Ноа понял, как ошибался.

— Слишком поздно, — задыхался он. — Слишком... поздно...

— Мы позвоним Ли, — пообещала Ханна. — Мы вызовем помощь. Просто держись.

Держаться не получалось. Ноа чувствовал, как мир ускользает от него. Все становилось холодным. Его разум раскалывался на мелкие кусочки. Ноа чувствовал, как разрушается, распадается.

Зима застыла у двери. Холод распространялся внутри него, хищный и безжалостный. Непроглядная тьма окружала его, подкрадываясь все ближе.

Странно, но он не чувствовал паники. Только печальную и ужасную покорность.

Ноа протянул дрожащую руку. Ханна обхватила ее своими руками.

Он хотел верить, что лучше, чем есть на самом деле. Вместо этого он оказался маленьким, испуганным и слабым. Ему хотелось, быть хорошим человеком. Убежденным и смелым мужчиной. Все могло бы сложиться по-другому.

Ноа открыл рот, но из него не вырвалось ни звука. Мокрота забила его горло. Слова тонули в крови. Он больше не мог говорить, даже если бы захотел сказать что-то стоящее.

Он жаждал отпущения грехов. Но отпущения не случилось.

И тогда он увидел это, почувствовал его — холодный поток тьмы, поднимающийся ему навстречу.

Глава 64

Ханна

День пятьдесят пятый

Горе обрушилось на Ханну, как приливная волна. От его силы у нее перехватило дыхание.

На мгновение, всего на мгновение, мир остановился в своем вращении, вся мрачная земля затаила дыхание. Все конечности Ноа застыли в ужасной неподвижности. Тело, и ничего больше. Ни дыхания, ни жизни.

В нем не осталось ничего от ее мужа. Вообще ничего.

Он больше не напоминал ее Ноа. Манекен, одетый в ту же одежду, с теми же темно-каштановыми волосами, с тем же красивым лицом, которое она так хорошо знала.

Кровь испачкала его одежду, руки. Под его торсом образовалась алая лужа. Ее собственные руки тоже покрылись его кровью.

Ханна взяла Ноа за руку. Обручальное кольцо исчезло с его безымянного пальца, осталась только полоска белой плоти, чтобы отметить его существование.

Она не могла оторвать взгляд от голого пальца.

Его больше нет. Ее мужа. Отца ее сына. Он ушел навсегда.

Неважно, что произошло между ними, кем он стал. Несмотря на его худший выбор, Ханна все еще дорожила им.

Она никогда не хотела смерти Ноа. Никогда не желала этого. Ни разу.

— Ноа! — Квинн подбежала и упала на колени перед ним. — Ноа, ответь мне!

Он не ответил. И никогда больше не ответит.

Квинн раскачивалась взад и вперед, качая головой, ее плечи дрожали. Слезы текли по ее щекам.

— Нет! Нет, нет, нет, нет, нет!

Она стучала кулаками по груди Ноа, разъяренная, опустошенная, убитая горем.

— Почему ты доверял ей? Почему? Теперь ты мертв! Почему ты ей поверил!

— Квинн, — мягко позвала Ханна.

Квинн бестолково билась, ее руки были в крови.

— Ты позволил ей убить себя! Ты позволил ей. Ты сделал это, ты сделал...

Ханна неуверенно поднялась на ноги и двинулась вокруг тела Ноа к Квинн.

Квинн захлебнулась криком.

— Он знал! Он знал, кто она, но все равно обнял ее, а она просто, она выстрелила в него... Я пыталась, я не успела...

— Розамонд сделала это. Ноа тоже. Не ты. Понимаешь?

— Если бы я попыталась связаться с ним еще раз. Предупредить его. Если бы я просто... Ханна схватила Квинн за плечи.

— Ты ничего не могла сделать. Мы все пытались достучаться до него, предупредить. Ты, я, Бишоп. Даже Лиам.

— Он же должен был быть одним из хороших парней. Он мог бы быть... Он должен был быть...

— Я знаю, — согласилась Ханна, яркая вспышка гнева прорезала ее печаль. — Знаю.

Розамонд могла выстрелить наудачу, но Ноа добровольно угодил в ее ловушку. Ноа позволил ей заманить его, подманить, как рыбу, извивающуюся на крючке. Даже в конце. Даже зная горькую правду.

Он предал Квинн так же уверенно, как если бы сам нажал на курок. Он предал Майло. Он бросил их, оставив в руках осколки их собственных разбитых сердец.

Ханна не знала, сможет ли простить его за это.

— У Ноа всегда был выбор. Он пытался притвориться, что у него его нет, но обманывал себя. Это его вина. Никто кроме него не виноват. Он сам выбрал путь, который привел к этому. Как и Розамонд.

Квинн уставился на нее с недоумением и болью в сердце.

— Ты все сделала правильно. Ты сделала все, что могла.

Наконец, она кивнула.

— Иди сюда. — Ханна заключила Квинн в свои объятия. Квинн уткнулась в Ханну, все ее тело дрожало, пока она всхлипывала, как ребенок.

Ханна погладила ее по спине своей больной рукой. Она прижалась щекой к макушке Квинн и вдохнула ее запах. Квинн пахла медью, кровью, потом и порохом. Она пахла как солдат.

Сердце воина билось в ней, но она все еще ребенок: одинокая сирота, которая мечтала только о том, чтобы ее любили.

Ноа подвел ее, но Ханна никогда этого не сделает. Она умрет, прежде чем причинит боль этой прекрасной девушке.

Она не знала, сколько времени простояла на коленях, держа Квинн. Постепенно темнота за окнами рассеялась. Не раздавалось никаких звуков, кроме тихого плача Квинн. Через некоторое время затих и он.

Ханна подняла голову и прислушалась. Спорадическая стрельба прекратилась. Снаружи наступило тихое утро.

Квинн отстранилась, вытирая глаза. Она сделала несколько судорожных вдохов и успокоилась. Кровь залила ее лицо, руки, одежду. Чужая кровь.

С Квинн все будет в порядке. Она сильная. Ее окружали люди, которые заботились о ней.

Этого должно быть достаточно.

Сердце Ханны тянуло ее в другом направлении, напоминая о мире за пределами этого дома, помимо этих тел, всей этой смерти.

Она нужна своему сыну. Дочери, псу. Лиам должен вот-вот вернуться. Она должна быть рядом с ними, со всеми ними.

Ханна приподнялась и протянула руку Квинн.

— Нам нужно идти.

Они встали на ноги. Ханна обхватила плечо Квинн и притянула ее к себе. Вместе они вышли через парадную дверь, повернулись спиной к дому Синклеров и шагнули в новый день.

Утро выдалось безоблачным. Солнце выглянуло из-за деревьев, заливая небо яркими розовыми, оранжевыми, желтыми и красными красками. Рассвет отражался от замерзших ветвей, все еще покрытых льдом, и каждая сосулька сверкала, как бриллиант.

— Все закончилось? — спросила Квинн.

— Все закончилось, — подтвердила Ханна. — Мы справились.

Глава 65

Ханна

День шестидесятый

Ханна пела Майло. Все песни, что только приходили ей в голову. Песни «Битлз», Aerosmith, Pink Floyd, Филя Коллинза. Queen. Она качала Шарлотту на руках и пела.

Когда ее горло пересохло, и она больше не могла петь, Квинн взяла это на себя. Она включала любимые классические рок-песни Майло на своем айпоне или читала некоторые из их самых любимых апокалиптических романов.

По просьбе Квинн они переместили Майло в ее спальню. Они могли бы использовать дом в «Винтер Хейвене» теперь, когда ополчения больше нет, но все чувствовали, что Майло захочет быть в знакомом месте, окруженный теплом и любовью. В доме, где в воздухе витает восхитительный аромат кукурузного хлеба с медовой прослойкой от Молли и куча кошек, спокойно спит вокруг него.

Ханна ночевала на раскладушке рядом с кроватью Квинн, Шарлотта — в люльке у ее ног, Призрак — на полу. Маленькие переносные пропановые обогреватели согревали их. Керосиновый фонарь на комодe давал свет.

Она поправляла Майло каждые два часа, чтобы у него не образовались пролежни. Мыла его губкой и меняла большие подгузники для взрослых, которые Бишоп нашел для поддержания чистоты.

Сын дышал сам, его узкая грудь вздымалась и опадала, глаза мигали под тонкими прозрачными веками. Он просто не просыпался.

Пять дней. Пять дней превратились в вечность.

Каждый день жизни ее сына казался Ханне смягчением приговора, отсрочкой казни в последнюю минуту.

Ханна почти никогда не отходила от Майло, только чтобы быстро принять душ из ледяного ведра или покормить Шарлотту. Призрак постоянно дежурил возле Ханн, не считая прогулок на улице, поедания ужина и ночного патрулирования дома.

Лиам, Бишоп, Квинн, Молли, Рейносо и Перес оставались рядом. Они навещали его и перерывах между сменами караула, охраной блокпостов, уборкой, стиркой, готовкой, колкой дров и другими делами.

Аннет заходила несколько раз, чтобы поздороваться и передать кастрюлю супа. Во второй раз она привела с собой Дейва. В последнее время они проводили время вместе. Это хорошо.

Ли пришел проведать Майло, но без радости. Он винил их в пожарах, боях, смерти и разрушениях. Он поддерживал ополченцев до конца. И не только он.

Это вопрос нового дня, о котором измученный разум Ханн пока не мог размышлять.

Здесь не осталось места ни для чего, кроме ее сына, дочери и людей, которых она любила.

Горе по поводу смерти Ноа висело над ней, как кружащие вороны. Он занимал огромное место в жизни Ханна. Он был отцом Майло.

Она оплакивала того, кем он должен был стать. Оплакивала все то, что они потеряли, боль, которую они оба пережили, любовь, которую они разделяли к своему сыну.

Самое тяжелое горе придет позже.

А пока она держала Майло за руку и снова и снова пела «*Blackbird*»:

Ты только ждал этого момента...

Напевая слова, которые она так хорошо знала, Ханна непрестанно молилась за своего сына. Он стал ее спасательным кругом в той подвальной тюрьме, когда лишь невозможная надежда служила ей опорой, невидимой нитью соединяя ее душу с его.

Надежда это единственное, от чего она никогда не откажется, никогда не отпустит. Никогда.

Ханна пела. И надеялась.

Глава 66

Квинн

День шестьдесят первый

Квинн отстирала последнее полотенце в серой, грязной воде. Она только что закончила стирку двух партий грязного белья, и оставалось еще одна. Ванна до половины заполнена ледяной водой, которую она качала из колодца и таскала в дом ведро за ведром.

Бабушка возилась на улице, пропалывая и подрезая грядки зимнего сада. Бишоп, Рейносо и еще несколько человек дежурили на блокпостах. Лиам отнес Шарлотту в убежище. Там он инструктировал небольшую группу горожан по созданию защитных сооружений по периметру с ребенком, пристегнутым к груди.

— Как ты себя чувствуешь? — тихо спросила Ханна с порога ванной.

Квинн поставила старомодную стиральную доску на край ванны и повернулся к ней лицом.

Глаза Ханна впали от горя и усталости, напряжение от бдения проступало в каждой черточке ее лица. И все же она оставалась доброй, всегда думала о других людях прежде, чем о себе. Квинн не могла припомнить, чтобы мать спрашивала ее о самочувствии — никогда.

— Прекрасно, — машинально ответила она.

И почувствовала на себе скептический взгляд Ханна. Ханна ей не поверила.

Квинн и сама себе не верила.

Она поднялась на ноги и села на крышку унитаза, вытирая мокрые руки о джинсы. Бессознательно коснулась кольца на губе.

— Просто проблемы со сном.

Ханна подняла брови.

— Я слышала это раньше.

Квинн пожалала плечами. Она ничего не рассказывала о своих кошмарах. Как просыпалась, задыхаясь, и выстрелы эхом отдавались в ее ушах, образы впечатывались в мозг — кровавая улыбка Розамонд, предсмертное выражение лица Ноа, его потухшие глаза.

Ноа мертв. А Квинн стала убийцей. Она убила Розамонд Синклер. Суперинтендант заслужила смерть. Квинн ни секунду не жалела о том, что сделала.

Но это не уменьшило глупых кошмаров. Это не спасло Майло и не вернуло Ноа из

мертвых. Не заставило тьму внутри нее исчезнуть.

Ханна скрестила свои тонкие руки на груди и обхватила себя.

— Знаешь, нам есть за что быть благодарными.

— Даже сейчас, после всего? Даже если Майло умрет? — Квинн сказала это вслух, то что все шесть дней избегали обсуждать. Огромный слон в комнате.

Ханна не вздрогнула. Она не отвернулась. Она выдержала взгляд Квинн.

— Да, даже тогда.

— Как ты можешь так говорить?

— Мы уже сделали это. Мы уже понесли невероятные потери. Я. Ты. И мы все еще здесь, Квинн. Мы выжили, ты и я.

Квинн сначала опустила глаза. Она не чувствовала себя выжившей. Она чувствовала себя как угодно, только не живой.

Ее страх, вина, ненависть и беспомощность спутались внутри нее в уродливый клубок. Она переживала, что лишила жизни человека, даже такого подлого, как Розамонд. Ее мучило постоянное беспокойство за Майло. И ее неистощимый, необъяснимый гнев на Ноа. Она чувствовала безграничное опустошение от его предательства, его трусости.

Квинн боялась собственных мыслей. Настолько темными они были. Насколько жестокими. Она безумно злилась.

Квинн сжала руки в кулаки. Если она не заговорит, эта штука внутри ее поглотит. Она уже чувствовала это. Что-то в ней растет, что-то живое.

— Ханна, я...

— Мама?

Ханна замерла. Ее глаза расширились. Она повернулась и побежала в спальню.

С замиранием сердца Квинн вскочила на ноги и помчалась за ней, не смея поверить собственным ушам. Она узнала бы этот маленький, милый голосок где угодно.

Майло очнулся.

Глава 67

Квинн

День шестьдесят первый

Квинн и Ханна вбежали в спальню.

Веки Майло дрогнули.

Ханна бросилась к его кровати, отодвинула раскладушку и опустилась на колени. Сжала его руку, ее узловатые пальцы крепко вцепились в Майло.

— Я здесь. Я здесь.

Майло моргнул. Его взгляд переместился с капельницы, висевшей у него на руке, на комнату Квинн, он медленно рассматривал фрески с безумными монстрами, нарисованные на стенах и потолке, прежде чем сосредоточиться на Ханне.

— Мама, — повторил он.

Призрак растянулся на полу у изножья кровати. Локи, свернувшись калачиком на своем пушистом пузе, дремал. Тор и Один уютно устроились в мягкой шерсти собачьего живота.

При звуке голоса Майло Призрак вскочил на ноги и взволнованно заскулил. Локи с визгом рухнул на пол, едва сумев приземлиться на лапы.

Испуганные, Тор и Один с громким мяуканьем покатались по полу. Они вскочили и понеслись прочь, неодобрительно подняв хвосты.

Квинн наблюдала за происходящим из дверного проема. Она моргнула, отгоняя влагу с глаз, в ее груди вспыхнула жгучая радость.

— Видишь, какой переполох ты устроил?

Майло поднял на нее глаза.

— Квинн.

Она попыталась проглотить комок в горле. Не получилось.

— Привет, Мелкий.

Его бескровные губы сложились в улыбку.

— Привет.

— Рада, что ты выбрался. Здесь было уныло, как на похоронах монахини.

— Звучит скучно.

— Даже не представляешь, как скучно. Мне не разрешили включить Элвиса на айпode. Я знаю, как сильно ты любишь Элвиса. По крайней мере, мне не пришлось слушать Queen до тошноты.

— Ты скучала по мне.

Квинн подняла палец.

— Поправка. Я скучала по своей комнате. Все вели себя так, будто ты заслуживаешь ее больше, чем я, или что-то в этом роде. Как по мне, пора вытащить твою ленивую задницу из моей кровати.

Его улыбка стала шире.

— Договорились.

Призрак прижался мордой к щеке Майло и обнюхал все его лицо и голову, как бы проверяя, все ли в порядке со здоровьем его подопечного. Довольный осмотром, он положил голову на грудь Майло и удовлетворенно заскулил.

— Я тоже рад тебя видеть, мальчик, — сказал Майло.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Ханна. — Ты голоден?

Его бледные губы дернулись.

— У вас есть арахисовое масло?

Он выглядел усталым и слабым, но бодрым. Он здесь, он жив. Квинн ухмыльнулась в ответ так сильно, что у нее заболели щеки.

— Думаю, мы сможем найти немного специально для тебя.

— Со взбитыми сливками, но не хрустящим хлебом. «Джиф», пожалуйста.

— Не забегай вперед, ладно. Ты получишь то, что получишь, и не будешь устраивать скандал.

— Я знаю, знаю. — Майло посмотрел мимо Квинн. Его темные глаза мерцали. — Где папа?

В одно мгновение кислород покинул комнату. Квинн напряглась, ее ребра сжимались все сильнее и сильнее. Стало трудно дышать. Стены сомкнулись.

В ее мозгу пронеслись ужасные образы, которые она не могла забыть — Розамонд, притягивающая Ноа в свои объятия, как питон, обхватывающий жертву, выстрел, как он сидел на диване минуту, а кровь медленно растекалась по его животу, как распускающийся цветок.

Ханна склонила голову и сжала руку Майло.

— Ох, милый. Мне так жаль.

Квинн наблюдала, как лицо Майло кривится от растерянности, боли и горя. Она видела,

как он осознает, что его отец умер и его больше нет.

Майло зарыдал. Ханна плакала вместе с ним.

Никто не мог ничем помочь ему, облегчить его страдания. Даже Ханна.

Беспомощное негодование бурлило в жилах Квинн. Горячие слезы навернулись на глаза; она сморгнула их. Она не хотела плакать. Квинн отказывалась рыдать.

Все, через что они с Майло прошли вместе. Все, что они пережили. Но именно Ноа в итоге причинил ему самую большую боль. Он бросил Майло, бросил их обоих. Дурак, как же он дурак.

Если бы Ноа оказался сейчас здесь, перед ней, она могла бы убить его. Квинн хотела его убить.

Сильно моргая, со сжатыми в кулаки руками, она повернулась и вышла из комнаты, оставив Ханну и Майло на их горько-сладкое воссоединение.

То, в чем она собиралась признаться Ханне, могло подождать. А может, лучше вообще не говорить об этом вслух.

Она радовалась, что Майло лучше. Радовалась тому, что ополченцы потерпели поражение, а Розамонд мертва, что жители Фолл-Крика могут собирать осколки и работать над восстановлением подобия жизни.

И все же.

У нее не находилось слов для выражения своей ярости в разбитом сердце. Эта пустота в груди, это темное нечто, бурлящее под ее ребрами. Слово черная дыра в ее сердце, что-то уродливое и опасное расширилось внутри, поглощая ее всю.

В самой глубине души Квинн знала, что ей не избавиться от этого.

Глава 68

Лиам

День шестьдесят восьмой

Лиам прикрыл глаза, выйдя на крыльцо без куртки. Должно быть, на улице около пяти градусов тепла.

Солнце сияло в предвечернем небе. Снег и лед таяли, с карнизов постоянно капало, кап, кап, кап — все превращалось в воду. То тут, то там виднелись пятна грязно-коричневой земли, изредка мелькала матовая мертвая трава, ожидающая весны.

Они только что закончили ужин — рис с тушеными помидорами, фасоль пинто и кукурузный хлеб. В девять у него начиналось дежурство. Майло, Квинн и Призрак играли на улице.

Квинн пристегнула Шарлотту к груди и носилась по двору, Майло и Призрак бегали за ней, когда она забрасывала их снежками, Призрак восторженно лаял, Майло хихикал. Почти в два месяца Шарлотта издавала радостные воркующие звуки и размахивала своими маленькими кулачками.

Последние дни Квинн держалась неестественно тихо и сдержанно. Приятно видеть, что она снова ведет себя как ребенок. Но она не смеялась, как Майло. Она даже почти не улыбалась.

В душе Лиама зародилось беспокойство. Ему нужно поговорить с Квинн и убедиться, что с ней все в порядке. Может быть, поручить ей дежурство, чтобы она улыбнулась. Она, безусловно, достойно справилась с суперинтендантом. Может быть, пришло время дать ей еще больше обязанностей. Возможно, она нуждалась в этом так же, как и он.

Ханна прислонилась к одной из балок крыльца и с мягкой улыбкой наблюдала за игрой детей. Она выглядела счастливее и здоровее, чем когда-либо раньше.

Лиам тоже почувствовал себя свободнее, словно с его плеч свалилось огромное бремя. Он почти не спал после комы Майло. Ему нравился мальчишка. Очень. Он был отважным и смелым, как и его неукротимая мать.

И поскольку Ханна любила Майло, Лиам тоже его полюбил.

И Шарлотту. Такая кроха, а он уже готов для нее на все. Все это знали. Лиам знал это. Он бы перевернул небо и землю, чтобы защитить малышку.

Лиам переместился и потер поясницу. Синяки на ребрах почти исчезли, боль в позвоночнике уменьшилась благодаря массажу Ханны, но он устал. Безумно устал.

Неделя после поражения ополчения прошла в суматохе. Жители Фолл-Крика кропотливо собирали по кусочкам свой город — чистили разбитые стекла, заделывали дыры от пуль, спасали то, что могли, от остатков пожаров.

Планировались похороны девятнадцати горожан, убитых ополченцами за последние несколько недель, включая Оуэна Труитта и Уэйна Маршалла.

В доме Розамонд площадью семь тысяч квадратных футов хранились настоящие сокровища. Почти в каждой комнате стояли коробки, мешки и ящики с ценной едой и припасами.

Саттер превратил еще два дома в склады для ополченцев. Оба до отказа забиты украденными припасами. Не только еда, но и дюжина походных печей и портативных обогревателей, сотни баллонов с пропаном и бутаном, галлоны керосина и несколько комплектов солнечных батарей и зарядных устройств.

После спешного совещания оставшиеся члены городского совета проголосовали за то, чтобы отдать половину запасов соседним городам. Несмотря на то, что Мик Селлерс и Общественный альянс не пришли на помощь в последней битве с ополчением, это все равно их еда.

Остальное разделили между продуктовым магазином «Френдли» и продовольственной кладовой церкви Кроссвей, готовых помочь любому жителю Фолл-Крика, кто в этом нуждался.

Молли сказала, что этого хватит, чтобы пережить весну и начать посевной сезон, если только они будут разумно экономить — и смогут создать общественный сад, усердно работать и вырастить урожай как можно быстрее.

После ополчения осталось восемьдесят семь небоевых членов семей — партнеры, дети и пожилые родители. Их обыскали, отобрали возможное оружие и в настоящее время держат в нескольких домах в «Винтер Хейвене».

Они освободили Дэррила Виггинса, но Джеймс Лютер, отступник-ополченец с больным отцом, все еще находился под домашним арестом. Они пока не знали, что с ним делать.

Жители Фолл-Крика были разгневаны, опустошены и убиты горем. Все испытывали подозрения и обиду, указывали пальцами и сваливали вину на других. Они хотели отомстить за все, что потеряли.

Бишоп сказал, что потребуется время, чтобы исцелиться, оставить обиды и объединиться как община. Ханна верила, что они у них получится.

Лиам не был так уверен, но хотел попробовать. Ради Ханны, ради людей, о которых заботился, он попытается.

Ханна расстегнула куртку и подняла лицо к солнцу.

— Возможно, зима наконец подходит к концу.

— Вряд ли. — Он прищурился и посмотрел на небо. — Разве сейчас уже март?

— Первое число, — ответила она.

— Ты помнишь. Большинство людей уже потеряли счет дням.

— Я отслеживала дни в подвале, — тихо сказала Ханна. — Рисовала линии на стене.

Более пятнадцати сотен. Каждый день для меня был битвой, которую я выиграла. Это имело значение. Я знала, что раз продержалась так долго, то могу преодолеть еще одну отметку. Я всегда могу прожить еще один день.

Как он жаждал обнять ее, сделать все возможное, чтобы облегчить боль, которую она несла, успокоить преследующие воспоминания.

Лиам немного знал об этом. Некоторые раны никогда не заживают, не полностью. Существовали способы сдерживать боль, поместить ее в коробку. Не только жить со шрамами, но и примириться с ними. Найти покой. Он начинал верить, что это возможно.

— Я справилась, — проговорила Ханна. — И теперь мы сделали это. Мы преодолели столько. Это уже здорово.

Да, но это не означало, что он мог расслабиться. Ни на день, ни на минуту. Они уже потеряли больше, чем могут потерять два человека.

За воротами таились враги. Одни известные, другие нет.

Розамонд мертва. Ноа мертв. Ополчение потерпело поражение.

Но Саттер сбежал. Он все еще оставался где-то на свободе, и его знание о существовании «Винтер Хейвен» представляло явную и настоящую опасность.

Ополчение Саттера не шло ни в какое сравнение с крупными организованными бандами, вооруженными оружием военного образца, которые бродили по Среднему Западу. Фолл-Крик находился в тридцати минутах езды от границы между Индианой и Мичиганом. Если штаты начнут стычки за ресурсы, окажутся ли они на линии огня?

Они не готовы к чему-то подобному. У них просто не хватит людей, чтобы защитить это место.

Лиам боялся, что любых их действий будет мало.

— То, что ополченцев больше нет, не значит, что мы в безопасности.

— Мы никогда не будем в безопасности. Безопасности не существует. Ни после краха, ни до. Ты делаешь лучшее, что можешь, и живешь жизнью, которую дал тебе Бог.

— Ты говоришь, как Бишоп, — язвительно заметил Лиам.

Она озорно ухмыльнулась.

— Наш пастор влияет на всех.

— Так и есть.

— Ты все еще обеспокоен, — сказала Ханна, прочитав его мысли

— Я всегда буду беспокоиться.

— Лучше и не скажешь, — проворчала она, а затем посерьезнела. — Посмотри вокруг. Посмотрите, чего мы достигли. Как далеко мы продвинулись. Дай нам шесть месяцев. Год. Представь, что мы можем сделать.

— В тебе столько уверенности.

— Я прекрасно знаю людей, в которых верю.

— А если этого недостаточно?

Она выпятила подбородок, ее зеленые глаза сверкнули знакомой решимостью.

— Мы сделаем, чтобы стало достаточно.

Когда солнце скрылось за деревьями, дети пошли в дом, чтобы поиграть в карточную игру с Молли, а Призрак рысью побежал за ними, разбрасывая повсюду снег.

Лиам и Ханна остались снаружи. У Лиамы оставалось еще несколько минут до дежурства. Он хотел провести с Ханной каждую минуту.

Они вместе смотрели на темнеющую ночь. Деревья стояли молчаливые и высокие, как часовые, а за ними блестела замерзшая река.

Он чувствовал присутствие Ханны рядом с собой, теплое и твердое, излучающее спокойствие, мир. Одно ее присутствие успокаивало его израненную душу.

Ради этого он и сражался. Это стоило того.

Он прочистил горло.

— Думал, это я спасаю тебя.

Она подняла на него глаза.

— Там, в лесу, в хижине.

Она одарила его язвительной улыбкой, ее губы изогнулись так, как он любил.

— Но без тебя меня бы здесь не было. У меня не появилось бы... всего этого. — Он широко раскинул руки, внезапно не в силах объяснить эмоции, сгустившиеся в его горле.

Эти люди, это место. Ханна. У Лиамы не хватало слов, чтобы объяснить, как она нашла путь в его холодное, мертвое сердце. Как она вернула его к жизни.

После смерти Джессы и Линкольна он думал, что больше никогда не захочет ничего и никого. Он думал, что не заслуживает этого. Теперь он хотел всего этого. Ханну. Ее детей. Призрака. Дружбы Квинн, Молли и Бишопы. Дом, который он мог бы назвать своим. Непростая, болезненная красота полноценной жизни.

Ханна подошла ближе, ее зеленые глаза сияли.

— Люди спасают друг друга, Лиам. Мы спасли друг друга.

Они стояли с поднятыми лицами, выдыхая бледный воздух, который поднимался и исчезал в темноте. Верхушки деревьев таяли в черном небе и медленно исчезали, пока не стало видно горизонта — только ночь, только небо, только чернота, усыпанная невероятно яркими звездами. Вся Вселенная горела звездным светом.

Лиам не был поэтом или религиозным человеком, не склонен к сентиментальности. И все же он чувствовал, как его грудь расширяется от благодарности, как его наполняет чувство удивления. Этому миру, этой ночи. К ней, женщине рядом с ним.

— Ты теперь здесь свой, — сказала она. — Фолл-Крик и твой тоже.

Он колебался, не зная, что сказать.

— Если ты этого хочешь.

Ханна прикусила нижнюю губу.

— Хочу.

— Тогда я останусь.

Она улыбнулась.

— Хорошо.

Ему потребовались все силы, чтобы не заключить ее в свои объятия прямо сейчас. Он сопротивлялся желанию приподнять ее подбородок и поцеловать Ханну как следует.

Что-то его удержало.

Придет время, и он скажет то, что нужно сказать, озвучит свои намерения. Но для этого нужно выбрать подходящий момент и сделать все правильно. Сегодня еще рано.

Ее муж умер всего несколько дней назад. Она едва не потеряла сына. Не говоря уже о том, что ей пришлось убить похитителя и наблюдать, как его мать-социопатка умирает у нее на глазах.

Какое бы решение ни приняла Ханна, он не хотел, чтобы оно становилось реакцией на травму или горе. Он хотел, чтобы это решение имело под собой реальную основу.

Ей нужно исцелиться. На это требовалось время.

Лиам даст Ханне время.

Она смотрела на него в темноте, искала его лицо, его глаза.

— У меня есть для тебя работа.

— Говори.

— Твой племянник, — тихо сказала Ханна. — Ты не успокоишься, пока его не найдешь. Найди родителей Джессы. Если они согласятся, привези их в Фолл-Крик. Верни остальных членов своей семьи домой.

Глава 69

Саттер

День семидесятый

Маттиас Саттер продвигался вперед, с АК-47 в руке, полз по слякотному снегу и гнилым листьям на животе и локтях, пока не достиг гребня холма.

Рычание двигателей привлекло его внимание — больше механических звуков, чем он слышал одновременно за три месяца.

Он находился где-то к северу от Гранд-Рапидс. Ему потребовалось пятнадцать дней, чтобы проехать сто миль на мотоцикле «Сузуки Квадраннер» 1982 года, который он украл у Розамонд. Конечно, ему пришлось почти неделю провести в норе, чтобы оправиться от ран и принять антибиотики.

Это потребовало времени. И еще несколько пуль.

К счастью, огнестрельное ранение, которое он получил, оказалось сквозным. Пуля пробила жир и мышцы его левой стороны ниже ребер и вышла с минимальными повреждениями, хотя было чертовски больно.

Держа между собой и целью тонкий подлесок, Саттер опустил винтовку и прислонил ее к корню близлежащего дуба, снял прицел и посмотрел вниз по склону.

Около двадцати пяти мотоциклов стояли на большой поляне в ста ярдах от дороги. Еще двадцать старых грузовиков, джипов и квадроциклов расположились кругом на поляне. К нескольким машинам были прикреплены десятки кемперов.

Дым клубился от костра в центре поляны. На столе, покрытом брезентом, лежали обработанные останки зарезанного оленя. Остальная часть оленя жарилась на костре.

Десятки мужчин и женщин собрались вокруг места приготовления пищи. Они были одеты в обычную одежду — джинсы и брюки-карго, кожаные куртки и пальто, но все хорошо вооружены. Детей среди них не было видно.

При ближайшем рассмотрении они оказались не столько мужчинами и женщинами, сколько молодыми людьми. Некоторые худые, прыщавые подростки, которым следовало бы учиться в старших классах, но большинство выглядели крепко сложенными парнями в возрасте от пятнадцати до двадцати лет.

Зависть уколола его. Когда-то он командовал подобной группой, хотя его отряд был меньше. Он превратил бы их в свою личную армию — если бы Лиам Колман не разрушил

его планы.

Темная ярость сжигала его нутро. Он ненавидел проигрывать, но, в отличие от своей кузины, был достаточно умен, чтобы побороть свою гордость и разорвать связи, когда это нужно.

Месть не может быть сладкой, если ты мертв.

До него донесся восхитительный аромат жарящегося мяса, смешанный с дымом костра. У Саттера пересохло во рту. Он убил бы каждого человека здесь за один кусочек оленины.

К сожалению, их больше сотни, а он один. Лучше держаться в тени. Возможность представится в другой день.

Он закрыл прицел, поднял винтовку и начал медленно отползать назад, кусая щеку от резкой боли в боку, извиваясь бедрами и упираясь локтями в слякотную мульчу для опоры...

Позади него хрустнула ветка.

Сердце Саттера заколотилось. Он дернулся, пытаясь поднять винтовку. Слишком медленно, слишком поздно.

Что-то холодное и твердое прижалось к его черепу.

— Брось оружие, — прорычал молодой, хрипловатый голос.

Он бросил винтовку. Его схватили и потащили вверх. Сзади и сбоку приближались новые люди.

Через тридцать секунд они поставили его на колени, обыскали и забрали ножи, пистолет и длинноствольное оружие, а также рюкзак и брелок от квадроцикла.

Худой подросток с жирной, покрытой прыщами коричневой кожей связал его руки скотчем за спиной. На вид ему было едва ли пятнадцать, арбалет висел на спине, а на бедре болтался топор.

— Следишь за нами? Ты только что совершил самую большую ошибку в своей жизни, болван.

Двадцать вооруженных подростков окружили Саттера. Пятеро направили винтовки ему в лицо. Помимо оружия, большинство из них владели причудливым оружием — копьями, арбалетами, косами, дубинками и топорами.

Саттера охватил страх.

— Там только один квадроцикл, — прокричала девушка с холма. — Он один.

Вперед вышел молодой человек с длинным мечом в ножнах на правом бедре и с изогнутым лезвием серпа на левом боку. Ему было едва за двадцать, не больше. Крепкий и жилистый, с узким сальным лицом и глубоко посаженными глазами под толстым выступом лба. Жесткие пшенично-светлые волосы ключьями прилипали к черепу.

— Что ты хочешь, чтобы мы с ним сделали, Ксандер? — спросил худой подросток.

Ксандер едва взглянул на Саттера.

— Что мы делаем с любим, кто не из наших? Убиваем его.

Саттер через это уже проходил. Пока он жив, всегда есть шанс.

— Ты не хочешь этого делать.

Ксандер усмехнулся, обнажив ровные, слегка пожелтевшие зубы.

— Определенно хочу.

— Хочешь оказать ему такую честь? — спросил здоровяк с огромной шипастой булавой, похожей на средневековое оружие ближнего боя, украденное из музея. — Или мне лучше избавиться от этого придурка?

Судя по тому, как остальные подчинялись ему, Ксандер явно был лидером. В его глазах

светился дикий, почти безумный блеск. Блеск человека, который наслаждается разрушением — наблюдает за ним, расправляется с ним.

— Подождите. — Саттер сохранял нейтральное выражение лица. Важно не показывать страха. Если он сможет пережить следующие пять минут, у него будет хороший шанс повернуть все это дерьмовое шоу в свою пользу.

— У меня есть кое-что, что вы захотите услышать.

Ксандер усмехнулся.

— Сомневаюсь.

— Ты ищешь еду, воду и кров?

— Нет.

Саттер моргнул.

— Нет?

Ксандер бесстрастно наблюдал за ним. Несколько мальчишек позади него захихикали.

— Как насчет электричества?

Ксандер поднял руки и закружился по кругу. Он двигался как дикая кошка, быстро и стремительно. Остальные наблюдали за ним с нетерпением и предвкушением. Они знали, что будет дальше.

— Нам есть дело до электричества?

— Смерть электричеству! — прокричала девушка, с ледорубом на поясе. — Смерть электричеству!

Остальные подхватили крик, смеясь, гогоча, как гиены.

— Смерть электричеству! Смерть власти! Смерть власти!

Ксандер присел перед ним на корточки так, что их лица оказались на одном уровне. В ноздри Саттера ударила вонь немытого тела.

— Нам не нужно ничего, что вы, отжившие старики, можете предложить. То, чем вы дорожите — ваши угловые офисы и большие шикарные дома, — все это ложь. Теперь для нас ничего нет. Ни колледжа, ни работы, ни будущего. Поэтому мы сносим все это. Кирпич за кирпичом, лампочка за лампочкой.

— Смерть власти! — скандировали несколько подростков. Несколько из них издали жуткий вой, подняв боевые топоры и винтовки со штыками, высоко вскинув кулаки.

Они были анархистами. Безумцами. Зачем уничтожать то, что делало жизнь достойной? Саттер не понимал этого. Не понимал их.

Но все чего-то хотели. Каждый.

— Вам нужно топливо, по крайней мере, для ваших машин. Так?

— Убей его уже! — прокричали несколько из них. — Воспользуйся мечом! Возьми меч!

Ксандер поднял одну руку. Толпа позади него затихла.

— Где?

Возможно, им плевать на удобства и комфорт старого мира, но они голодны. Саттер узнал жесткий блеск в их глазах, то, как дергались пальцы на их мачете, арбалетах и кинжалах.

Их голод из тех, что никогда не проходят. Голод саранчи, опустошающей все на своем пути.

Если они хотели что-то уничтожить, он готов дать им это.

— Я знаю одно место, — проговорил он, стараясь, чтобы его слова не прозвучали слишком нетерпеливо. — В наши дни — это похоже на рай на Земле. Оно называется Фолл-

Крик.

Конец пятой книги.

Больше книг на сайте — Knigoed.net